

ФОТО ВИКТОРА ГРИЦЮКА

✉ **103009, ул. Воздвиженка, д. 4/7**
☎ **202-17-45; 202-15-93; 202-62-65**
Факс: **(095) 202-96-04**

РОДИНА

9—1994

ISSN 0235—7089

ФОТО ВИКТОРА БРЕЛЯ

МИРОТВОРЦЫ

Российские миротворческие силы встали между грузинскими и абхазскими вооруженными формированиями. Конец войне?

ФОТОГРАФИИ ГРИГОРИЯ ТАМБУЛОВА

РОДИНА

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 9 — 1994

УЧРЕДИТЕЛИ: ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, АДМИНИСТРАЦИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Выходит с января 1989 г.

Номер набран и сверстан в компьютерном центре журнала «Родина».

Родословная

Путь

Международный фонд «Культурная инициатива» осуществил благотворительную подписку на журнал «Родина» на 1994 г. для пяти тысяч библиотек России, других стран СНГ и Балтии.

Наследие

Дом

CONTENTS

Россия — Сфинкс. «...И тем она верней//Своей загадкой губит человека,//Что, может статься, никакой от века// Загадки нет и не было у ней», — этим тютчевским прозрением хочется продолжить мысль, даром что у Тютчева — о природе, а не о России.

Нет никакой загадки. И рока русского тоже нет. Мы сами себе выбираем и песни, и судьбы. А жестокие зимы бывают во времена шапок с ушами. Ты сам этого хотел, Жорж Данден.

И дровишек в костер кому надо подкладывал, святая простота.

Хулить либералов — дело беспроигрышное. Чего там: да они специфики нашей не понимают! А я думаю, что как раз родовое свойство и задача либерала в том и состоят, чтобы «не понимать». И он «не понимает», этот вечный путаник, — вот только потом, по прошествии лет, почему-то оказывается, что понимал он поболее своих критиков...

Как бы ни старались борцы с влиянием Запада, восточнее коих только китайская стена, извести на нашей почве саму идею свободы личности, — не получится. Сама русская культура не даст. Можно сколько угодно спорить о политических взглядах Пушкина, но его понимание творчества как свободы — глубоко либерально. Или перечитайте без шор письмо Белинского к Гоголю — и вы увидите в нем великий манифест отечественного либерализма, вызов, за полтораста лет до сегодняшних споров брошенный проповеднической традиции русской литературы. Привычное для России нравственное обоснование общественного устройства было оспорено либеральным, правовым.

Именно в контексте культуры, а не, скажем, политических идей дореволюционных кадетов возродился у нас либерализм в послесталинские времена. Общественная мысль с поразительной естественностью двинулась в либеральном направлении; именно таков был вектор — а следовательно, и сам дух — «Нового мира» 60-х, что бы ни говорили о шестидесятниках нынешние интеллектуальные пижоны. А ведь либеральный выбор — это путь не наименьшего, а наибольшего сопротивления. И тем самым, замечу, — наибольшего сопротивления несвободе.

В самой основе либерализма — усложнение, дифференциация, то есть выделение личности из среды, противостояние ей. А значит, противостояние не просто коммунизму, — это случай частный и преходящий, антикоммунист-нелиберал легко впадает в любой другой соблазн, — а любой архаике, любой надличностной идее.

Или, как сказал великий писатель и великий либерал Чехов, «свобода от силы и лжи, в чем бы последние две ни выражались».

ПЕТР СПИВАК,
редактор отдела публицистики журнала «Родина»

Родословная

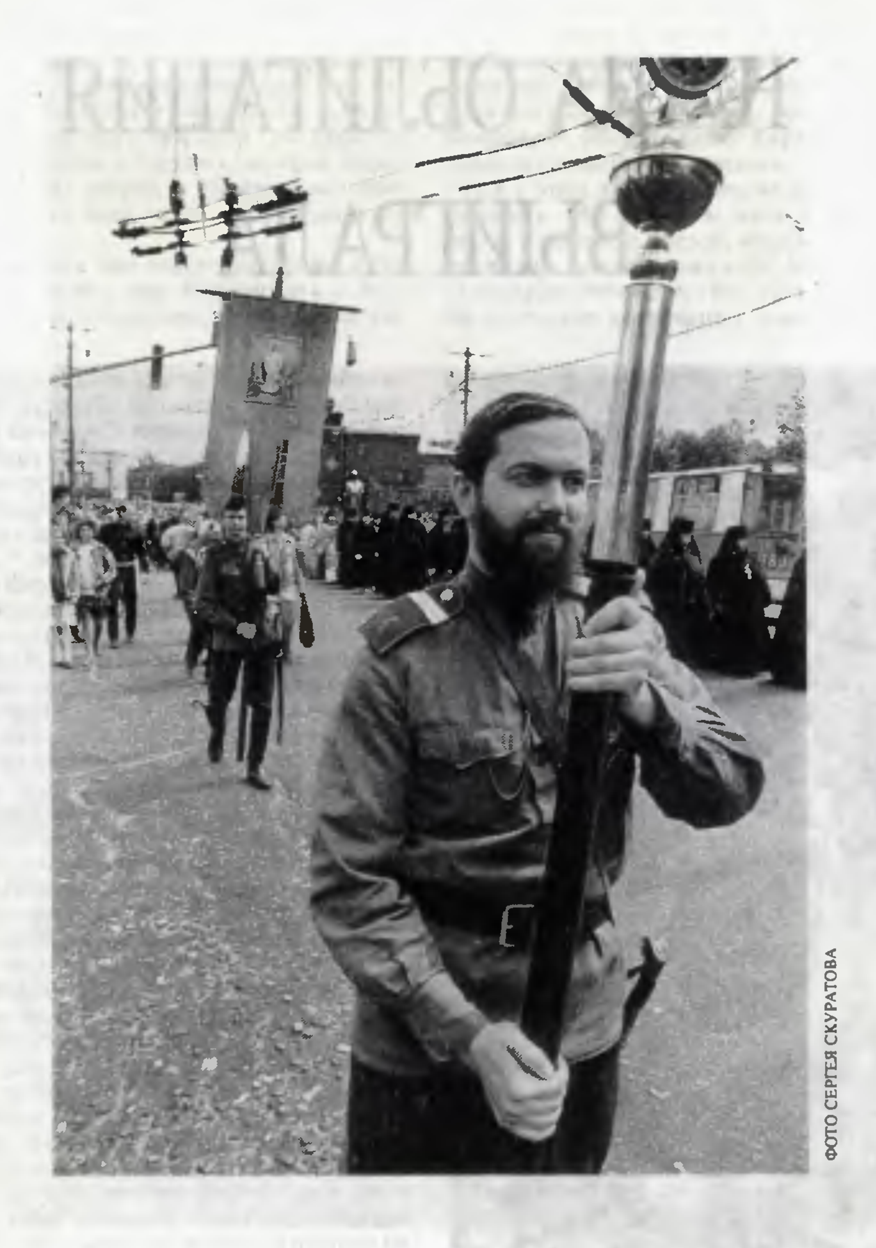

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Без «Мерседеса» конец света?

Миссия русской эмиграции

Сотворение тайной милостыни

ВАЛЕРИЯ НОВОДВОРСКАЯ

НАША ОБЛИГАЦИЯ ВЫИГРАЛА

ФОТОГРАФИИ
ГЕННАДИЯ БОДРОВА

К нам, к русской истории, вообще применимо знаменитое изречение Кьеркегора: «У него нет прошлого, о котором он мог бы вспомнить, так как его прошлое еще не наступило». У нас нет незыблемой истории, высеченной в престижных фолиантах, как на бронзовых таблицах, истории, к которой приятно и полезно обращаться, как в банк, где хранится твое солидное состояние, помещенное под хорошие проценты. Счет в порядке; английская, французская, американская, скандинавская история устремляется к сияющему алмазному венцу благополучия и триумфа. Наша же история не установилась, — как лед на реках в октябре-ноябре, она колеблется и принимает каждый раз новые очертания под резцом очередного реформатора, начинающего с чистого листа, ибо история России — это история болезни, скорбный лист, и четыре века подряд, со времен Избранной Рады, через Адашева, Курбского, Крижанича, Василия Голицына, Григория Отрепьева (кто бы он ни был), петровской шоковой терапией, радищевским бунтарством, чаадаевским нигилизмом, тургеневским скепсисом, передавая эстафету вестернизаторам. западникам Гайдару и Милюкову, Россия пытается изменить свою судьбу: постфактум, посмертно, загробно.

Российская история — это история поражения, и мы все время пытаемся ее переиграть на любые три карты и победить не только настоящее, но и прошедшее. Каждое поколение делегирует кучку безумцев на некий матч века: Россия начинает белыми и проигрывает, неизменно проигрывает свою партию Судьбе. Но следующее поколение не желает мириться с неизбежностью и безысходностью и играет опять. Все статьи и трактаты публицистов, историков и политологов — это оправдания русского школьника перед строгим Учителем — Историей, почему у нас опять не выучен урок, почему мы опоздали в класс, провалились на контрольной. Причин полно, и одна уважительней другой: климат, враги, нашествия, большевики. Но что из того, что маленькая сестренка заболела и надо было бежать в аптеку? Что из того, что мешал грипп, что отец опять пришел домой пьяным? Урок все равно не выучен, и двойка неизбежна, и это скажется на отметках в четверти. И климат здесь ни при чем.

Мы страдаем исторической шизофренией, мы продукт неудачного синтеза, наши разные души враждебны друг другу и несовместимы ни во времени, ни в пространстве. Мы несем в себе пять традиций, и только одна из них — западническая, ведущая к разуму, знанию, комфорту и закону. Цивилизацию варяги нам не принесли: тогда у них самих не было ее; они обретали древнее знание от кастальского ключа великого звенящего Рима, принося на оплодотворенные римским рацио кельтские пространства свою волю и драгоценный дар индивидуальной свободы. Но скандинавская традиция, окрашивая наш гиперборейский напиток каплей горечи, никогда не наполняла чашу. Славянская традиция почти подавила ее.

Варяги были Штольцы; славяне были Обломовы и Маниловы. Коммунитарное, коллективистское сознание пришло со славянской традицией: через древнюю «вервь» до колхоза через общину; через толстовское «земля — Божья» до отмены частной собственности на землю эсеровской Учредилкой; от лествичного права, поставившего соборное согласие выше разумного закона, до тендряковского, из «Кончины», крестьянского вопля на сходе: «Не желаем своей земли! Артельно чтоб!» Тогда как у скандинавов, в древней Норвегии, кроме бондов, свободных землевладельцев, не было никого: ни смердов, ни вдачей, ни рядичей, ни закупов.

Традиция Дикого Поля привнесла в нашу кровь разгульное, жаркое, бесшабашное дыхание степей и породила племя бандитов, разбойников, запорожцев, нигилистов — словом, «людей длинной воли».

Византийская традиция сделала нас холопами, все отдающими Кесарю — и Кесарево, и Божье, дала нам магическое христианство безволия и покорности, христианство скита, в отличие от фаустианского христианства крестоносцев, конкистадоров и будущих лютеран. Европейская Реформация вела вперед, в капитализм; наши протестанты, раскольники вели назад, в «душную шубу сибирских степей».

Ордынская традиция дала нам топор палачества и безумное желание покорить весь мир. Империя зла — бесплодная, злая, как осиное гнездо, неэстетичная, как выгребная яма, — это и была Московская Орда, сиречь СССР. СССР — это монгольский аркан, взвившийся над Вселенной, это искры степного костра кочевников, диких и бездомных, издававших «Искру» и создававших ГУЛАГ, это ржание коней и скрежет танков вечного похода.

Мы, русские, ненавидим себя, ибо эти пять традиций несовместимы. В нашей крови — вечное побоище (на Куликовом поле, на льду Чудского озера, под Царьградом, под Полтавой). Танцуя столетиями с Роком, мы выучились решать мировые, проклятые вопросы; однако уравнения нормальной человеческой жизни мы решать не умеем. Моя Россия — юродивая пророчица. Ее выкрики и стоны жадно слушает мир (кто на Западе из приличных людей не читал в переводе Достоевского?), но ноги ее босы, она в посконной рубахе, и в хороший дом ее не впустят. Она как князь Мышкин — с гениальными прозрениями, но без крова и средств к существованию; с великой добротой, но без адекватности в реальной жизни. Другая ее сторона — мрачная страсть Рогожина (мы любим, убивая). В ней плещется вечная истерика Настасьи Филипповны, неистовый бред Петра Верховенского, самосожжение Карамазовых. Россия — персонаж из романа Достоевского.

Как с этим жить? Жизнь не про нас, нам дана только Вечность. Мы не умеем жить в минутах; мы живем в веках: кошмаром, грезой, миражом. Я ненавижу это, но это во мне, и я ненавижу себя. Мы должны освободиться от заклятия Вечности, стать такими, как немцы, французы, англичане, американцы: комфорт, изобилие, цветные этикетки, ванная в каждом доме, уютные фермерские коттеджики, все провинциальные городки, как Твин Пикс (только без убийств и призраков). Ухоженная, сытая, довольная, деловая, цивилизованная Россия, забывшая о том, что она мировая держава, не думающая более ни об Истине, ни о смысле жизни, вся в автострадах, парках, иномарках и «Макдональдсах».

Но этого не будет. Запад развеивается, как мираж, и оставляет нас в пустыне социализма. Пусть девочка плачет. Шарик улетел. Наша история сверкает и пенится, как водопад, и так же, как водопад, устремляется в бездну. Могучий порыв — в никуда. Туристы глазеют. Мы — достопримечательность. От нашей бездны они вернутся домой. Обедать. А для нас нет возврата. Пусть Бог сжалится над Россией и пошлет ей либо капитализм запад-

ного образца, сияющий, как «Мерседес», либо гибель. Все — или ничего. А пока — Вечность, как вампир, высосала всю нашу кровь. Получается, как в том анекдоте: поколение за поколением вкладывает все в некий заем, а потом, когда это поколение уже на кладбище, между могил бродит старик, стучит клюкой по мраморным плитам и сообщает: «Ваша облигация выиграла».

Наша облигация выиграла. Только получать уже некому и не с кого...

НИКОЛАЙ ПАВЛОВ,
политический секретарь Национально-республиканской партии

ПО ТУ СТОРОНУ И СПРАВЕДЛИВОСТИ, И СВОБОДЫ

Тоскливо и скучно полемизировать с Валерией Новодворской. Тоскливо, потому что жаль талантливого человека. В своей недавней книге «По ту сторону отчаяния» она признается: «В моей команде Лужков. Он играет честно, он играет за нас, наши пути сошлись, но для меня это ужасно». Такие строчки ведь не пишутся просто так, они выстраданы. И как не пожалеть человека, боровшегося с системой и вдруг оказавшегося в одной команде не только с Лужковым, но и с Бурбулисом, которого бывший политзаключенный А. Огородников публично по телевидению назвал одним из своих гонителей, инициатором отчисления из университета и последующего лишения свободы. И не хочешь, да пожалеешь.

А скучно спорить по причине определенной исчерпанности и устарелости спора. Не Россия персонаж из романов Достоевского, как утверждает Новодворская, а ее собственные взгляды почти дословно воспроизводят мнение одного из персонажей писателя. «Я всю Россию ненавижу, Марья Кондратьевна». И далее: «...и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с». Это своими мечтами и чувствами делится лакей Смердяков в «Братьях Карамазовых». А вот мечты Валерии Ильиничны, по ее же собственному признанию не уважающей наш народ, но любящей и жалеющей его: «Я в претензии на недостаточно смелую игру. Я бы на его месте еще не так сыграла. Под предлогом борьбы с ГКЧП вызвала бы войска НАТО и США и под их прикрытием провела бы реформы, как американцы в Японии и Германии после 1945 года». Это она отчитывает Ельцина за недостаточную решительность после августа 1991 года. Только приходили к нам эти самые войска и в 1812-м, и в 1941-м, да и раньше случалось. И народ наш, который, по убеждению Новодворской, «на 80 процентов состоит то ли из кроликов, то ли из баранов», обычно отправлял их домой, но чаще в лучший из миров. Думаю, что и на этот раз, даже при активной позиции всего Демсоюза, результат был бы не лучше. Так что зря обижает Ельцина наша мечтательница. Пять традиций русской истории по Новодворской он, может быть, и не знает, но одну, кажется, усвоил хорошо. Фильм про Александра Невского в нашей стране смотрели все мальчишки.

Можно много еще приводить цитат и из книги Новодворской, и из ее статьи в «Родине», но настоящей дискуссии все равно не получается. Жертва ведь не может спорить с убийцей. А то, что России уготована роль жертвы, Новодворская не скрывает. «Пусть Бог сжалится над Россией и пошлет ей либо капитализм западного образца, сияющий, как «Мерседес», либо гибель». Поскольку капитализм западного образца, по определению, может быть только на Западе, нам, очевидно, уготована только гибель. В книге об этом сказано еще откровенней, чем в статье. «За ними — тысячелетие российской истории, которую мы хотим перечеркнуть». Это наша любящая Россию мечтательница пишет о своих противниках из распущенного Съезда и Верховного Совета. Гены есть гены, и они дают о себе знать. Дедушка Валерии Ильиничны — большевистский комиссар в армии Буденного, а прадедушка даже основатель смоленской подпольной типографии и, конечно же, старый социал-демократ. Какой же может быть взгляд на историю России у продолжательницы такого революционного рода?! Разумеется, только революционный!

Мне здесь приходится значительно трудней — мой дедушка по отцу русский крестьянин Иван Павлов сгинул в ссылке после лагеря, а все прадеды просто пахали землю в Ярославской губернии и растили детей. И «освободительные» идеи, идущие с Запада, будь то в виде марксизма, как это было в начале века, или либерализма, как это происходит теперь, не исповедовали, не распространяли и за них не боролись. А боролись всегда исключительно за право самим решать свою русскую судьбу не по Марксу, Хайеку или Милтону Фридману с Дж. Саксом, а по своему разумению и пониманию. И потому-то Россия «переварила» оголтелую русофобию марксизма-ленинизма, который несли предки Новодворской, «переварит» и либерализм, навязываемый нам сегодня их прямыми и духовными наследниками.

И мы, русские, ненавидим не себя, как утверждает Новодворская, а врагов своих, мешающих нам жить. И потому мы всегда гордились и будем гордиться Куликовым полем, и полем Бородинским, и битвой на Чудском озере, и под Полтавой. Мы будем гордиться и битвами под Москвой и Сталинградом, и взятием Берлина. Гордиться, потому что мы защищали свою честь и свободу, свое право на выбор судьбы. А хвалимые Новодворской «штольцы» с их «драгоценным даром индивидуальной свободы» без единого выстрела и даже писка добровольно отдали абсолютную власть над собой бесноватому ефрейтору, не только отказавшись от своей индивидуальной свободы, но и согласившись с доктриной тотальной несвободы для всего мира. Мы же, русские, пусть и с традициями славянства и византийства, давшими нам, по Новодворской, «магическое христианство безволия и покорности», воевали с 1917-го по 1921 год с носителями «передовой» западной традиции марксизма. И если не победили сразу, то перемололи это самое «передовое учение» уже через несколько десятилетий. И вновь это «красное колесо» запустить никому не позволим. Потому Россия стояла, стоит и стоять будет не лозунгом «или — или», то есть не лозунгом «свобода или справедливость», а лозунгом «и свобода, и справедливость». Для русских без справедливости свобода не существует, так же как и без свободы нет справедливости. И борьба и за свободу, и за справедливость как раз и составляет основную и единственную традицию русской истории.

Когда Новодворская мечтает о таких городках, как Твин Пикс, но без убийств, то как женщину я ее понимаю. Вот только неплохо бы ей поездить не по рождаемому ее кинематографическими фантазиями Западу, а по реальному, где не только убийства и призраки, но имеются целые районы, куда даже на автомашине не решается заехать взрослый вооруженный мужчина. И количество их не уменьшается, а растет. Наши нувориши, печатающие в газетах объявления о 2 млрд. руб. вознаграждения за информацию о терактах против них и окружающие себя десятками телохранителей, кажется, начинают понимать, какой бывает свобода без справедливости. Но это только начало, первые результаты отказа «новых» революционеров думать об Истине и смысле жизни, к чему так страстно призывает Новодворская. И когда она открыто заявляет, что «сейчас не до пустяков. Не до права народа решать свою судьбу», и мечтает навязать нам, русским, очередной «передовой ...изм», то для меня диагноз очевиден. Перед нами классический необольшевизм и смердяковщина, в которых нет ни свободы, ни справедливости. И потому такой подход заведомо обречен на поражение и Ваша облигация, Валерия Ильинична, не выиграет никогда! Но каждая Ваша статья дает нам, русским нереволюционного происхождения, тысячи сторонников. Ведь Россия жила и будет жить не русофобским бредом Смердякова, а спокойным достоинством Пушкина, писавшего за три месяца до своей гибели в письме Чаадаеву: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор — я раздражен, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Русские не отрекаются любя!

ЧТО ПРИНЕСЕТ С СОБОЙ ЭМИГРАЦИЯ?

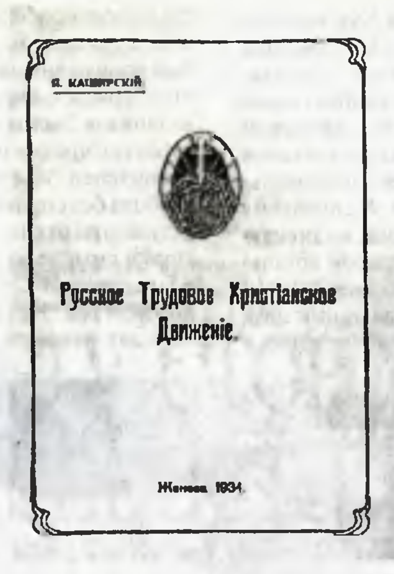
Среди множества политических, общественных и религиозных организаций русского зарубежья заслуживает внимания практически забытое ныне Русское Трудовое Христианское Движение (РТХД). Оно стремилось к гармоничному сочетанию всех названных выше областей эмигрантской деятельности. Именно этим РТХД может быть интересно христианским политикам в современной России.

РТХД возникло в 1931 году в Швейцарии и Франции по образцу существовавших на Западе еще с XIX века католических и протестантских корпоративно-синдикалистских движений и при их организационной поддержке как «независимая православная ветвь» международного Трудового Христианского Движения. К 1934 году деятельность РТХД распространилась на многие страны, охватив около 5.000 человек. Местные союзы РТХД объединились в Конфедерацию (председатель А. Лодыженский, генеральный секретарь Б. Никольский) с Исполнительным органом (Бюро Русских Трудящихся Христиан) в Женеве.

Помимо местных печатных изданий Движения в разных странах, выходил общий ежемесячник «Новый путь».

Постоянные разделы РТХД «Вера, Родина, Семья» имелись в «Часовом» (орган связи зарубежного воинства), в «Православной Руси» (журнал Зарубежной Церкви). К теоретическим разработкам привлекались И. Ильин, А. Карташев, К. Зайцев (будущий архимандрит Константин), редактор газеты «Возрождение» Ю. Семенов, А. Гулевич, Е. Тарусский, А. Анцыферов, прот. Г. Флоровский и другие известные деятели.

Следует заметить, что в те годы значительная часть эмигрантов не теряла надежд: сначала — на новый «весенний поход»; затем — на создание подполья в большевистской России и организацию восстаний; еще позже — на помощь стран «Антикоминтерна». Но после того как Запад признал власть интернационалистов-большевиков, преодоление большевизма все больше виделось лишь внутренними усилиями русского народа на пути изживания мертворожденной марксистской утопии. Соответственно многие религиозные публицисты (например, главный редактор журнала «Путь» Н. Бердяев, соредактор «Нового града» Ф. Степун и др.) резко выступали против военно-политической активности эмиграции, в пользу активности творческой, для разработки «облика будущей России». РТХД же (подобно

И. Ильину) ставило вопрос не об отказе от политики, а об ее соответствующем месте в иерархии духовных ценностей.

Конкретные цели РТХД делились на актуальные — «способствование улучшению условий труда путем взаимопомощи и удешевления жизни, а также обеспечения на случай потери заработка и трудоспособности» (тяжелое положение русских беженцев заставляло искать и более тесные формы трудовой взаимопомощи, в том числе артельные и кооперативные) — и конечные — «содействие установлению совместного общественного порядка, основанного на сотрудничестве классов и на примирении противоречий между ними».

Иностранная поддержка и денежная помощь от Международного (Нансеновского) комитета Лиги Наций по делам беженцев (как Лигу Наций, так и русский отдел Комитета возглавляли масоны, в частности К. Гулькевич) наводили на размышление: не масонское ли это начинание?

В своей программной брошюре РТХД резко осуждало масонство, как «источник разложения», и одобряло фашизм, корпоративизм, солидаризм. Председатель Движения А. Лодыженский и его брат не раз выступали с докладами о богоборческом союзе большевиков и западного масонства, где заявляли: «Все возрастающее еврейское влияние в ложах, особенно в ложах Великого Востока, значительно усилило в них резко антихристианские настроения. ...Решающим аргументом для убеждения консервативно настроенных французских радикалов в пользу сближения с большевиками явилось указание на Советскую Россию как на оплот мирового безбожия». А одним из условий Лодыженского для отбора делегатов на съезд РТХД во Франции в мае 1939 года было следующее: «Все участники съезда заранее обязываются словом, что не принадлежат к масонству или иной противохристианской или противонациональной явной или тайной организации».

Одобрительные ссылки на фашизм в программных документах РТХД не должны вводить в заблуждение современного читателя. В 1930-е годы это слово имело иное, отчасти романтическое значение. Подавляющее большинство русской эмиграции симпатизировало фашизму, как единственному тогда союзнику в борьбе против коммунизма.

РТХД справедливо считало, что наше послекоммунистическое «оздоровление... не сможет быть подлинным, окончательным, если будущая российская государственность не воплотит в себе вместе с выстраданным русским народом опытом — опыт государственной жизни других стран, также болеющих в настоящее время, также болезненно ищущих новых форм государственной и общественной жизни».

Подчеркивая свое отличие от европейского фашизма, РТХД утверждало то же, что и подавляющее большинство русской эмиграции в 1930-е годы: «Российское возрождение, несомненно, будет во многом духовно родственно итальянскому фашизму. Но оно не будет русским, если сведется к рабскому повторению... Еще более это относится к упрощенным попыткам повторения германского опыта для спасения России», ибо в России иные нравственные традиции, которые «совсем не похожи на те чуждые русскому человеку отношения, какие породила теория рас». «Нет, нужно что-то еще, фашизму родственное, по тому же пути идущее, но более сильное, более глубинное, русское и общечеловеческой современной маятной душе созвучное». Это становилось все очевиднее по мере того, как итальянский фашизм вырождался в примитивный авторитарный режим с языческими чертами.

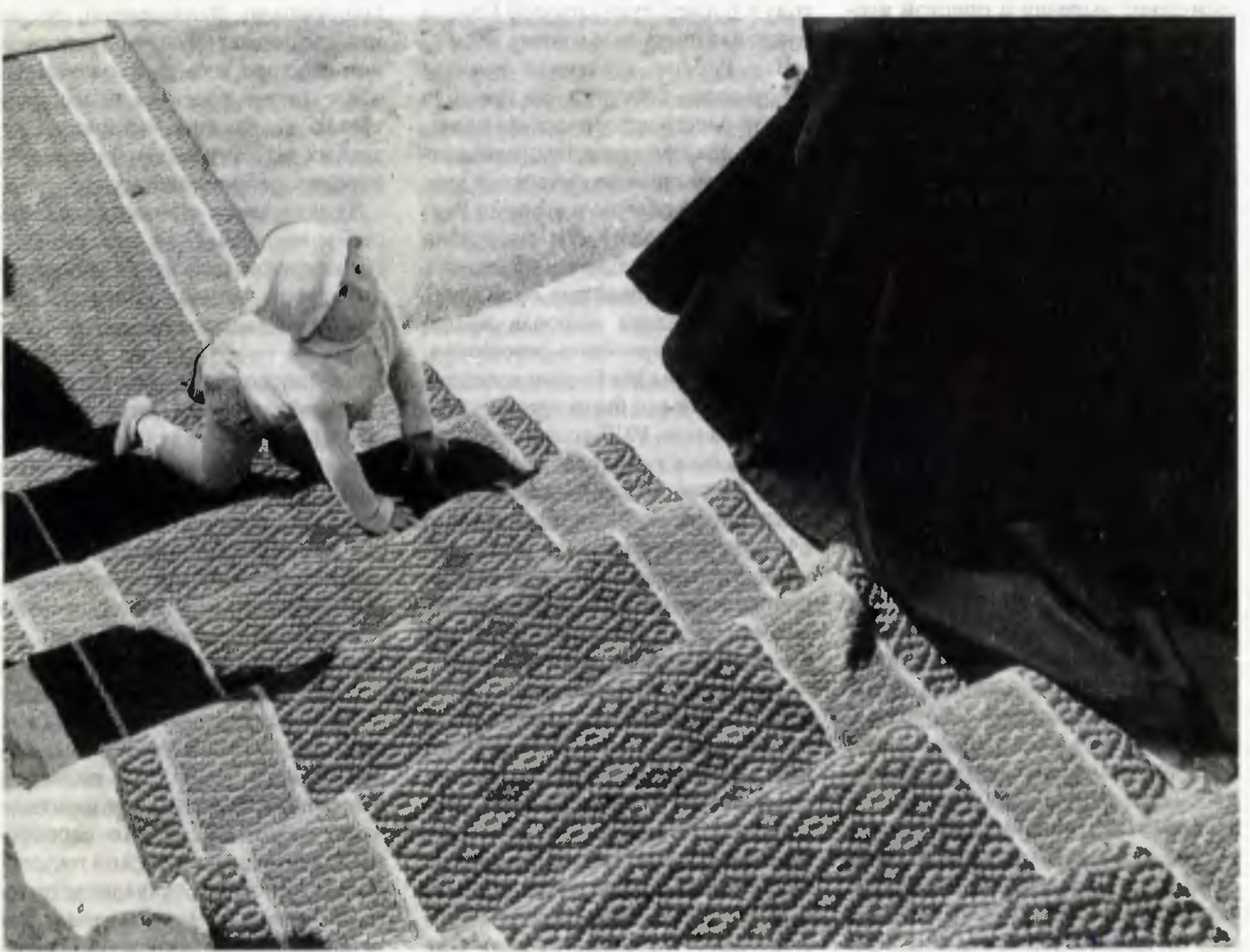
Веря в лучшее будущее России, деятели РТХД предвидели многое из того, что происходит на наших глазах: «...когда Россия выйдет из теперешней больницы, она откроет широко доступ свежему воздуху, сметя все проволочные и иные карантинные преграды... И тогда хлынет в Россию потоком все то, что сейчас там не может жить без воздуха. Хлынут иностранцы в погоне за наживой. Хлынут и эмигранты, из которых «национализируются» снова, ставя на сильную Россию, многие из тех, кто сейчас «денационализируется». И тогда-то станет во всю свою величину, как в день Страшного суда, вопрос, что принесла с собою на родину эмиграция. С пустыми руками прийти будет нельзя. Нельзя будет отделаться одними словами и декларациями. Придется или предъявить что-то ценное, нужное для будущей России, или признать свою никчемность, ничтожество и ненужность».

Данную публикацию мы сопровождаем докладом одного из деятелей РТХД — Б. Гершельмана «Русский идеал христианского государства» (конец 1930-х годов, из архива автора).

МИХАИЛ НАЗАРОВ
(МЮНХЕН)

БОРИС ГЕРШЕЛЬМАН

РУССКИЙ ИДЕАЛ ХРИСТИАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

ФОТО СЕРГЕЯ ПОТАПОВА

По учению апостольскому, с которым ныне соглашается и точная историческая наука, всякий народ и всякое государство имеют свою особую часть в общем человеческом делании и, в связи с этим, свой особый путь совершенствования. И народ и государство живы лишь до тех пор, пока они идут именно этим путем: как только они оставляют его и уклоняются в сторону, они погибают или вымирают физически, или вырождаются нравственно, либо превращаются в другой народ, духовно не имеющий ничего общего с прежним. Так, современные нам греки по крови являются потомками древних эллинов, их государство по границам своим почти совпадает с древнею Элладой, и тем не менее можно ли говорить, что древняя Эллада и современная Греция — одно и то же? Совсем другой характер народный, совсем другие задачи, совсем другая культура!

В этой особенности исторической миссии и заключается нравственный смысл нации и государства, ею и оправдывается необходимость бережного их сохранения. Вот почему глубоко прав был немецкий философ Шлейермахер, когда он сказал: «Народ, принимающий чужое, если даже это чужое само по себе и хорошо, грешит перед Богом».

Если так, то, прежде чем говорить о построении русского государственного идеала, необходимо вполне уяснить себе, в чем заключается историческая миссия России. На этот вопрос не так давно с удивительной точностью ответил итальянский философ и историк Гильельмо Ферреро. Он сказал, что Лига Наций не может исполнить свое назначение и в мире не может наступить прочный мир, доколе в семью народов не вернется Россия или доколе какое-либо другое государство не возьмет на себя ис-

полнения исторической миссии России, заключавшейся в том, что Россия стояла на страже вселенской справедливости. Наше образованное общество очень мало задумывалось и задумывается над этим вопросом, но гениальнейшие русские люди всегда понимали историческую задачу России как служение вселенской правде и справедливости. Это понимание давным-давно выразил и простой русский народ: в то время как другие народы, гордясь своим отечеством, наделяют его эпитетами «великого» или «прекрасного», наш народ, чье отечество подлинно и велико и прекрасно, оттенил в своем любовном наименовании его не эти черты, а назвал свою родину «Святою Русью».

Такое понимание исторической миссии России отнюдь не мистицизм, как думают иные материалисты, оно — реальнейшая реальность, в то время как другие государства являются по преимуществу феноменами политическими или экономическими, Россия есть по преимуществу феномен нравственный. Кто не понимает этого, тот не понимает и никогда не поймет ни истории России, ни ее настоящего, ни будущего. В самом деле, с точки зрения западноевропейского материализма вся история России должна представляться сплошным абсурдом, сплошною цепью ненужных и опасных дон-кихотских жестов. Зачем, например, в 1813 году Россия, изгнавши Наполеона из своих пределов, бросилась спасать корону Габсбургам, когда Франц-Иосиф ответил ей черною неблагодарностью уже во время Крымской кампании и потом повторил эту неблагодарность в великую войну? Зачем, наконец, Россия поставила на карту свое существование из-за того, чтобы помочь маленькой Сербии, когда, принеся в жертву последнюю, она легко могла выговорить себе немалые компенсации?

Все это непонятно тем, кому непонятна историческая миссия России как стража вселенской правды и справедливости. Но если понятно это, тогда ясно, что Россия, не изменяя самой себе, не могла, ни во время Наполеона, ни тем более, когда решалась судьба единокровного и единоверного ей народа, — чего бы это ей ни стоило, — допустить торжество грубой силы над правдою и правом. Тогда ясно и то, что, начавши Венгерский поход, Россия ровно на 70 лет отдалила от Европы ту всеобщую революцию, которая вспыхнула только в 1918 году и последствия которой Европа будет изживать еще многие годы.

Что Россия, совершая все эти «безумные» поступки, не грешила против своего исторического назначения, доказывается тем, непонятным для материалистического ума, фактом, что обычно в истории России как раз после них наступали периоды ее могущества и расцвета. Не подлежит никакому сомнению, что и последняя мировая война, если бы не разразилась революция, окончилась бы для России победою, для которой все было готово уже в самом начале 1917 года и которая привела бы к такому величию и расцвету России, каких мы сейчас даже представить себе не можем. Это очень хорошо сознавали и революционеры, и потому-то они поспешили свершить свое черное дело.

И, наоборот, в тех редких случаях, когда Россия вела войны, хотя и за насущные свои интересы, но интересы экономические или чисто политические, она неизменно терпела неудачи (напр., русско-японская война), и не случайно в последнюю (т. е. первую. — *М. Н.*) мировую войну развал русского фронта начался в то время, когда временным правительством исконный лозунг «Крест на святую Софию» был заменен более «реальным» лозунгом: «Проливы для облегчения русского экспорта и импорта».

И во внутренней жизни России братское сожительство населявших ее народов основывалось главным образом не на факторах экономических или строго политических, а на факторе моральном: на вере, что в великой, подлинно христианской России будет наиболее полно сохранена духовная и бытовая свобода всех ее народов и они будут защищены от всякой несправедливости. Попробуйте скинуть со счетов этот моральный фактор и доказать какому-нибудь богатому Азербайджану или даже Малороссии, что им выгодно и необходимо по экономическим соображениям находиться в одном государстве с бедными Вологодскою и Олонецкою губерниями и с Дальним Востоком — вы увидите, кто является подлинными фантазерами, те ли, кто настаивает на этом нравственном факторе, или те, кто мечтает о воссоздании Российской империи только на началах «общности реальных экономических интересов» народов, ее населяющих.

Из сказанного вытекает два следствия: во-первых, то, что, раз Россия в течение ряда веков исполняла это свое назначение, значит, в старом ее государственном строе уже имелись необходимые элементы христианского государства. А это обязывает нас, при построении положительного идеала русского христианского государства, самым внимательным и бережным образом отнестись к этому старому строю.

И здесь приходится констатировать, что наше образованное общество до самого последнего времени совершенно не интересовалось вопросом о том, что собственно представляет, по существу своему, русский исторический государственный строй. Наши ученые государствоведы, до тонкостей разбиравшиеся в особенностях государственного устройства любого европейского государства, русский государственный строй старались подогнать, довольно произвольно, под ту или другую категорию иностранных государственных организмов, сближая его то с французским просвещенным абсолютизмом, то даже с восточным деспотизмом.

Только после разразившейся в России катастрофы, уже в эмиграции, мы стали понемногу приходить к пониманию того, что русский исторический государственный строй, основанный на началах Святой Руси, представлял собою явление вполне своеобразное и несравненной нравственной ценности. Это, впрочем, можно сказать вообще о всех наших величайших ценностях народных: подлинную сущность их, их значение и необходимость для русского народа и России мы начинаем понимать лишь в самое последнее время. Сейчас уже едва ли кто из нас станет отрицать решающее и благотворное значение для русской культуры и государства Православия и православной Церкви. Теперь мы оценили наконец наше самобытное русское искусство и, оценив его сами, стали, уже в эмиграции, знакомить с ним иностранцев. И наиболее чуткие иностранцы, которые свысока смотрели на известное им до сих пор наше подражательное «общеевропейское» искусство, перед этим самобытным русским искусством преклонились, найдя в нем то, к чему они безотчетно стремились и чего не могли найти, идя путями западной рационалистической культуры. Позволительно думать, что, если бы мы, осознавши сами глубокие основы русского исторического государственного строя, затем раскрыли бы их иностранцам, они отдали бы и этим основам такое же признание, найдя в них то, к чему безотчетно стремится современное человечество, истомленное ложью «свободного демократического порядка» и тоскующее по общественной жизни, построенной на подлинной справедливости и на совестливом понимании каждым своего долга перед всеми. Ибо, поистине, начала христианского государства были воплощены в русском историческом государственном строе с полнотою, неизвестною никакому другому государству в истории.

Это прежде всего сказалось в понимании русским народом существа своей Верховной власти — власти Русского Царя и Императора. Напрасно было бы искать раскрытия существа этой власти в юридических нормах. Власть Русского Православного Царя — Помазанника Божьего вырисовывается во всей полноте своей не в законах, а в молитвах церковных. Молитвы, читаемые при совершении священного коронования и миропомазания Государя, — вот ключ к уразумению и источника, и существа, и назначения его власти.

Покойный великий иерарх Русской Церкви митрополит Антоний (Храповицкий) говорил: напрасно думают, что русский монарх не клянется на верность конституции, как делают это западноевропейские монархи; он тоже клянется на верность конституции; разница только в том, что европейский монарх заключает нотариальную сделку со своим народом, а русский монарх заключает завет с Самим Господом Богом и Ему клянется в исполнении принятых на себя обязательств. Таким образом, источник Русской Верховной Власти в воле Вечного и Неизменяемого Бога, а не в изменчивых желаниях людей. Это выражается в том, что русский монарх вступает на престол по праву первородства, независимо от указания или избрания людей. В священном короновании видимо подтверждается это Божие избрание носителя Русской Верховной Власти, и монарх торжественно обещает Богу исполнять свой царский долг, а в таинстве миропомазания ему сообщается особая благодать, подобная благодати священства, дающая ему особые силы и особое разумение для несения его высокого и тяжкого служения.

Так именно понимал существо своей власти покойный Царь-Мученик Николай II, когда в беседе с генералом Рузским, в ночь пред своим отречением, он говорил, что лукавая формула «Царь царствует, но не управляет» ему непонятна и чужда, а сам он никогда не освободит себя от ответственности перед Богом за все, что было и будет с Россиею, даже после его отречения. И, понимая так существо Русской Верховной Власти, нельзя не признать, что она была ограничена и ограждена от возможности злоупотребления гораздо больше и гораздо надежнее, чем верховная власть какого бы то ни было другого государства в мире.

Отсюда ясно и то, почему эта власть должна была быть властью единоличною, властью Самодержца, а не коллегиальною. Теоретически христианское государство может быть организовано и на принципе народовластия. Но это требует, чтобы весь народ или, по крайней мере, безусловное большинство его были подлинными христианами, не по имени только, а по всему своему мировоззрению. Это еще нигде и никогда не было достигнуто и едва ли может быть достигнуто, ибо это знаменовало бы собою уже начало будущего века, начало Царства Божия, а хилиастическое учение о возможности образования Царства Божия на земле ни в чем не находит себе подкрепления и осуждается Церковью. Поэтому практически христианское государство возможно лишь как государство с единоличною верховною властью или, как теперь говорят, государство авторитарное. Совесть отдельного человека может подчинить себя непосредственно Богу; совесть коллектива есть всегда результат компромисса, и между нею и Богом всегда будет средостение в виде борющихся между собою отдельных людей.

Но и единоличная верховная власть может быть свободна с различной степенью полноты. Неограниченная в данный момент, она может быть связана своим прошлым. Так, вождь или выборный монарх всегда в какой-то степени является духовным пленником людей, приведших его или помогших ему прийти к власти. Чтобы устранить и эту зависимость, русская монархическая концепция настаивает на принципе наследственности престола: наследственный монарх не обязан своим возвышением никому из людей и, кроме того, он с первых же дней своей жизни готовится и проникается сознанием важности своего будущего служения. Наконец, не довольствуясь только устранением причин, которые препятствуют верховной власти подчинить свою волю всецело воле Божией, эта концепция требует священного миропомазания Государя, т. е. церковного таинства, в котором ему дается свыше особая благодать, осо-

бая положительная, сверхчеловеческая сила, как бы новые духовные очи, позволяющие ему с ясностью, недоступною обыкновенному человеку, видеть подлинные нужды «врученных ему людей» и долг, возложенный на них Богом.

Так русская государственная идея обеспечивает с предельно возможною для людей полнотою подчинение Верховной Власти Русского государства воле Божией и одной лишь этой воле. И надо отметить факт, материалистическому сознанию непонятный, но тем не менее несомненный: среди русских государей были люди различной нравственной и умственной высоты, бывали люди почти что нестерпимые в частной жизни и для своего окружения; но все они были на высоте в понимании громадной важности своего царского служения и ответственности перед Царем царствующих. И поэтому мы вправе утверждать, что в русском историческом государственном строе уже были воплощены все необходимые начала христианского государства.

Эти начала, естественно, выражались не только в устройстве Русской Верховной Власти: они проникали всю русскую государственную жизнь и все законодательство, что отнюдь не опровергается тем фактом, что у нас могли быть и действительно были также законы и целые институты неудачные и противоречившие этим основным началам русской государственной жизни. Среди русских законов, особенно сохранившихся от старого времени, было немало таких, которые не грозили никакими юридическими санкциями и взывали лишь к нравственным и христианским чувствам граждан, и эти законы часто представляют собою высокие правила христианской морали, неизвестные законодательству других стран. Их особенно много в старом, но не отмененном до последнего времени в законодательном порядке, сборнике общих административных и полицейских законов, так называемом «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений». Я приведу для примера лишь два таких закона, наиболее характерные.

Вот статья 225 общего характера: *«Всем и каждому вменяется в обязанность жить в незазорной любви, в мире и согласии, друг другу по достоинству воздавать почтение, послушным быть кому надлежит по установленному порядку и стараться предупреждать недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения и обид»*. Здесь целая программа достойной жизни в доброжелательном христианском обществе. И как трогательно и необычно для юридического памятника в строгом смысле слова звучит этот призыв избегать не только обид, на которые можно жаловаться в суд, но даже и огорчений, которые являются грехом лишь в высшем нравственном смысле, но не могут влечь за собою какого-либо возмездия со стороны государственной власти!

А вот одно из второстепенных постановлений этого устава, определяющее, как должен российский гражданин относиться к пасквилям и ругательным письмам. Ст. 107 Устава гласит: *«Кто поднимет ругательное или другое для чести оскорбительное письмо, сочинение (пасквиль) или изображение, или же подметное письмо, тот обязан, никому оное не показывая, не читая и иным образом не сообщая другим, истребить его или объявить о нем полиции. В случае неотыскания полицией сочинителя пасквиля, оный объявляется за бесчестного, пасквиль же сжигается публично через палача»* (последняя часть этого старого закона, конечно, в новейшее время уже не исполнялась). И здесь нельзя не отметить того утонченного чувства уважения к человеческой личности, которое лежит в основании этого закона.

Наш русский суд по так называемым «новым» уставам Императора Александра II давно оценен по достоинству и справедливо считается непревзойденным в истории по началам справедливости, уважения к человеческой личности и милосердия, которыми он всегда был проникнут. Но вот статья из «старого» судебного устава, существовавшего до реформы Александра II, когда Россия, по словам либерального поэта, «была черна неправдой черной». Это 93 статья «Законов о судопроизводстве уголовном», определяющая назначение прокурорского надзора, который в глазах среднего обывателя и в практике большинства иностранных судов обязан во что бы то ни стало обвинять всякого человека, преданного суду. Статья эта следующим образом изъясняет задачи прокурорского надзора: *«Лица прокурорского надзора, по званию их, суть взыскатели наказания преступлениям и вместе с тем защитники невинности. Они обязаны в особенности заботиться о том, чтобы обвиняемый воспользовался всеми способами, законом к его защите предоставленными»*.

Можно было бы привести еще много других примеров, доказывающих, что все русское законодательство зиждилось на высоких христианских нравственных правилах. Но иногда возражают: если русский исторический государственный строй был так хорош, то почему же он рухнул и не доказывает ли это, что в нем были существенные недостатки? Христианское государственное делание, ответим мы на это, как и всякое христианское делание, есть делание соборное. Христианское государство может жить правильною жизнью лишь тогда, когда не только законы и властители его на высоте, но и сам народ, общество, хотя бы в основных чертах, понимает и сочувствует идее христианского государства. Ведь и церковь, при самой совершенной иерархии, не может сделать ничего, если народ церковный не будет понимать и сочувствовать ее целям, а тем более если он будет им противодействовать.

Русское образованное общество последних десятилетий перед революцией, под влиянием западных материалистических учений, духовно огрубело и утратило понимание ценностей духовных. Именно поэтому оно не могло поверить, что ответственность Православного Царя перед Богом в гораздо большей степени гарантирует от возможности злоупотребления им своею властью, чем любые конституционные гарантии. Именно поэтому ему было непонятно, что задача христианской верховной власти не в том, чтобы удовлетворять изменчивые желания народа, а в том, чтобы вести этот народ по Богом для него начертанному пути, чтобы свершать его историческую миссию. Еще Паскаль сказал: *«Немного людей способно говорить о целомудренном целомудренно»*. У нас в последнее время почти не стало таких людей.

Наше общество, как, впрочем, и современное ему западноевропейское общество, способно было понимать под ограничением власти только возможность внешнего принуждения по отношению к ней, а под благом народа — только материальные требования сегодняшнего дня, и то не всего народа, а лишь классов, наиболее громко кричавших о своих нуждах. Идея и строй христианского государства оказались ему не по плечу. И это было главною причиной крушения русского исторического государственного строя.

В настоящее время некоторые европейские народы уже начинают понимать преимущества нравственной спайки народной и нравственной ответственности их руководителей перед преимуществами физическими, и исторических задач народа перед нуждами сегодняшнего дня, и они вверяют своим вождям власть, не ограниченную посторонним контролем, дабы вожди эти могли без помехи вести их к совершению исторической миссии народной и тем самым к народному расцвету, силе и славе. А это, по существу своему, есть безотчетное и слабое подражание государственному строю Святой Руси и Великой России.

Это еще более должно укрепить нас в убеждении, что при построении идеала Русского Христианского Государства нам полезно некоторые частности взять из опыта современных, главным образом авторитарных, европейских государств, но самое основное: Верховная Власть, Богом данная, Богом руководимая, пред Богом ответственная и ведущая свой народ к исполнению величайшей исторической миссии, когда-либо возлагавшейся на народ Провидением — стояние на страже и внутренней и вселенской Правды и Справедливости, — должно быть во всей неприкосновенности сохранено от исторического русского государственного строя.

Было бы безумием «сочинять» новый русский государственный строй, сочинять «новую Россию», противополагаемую не только большевицкой (которая вовсе и не есть Россия), но и старой, исторической России. Россия может быть только одна, иначе она потеряет смысл своего существования и погибнет. Поэтому путь возрождения России как христианского государства, после освобождения ее из-под ига Интернационала, тоже только один: нужно внимательно, любовно и благодарно вглядеться в ту Россию, которая явилась плодом стольких подвигов величайших русских людей, стольких горячих молитв угодников Божиих, на Святой Руси просиявших, стольких жертв безвестных русских воинов, колонизаторов и прочих героев; нужно осознать эту Россию, очистить ее от всего наносного, чуждого и противного христианству, и тогда уже, без опасности изменить историческому своему назначению, проделать сравнительно менее важную и более легкую работу: изменить отдельные частности русского государственного уклада применительно к изменившимся условиям жизни, использовав для этого ценный опыт современных возрождающихся народов Европы.

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

ОЛЬГА ВЛАСОВА

ПОКРОВИТЕЛЬ ДОМА СТРОГАНОВЫХ

«Убиение св. царевича Димитрия». XVII в. Лицевое шитье.
Пермская государственная художественная галерея.

С начала XVII века одним из самых почитаемых русских святых становится благоверный царевич Дмитрий, «углецкий и московский и всея Руси чудотворец». Поклонение его образу символизировало непрерывность московской державной политики. К тому же в чреватое религиозным расколом время, отмеченное активными поисками истины и добра, «неповинное убиение» св. благоверного князя обретало смысл жертвоприношения за незыблемость духовных традиций: «прославляет убо Бог своих угодников, преподобных и богоносных отец наших и мучеников, и дает им противу трудов их и мучения мздовоздаяние и дар исцеления».

В Пермской художественной галерее хранятся пять произведений, связанных с именем царевича Дмитрия. Это две иконы, две пелены и епитрахиль с избранными святыми. Все памятники принадлежат строгановскому кругу и выполнены в одно время (середина XVII века). Заказчиком этих произведений был, очевидно, Дмитрий Андреевич Строганов (1621/22—1673), поскольку св. царевич Дмитрий являлся его патрональным святым. Кроме того, интерес Строганова к одному из самых трогательных и трагических героев русской истории был вызван и принадлежностью Дмитрия к тому же историческому периоду, своеобразным ощущением царевича своим современником, то есть очевидной новизной культа светлейшего святого из русского пантеона. Сыграла

свою роль и связанная с этим культом приверженность московскому царствующему дому, с которым Строгановы всегда имели самую тесную связь и поэтому вправе были ожидать от него значительной поддержки. Это обстоятельство могло быть решающим во многих ситуациях, вызванных пограничным расположением строгановских вотчин, часто подвергавшихся нашествиям зауральских племен.

Строгановское лицевое шитье представляет собой одну из самых целостных и драгоценных музейных коллекций, принадлежащих художественной галерее. По качеству это собрание сопоставимо только с группой строгановских же икон, насчитывающей около 30 памятников, причем более 20 из них — это подписные и датированные иконы, выполненные по именным заказам Никиты Григорьевича и Максима Яковлевича Строгановых*.

Расцвет строгановской школы шитья связан в первую очередь с деятельностью Анны Ивановны Строгановой, из светлиц которой, по свидетельству исследователей, выходили «целые комплексы предметов церковного облачения и литургических тканей».

На одной из пермских пелен царевич Дмитрий изображен в молитвенной позе, предстоящим Богоматери с младенцем. Христос, повернувшись к Дмитрию, осеняет его благословляющим жестом. Фигура Дмитрия несколько укорочена, что с традиционной условностью передает детский возраст князя. Голова кажется довольно большой, округлый же лик, наделенный тонкими чертами, одухотворенно печален. На голове — «городчатая коруна», вышитая, как и нимб, позолоченными нитями «в ягодку». Мерцающий сканый позем имеет вид пологого холма, очерченного гибкой волнообразной линией. Позем украшает пышное раскидистое дерево. Помещенное в левом нижнем углу, оно словно уравновешивает хрупкую фигуру святого. Видно, что над пеленой работали искусные мастерицы. Тем же рукодельницам принадлежит, видимо, и авторство второй пелены со сценой «Убиение святого царевича Дмитрия», которая выполнена с еще большим изяществом. На парадном вишневом фоне из блестящего переливчатого атласа запечатлен кульминационный момент русской истории: безжалостный палач Никитка Кочалов свершает жестокое действо. Душа кроткого коленопреклоненного Дмитрия, покорившегося неумолимой судьбе, в виде обнаженного младенца отлетает, попадая в руки парящего ангела. Христос благословляет невинную жертву.

Холмистый позем насыщает вышивку мягким мерцанием. На фоне, кроме подписи, виднеется буква «М» в круге — клеймо дома Строгановых, что свидетельствует об именном заказе.

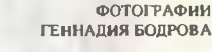
«Св. царевич Димитрий». XVII в. Лицевое шитье.
Пермская государственная художественная галерея.

* В одном из ближайших материалов под рубрикой «Иконописная мастерская» мы познакомим читателей с пермской коллекцией строгановских икон.

ЛЮДМИЛА ТУЛЬЦЕВА,
кандидат исторических наук

ТАЙНАЯ МИЛОСТЫНЯ

Русский православный обычай тайной раздачи милостыни сиротам, вдовам и другим терпящим нужду укоренен в глубокой древности. На окошке избранного дарителем дома оставляли свечи, холсты, продукты, деньги, причем незаметно, чтоб никто не опознал благодетеля, — в этом суть обычая, который на практике был важной ступенью к индивидуальному нравственному подвижничеству, самосовершенствованию.

ФОТОГРАФИИ ГЕННАДИЯ БОДРОВА

На тайную милостыню как форму помощи благочестивых общинников обратил внимание писатель-народник Н. Н. Златовратский. «В селе Л., — приводит он пример, — вдова, оставшаяся с трехлетним сыном, выкормила и возрастила его тихой милостыней, не ходя по миру. Обыкновенно, не известно как, каждое утро приносят кто хлеб, кто квасу, кто молоко, яиц и проч. Теперь уж мальчик ходит на заработки».

В старину к тайной помощи в качестве благочестивого подвига прибегали сельские чернички (келейницы). Например, из биографии игуменьи Серафимы (Евфимии Моргачевой), с 1855 года возглавлявшей Иоанно-Казанский женский монастырь в Лебедянском уезде Тамбовской губернии, известно, что в молодости Евфимия кормилась обычным трудом сельской чернички (чтение Псалтыри по умершим, рукоделие), но помогала и тайная милостыня, которую односельчане приносили ей потихоньку на окно. В свою очередь Евфимия, не имевшая ничего, творила свою милостыню: «В страдную пору те семьи соседей, в которых было мало рабочих рук, придя утром в поле, обнаруживали сжатые полосы и новые копны; со временем открылось, что это тайная помощь Евфимии».

Еще одним из ранних этнографических описаний тайной милостыни является сообщение 1849 года иеромонаха Макария о религиозных обычаях жителей Нижегородской губернии: «За душу умершего, во здравие болящего и в некоторых иных случаях подают тайную милостыню: ночью тайно кладут на окошко бедным денег или хлеба и иногда восковую свечу».

Обычай имел локальные варианты. В г. Шуе, если в семье кто-либо тяжело заболевал, то его домашние, «посоветовавшись между собой», посылали в ночное время по городу с милостынею «нарочито выбранного хорошего, доверенного человека». Милостыня состояла из восковых свеч и «порядочного запаса хлеба». Люди богатые вместо хлеба подавали деньги. Сумма определялась желаемой требой: от 5 до 10 копеек медью на прочтение канона или от 15 до 30 копеек для прочтения Псалтыри. Взявший деньги, смотря по их сумме, прочитывал либо канон, либо Псалтырь. Как писал шуйский корреспондент «Владимирских губернских ведомостей», тайная милостыня оставляется «в той надежде, что добрые люди с найденною свечкою непременно помолятся Богу о здравии болящего».

В слободе Мстера Вязниковского уезда Владимирской губернии тайную милостыню подавали гречневой крупой, пшеном, мукой, другими припасами и деньгами, а также печеным белым хлебом в виде баранок. Эта форма милостыни бытовала среди мстерских староверов. Своеобразие мстерского обычая состояло в том, что милостыню не оставляли снаружи дома, а вручали домочадцам. Это делали женщины или девки, которые закутывались платком так, что едва можно было разглядеть глаза; в ночное время тихим стуком в окно вызывали кого-либо из живущих в доме и вручали приношение.

Из материалов костромского краеведа Василия Смирнова можно сделать вывод, что тайная милостыня как составная часть поминального цикла была распространена еще в 1920-е годы. Родственники умершего, в зависимости от достатка и «собственной щедрости», в течение одной или нескольких ночей раскладывали подаяния на крыльце или волоковом окне изб бедных соседей. Подаянием могли быть крендели, блины, яйца, овощи, восковые свечи, платки, отрезы ситца, коробки спичек, другие необходимые продукты и предметы повседневного обихода. Состоятельные люди так делали в продолжение сорока дней. В целом источники, которыми мы располагаем, свидетельствуют о широком бытовании тайной милостыни как части поминальных обычаев всех дней церковного поминовения усопших: в ночь на Радоницу — первый вторник после Светлой седмицы, в кануны вселенских родительских суббот...

В нижегородско-симбирском Поволжье тайная милостыня приобрела форму обычая, приуроченного к празднованию дня апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В народном представлении Иоанн — любимый ученик Иисуса Христа — является заступником всех нуждающихся, а особенно нищей братии. Этот взгляд отразили народные присловия, приуроченные к 26 сентября — осеннему празднованию дня святого апостола: «Падет лист с дуба — зиме готова шуба, придет Иван Богослов — нищему пирог готов!»; «На Богослова — сирота у стола мирского»; «Потерпи, сирота, Богослов отворит ворота, — ворота отворит, хлебом досыта накормит!»; «Кто для ради Ивана Богослова нищего-бездомного не удоволит, тот себе царствия Христова не уготовит!»; «На Богослова нищий сыт богоданной пищей»; «Пришел Иван Богослов — пеки для странника пироги, свою душу береги!»; «От Ивана Богослова сыта братия Христова!» 26 сентября, в самый праздник апостола, пекли рано поутру особые подаянные пироги и пышки с крестами и выставляли на заваленки, чтобы странники и нищие, не выпрашивая милостыню, могли брать их с собой. Эту тайную милостыню так и называли «богуславьем».

О состоянии на сегодняшний день этого удивительного обычая удалось

узнать во время полевой этнографической экспедиции в 1993 году в Рязанской и других областях российской глубинки. Самой старшей моей собеседнице было без двух лет 90, младшей — 70. Вот некоторые из записей: «Тайная милостыня — это когда помогают бедным, нуждающимся, попавшим в беду. До сих пор делают. Помогают на праздники, свадьбы, но в любом случае, чтобы никто не видел. Приносили тайно, кто что принесет — деньги ли, отрез ли. Тайная милостыня доходнее всех других поминаний. Не хвалились, а помогали».

На родине Сергея Есенина, в селах Константинове, Кузьминском, Аксенове, и сейчас можно записать множество рассказов о помощи лю-

дям в виде тайной милостыни. Процитируем некоторые наши записи:

«Раньше ведь как — у кого есть коровка, а у кого и нет. У кого нет, тому на праздник на крыльцо приносили молоко, сметану. Сейчас — не как раньше: сейчас мы дадим да похвалимся. А хвалиться нельзя. Раньше часто приносили тайную милостыню».

«Тайная милостыня? — Это моя свекра, когда была жива, делала. Тогда народ проще был, добрее. Все несли бедным к празднику разговляться — и яички, и молоко».

«Под праздник подносили бедным кто-чего, кто мяса кусок, кто молоко. Оставались вдовы с детьми, и им помогали. Вроде Божий подарок. И даже кто дарил, тот не рассказывал, дескать, я что-то принесла...»

Традиция, можно считать, еще не умерла, — до тех пор, пока о ней свежо воспоминание, пусть и очень редко, но она все же время от времени воспроизводится. А значит, есть надежда, что она будет воспринята следующим поколением.

По воспоминаниям тех же стариков, обычай тайной милостыни имел широкое хождение в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время. И это понятно. Всем известно, сколь велики были жертвы среди наших соотечественников во имя великой Победы. Поэтому в числе принятых поминальных традиций (заочное отпевание, заказные поминовения в храмах, поминания возжиганием свеч на канунах, возжигание лампад у домашних киотов и божниц) бытовал и обычай тайной милостыни. А жительница деревни Чурьяково Угличского района Ярославской области Анна Сергеевна Чаброва, 83-летняя старушка, призналась мне, а ведь прошли уже десятилетия: «...я и сама делала (тайную милость. — *Л. Т.*) и ложила яйца». Она же рассказывала, что и сейчас милостинное приношение бытует в их краях, стараются положить что-нибудь к крылечку или на окно того дома, где, как это заранее известно дарителю, живет верующая женщина, знающая православные бытовые традиции. По умершему надо положить четное число, например, яиц или же четное число конфет, других продуктов.

На вопрос: «С какого времени обычай стал забываться?» — Анна Сергеевна отвечала: «Как не стали веровать, так и не ложат теперь». Сама она воспользовалась своими знаниями обычая лет 7 —8 назад: «Я решила яйца положить одной бабушке. Ей-то я ничего не сказала. Потом пришла к ней, она говорит: «Господи, открываю утром дверь, а на крыльце яйца лежат!» Я ее спрашиваю: «А что ты сделала? Да ты возьми да помолись за них». Далее А. С. Чаброва объяснила: «Надо взять и дома помолиться перед иконами и помянуть всех усопших. Это хорошо для души умерших».

Полина Васильевна Шлыкова из деревни Аргамаково Спасского района Рязанской области поведала нам о своей матери, которая наставляла своих дочерей, а их было семеро и еще один брат: «Девки, не копите, не копите ничего, — все прах. Делайте тайные милостыньки». И дальше Полина Васильевна пояснила: «Собери бедному человеку, когда и чего хочешь. Тайная милостынька очень доходна к Богу». Поэтому еще в недавнем прошлом довольно часто старые люди, умирая, просили: «Не нужно мне больших обедов ни на 40-й день, ни на год, а лучше тайную милостыню», — это я процитировала запись моей коллеги Татьяны Листовой.

Убеждение в том, что тайная милостыня «доходнее», то есть быстрее и действеннее всех других благочестивых обычаев, когда речь идет о спасении болящей или поминаемой души, свойственно было всем нашим собеседникам. В 1869 году из Вязниковского уезда Владимирской области сообщалось: «Такие тайные милостыни, по убеждению подающих, избавляют их от всяких бед и напастей». По этому поводу костромской краевед Василий Смирнов писал: «Тайной» или «тихой милостынею» как бы обязывают соседей к молитве за умерших. Вообще народом очень прочно усвоено, что милостыня и молитва спасают грешную душеньку». Такое понимание донесло до нас и народное точное слово: «Милостыня перед Богом оправдает»; «Пост приводит к вратам рая, а милостыня отверзает их» (В. И. Даль).

Исследовательский аспект любой проблемы — по возможности приблизиться к истокам явления, понять его корни. Что касается обычая тайной милостыни, то в первую очередь мы должны говорить о ее роли в складывании определенного типа умонастроений и умозрений русского общества, о ее роли в формировании среди православных людей положительных социально-психологических и социально-нравственных установок. Колоссальную роль в этом сыграла религиозно-учительная и нравственная проповедь, в особенности же Евангельские чтения при совершении литургии, когда прихожане слышат поучения Евангелистов о милостыне, нищих, странниках. «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах», — читаем в главе 19 Евангелия от Матфея, или: «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть: тогда все будет у вас чисто» — это у евангелиста Луки, в главе 11.

Апостол Матфей в шестой главе Евангелия приводит слова самого Христа, которые и являются религиозно-нравственным обоснованием этого глубоко русского обычая: «Егда убо твориши милостыню, не воструби пред собою якоже лицемери творят в сонмищах и в стогнах яко да прославятся от человек. Аминь глаголю вам, восприемлют мзду свою. Тебе же творящу милостыню, да не увесть шуйца твоя что творит десница твоя. Яко да будет милостыня твоя в тайне: и Отец твой видяй в тайне, той воздаст тебе яве».

ФОТО ИГОРЯ ЛАГУНОВА

Пытал ли царь Петр своего сына Алексея?

Циолковский, деникинцы и ЧК

Историк и писатель: кто ближе к правде?

ОЛЕГ РАПОВ,
доктор исторических наук

КТО СОЗДАЛ РУССКУЮ АЗБУКУ?

ФОТОГРАФИИ СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Во Владимире прошел международный праздник славянской письменности и культуры, совпавший с днем памяти святых равноапостольных учителей словенских Кирилла и Мефодия.

В светлом празднике всех славян приняли участие посланники различных городов России, Болгарии, Украины, Греции, Македонии, Чехии, Словакии, Польши. Открытию торжеств предшествовала праздничная литургия в Свято-Успенском соборе, которую отслужили митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий и архиепископы ближайших к Владимиру епархий, а также крестный ход к Золотым воротам города, где состоялся торжественный молебен с провозглашением «многая лета» всем участникам праздника.

Значение письменности в жизни народа прекрасно понимали еще русские книжники конца XI — начала XII века. Создатель «Повести временных лет» летописец Нестор писал: «Велика бо бываеть полза от ученья книжнаго». Он сравнивал книги с реками, напояющими Вселенную, называл их источниками мудрости, утехой в печали. Нестору вторил Василий Никитич Татищев: «Первое, что к повестям принадлежит, есть письмо, ибо без того ничего в долгое время сохранить неможно, и хотя устные предания от памяти долго сохранены могут, но не все цело, зане память не всех человек так тверда, чтобы слышанное единою или дважды правильно и порядочно без усчерба или прибавки мог пересказать...»[1]

КОГДА ЖЕ ПОЯВИЛАСЬ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ?

Ответить на этот вопрос пытались еще в раннем средневековье. Так, черноризец Храбр, живший в конце IX — начале X века, писал, что в глубокой древности славяне-язычники хотя и не имели алфавита, но применяли для письма «черты» и «резы». Это свидетельство подтверждается и археологическими материалами. Оказывается, «чертами» и «резами» славяне пользовались при создании календарей. Этими же знаками они помечали предметы быта, делали метки на камнях[2].

Однако с помощью «черт» и «резов» вряд ли можно было писать книги. Появление этих знаков означало лишь возникновение зачатков письменности. Для написания книг был необходим хотя бы самый примитивный алфавит. Черноризец Храбр повествует, что только после принятия христианства славяне стали делать записи греческими и латинскими буквами, но «без порядка», так как знаков письменности им не хватало. Татищев заметил, что целый ряд средневековых историков — Кромер, Стрыйковский, Бельский, Гваньини, Гагеций, Орбини Мавро — писали, «яко Героним, великий учитель, в 4-е ст[олети]е по Христе цветусчи, родом был славянин из Истрии. Сей якобы буквы славяном вновь сочинил и Библию на словенский язык перевел».

О создании Иеронимом Блаженным славянской азбуки говорится и в русской Густынской летописи XVII века: «Нецин глаголють, яко еще святьш Ероним, иже бе родом славянин, не хотяше им в безумии пребывати, изобрете им буквы и грамоту своим их языком составил»[3]. Об этом просветителе известно, что он родился в далматинском городе Стридоне около 340 года, учился в Риме философии и риторике, в 366 году был крещен, спустя семь лет совершил поездку в Палестину, где занимался изучением Библии, которую и перевел на латинский язык.

В. Н. Татищев полагал, что Иероним изобрел глаголицу, применявшуюся балканскими славянами: «...Библию хотя он перевел, но на греческий (? — *О. Р.*) с еврейского, которую паписты Вульгатою имянуют. И хотя Библия потом **оиыми героннмовыми или глаголическими**

буквы (выделено мной. — *О. Р.*) в 16-м сте в Венеции и Моравии* печатана, токмо оная с его переводом не согласна, а паче мню, Люторова перевода. Но о буквах его Фриш (немецкий врач и естествоиспытатель конца XVI — первой половины XVII века. — *О. Р.*) довольно показал, что те же кириллова суть в начертании испорченные, а не Геронимовы, которые у всех южных славян доднесь в употреблении, и неколико книг печатано, но напистами так истреблены, что сыскать трудно»[4].

По мнению черноризца Храбра, азбука у славян появилась только в IX веке, когда «Бог-человеколюбец... помиловал род славянский и послал им святого Константина Философа, названного в [пострижении] Кириллом, мужа праведного и истинного. И [он] создал для них тридцать письмен [букв] и восемь, одни по образцу греческих письмен, другие же в соответствии со славянской речью». Изобретение славянской письменности Константином Философом обычно датируют 863 годом[5].

С Константином Философом и его старшим братом Мефодием связывал появление русской письменности и один из редакторов «Повести временных лет» (скорее всего, им был князь Мстислав Великий, сын Владимира Мономаха, или близкое к нему лицо)[6]. Под 6406 (898) годом он записал в летописи известие о прибытии в Великоморавскую державу из Византии христианской миссии, которую возглавили два ученых монаха — Мефодий и Константин. «Сима же пришедшема, начаста составливати письмена азъбуковьная словеньски, и преложиста Апостол и Еуангелье. И ради быша словени, яко слышица величья Божья своимь языкомь. Посем же преложиста Псалтырь, и Охтаик, и прочая книги...»

Затем, по свидетельству этого же редактора, Константин Философ пошел просвещать дунайских болгар, а Мефодий остался в Моравии: «Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словеньская, **яже грамота есть в Руси и болгарех дунаиских**» (выделено мной. — *О. Р.*)[7].

Редактор «Повести временных лет» противоречил авторам более древних произведений. Согласно Житиям Кирилла и Мефодия, написанным учениками великих просветителей, и трактату «О письменах» черноризца Храбра, создателем славянской азбуки явился только Константин Философ, причем новый алфавит им был составлен не в Моравии, а в Византии, раньше его путешествия в Великоморавскую державу.

Хорошо известно, что и на Руси, и в Болгарии в конце XI — начале XII века, когда писалась и редактировалась «Повесть временных лет», существовало две азбуки: кириллица и глаголица. О какой же из этих двух азбук говорит русский летописец? Думается, что речь идет о кириллице, которая стала официальным алфавитом на Руси, по крайней мере со времен Владимира Святого. Все надписи на монетах Владимира Святославича, Святополка Окаянного и Ярослава Мудрого выполнены при помощи этого алфавита.

Более того, на миниатюре Радзивиловской летописи изображены Константин Философ и Мефодий, занимающиеся переводом текстов с греческого языка на язык моравов. На свитке, который держит в руках человек, изображенный слева (по-видимому, св. Кирилл), ясно читаются отдельные кириллические буквы: Д, О, Т. Исследования академика Б. А. Рыбáкова показали, что миниатюры Радзивиловской летописи представляют собой копии с рисунков, выполненных в X—XII столетиях[8].

До нас дошли и иные древние свидетельства: о появлении русской письменности в другое время. Так, в произведении под названием «Обстоятельное повествование о том, как крестился народ россов» сообщается, что в правление на Руси некоего Владимира его окружение посоветовало князю послать своих мужей в Рим и Константинополь для испытания вер, которые там исповедовались. Посланцам настолько понравилась обрядовая сторона христианства византийского толка, что по возвращении на родину они убедили Владимира принять эту религию. Русский правитель снова отправил своих послов в Царьград к императору, имени которого автор повествования не знает, но полагает, что им был Василий I Македонянин (867—886). Русский князь обратился к византийскому василевсу с просьбой прислать архиерея, чтобы «тьмочисленный там (на Руси. — *О. Р.*) народ научил и крестил». Император с радостью выполнил просьбу Владимира — отправил к нему архиерея, а также двух мужей — Кирилла и Афанасия, «добродетельных и весьма разумных, которые были исполнены не только знания Божественного писания, но хорошо научены были внешней мудрости, как достаточно свидетельствуют об этом **изобретенные ими письмена** (выделено мной. — *О. Р.*)... Они отправились туда, всех научили и крестили, и привели к благочестию христиан. Видя же народ этот совершенно варварский и невежественный, названные ученые мужи не находили возможности научить их 24 письменам эллинским, посему... начертали им и научили их тридцати пяти письменам...»[9]

Из этого литературного памятника вытекает, что изобретателями русской азбуки были не великие славянские просветители Константин Философ и его брат Мефодий, а «мудрые мужи» — Кирилл и Афанасий, создавшие 35-буквенное письмо и даровавшие его «темным» русам где-то в конце 60-х — 80-е годы IX столетия.

Данное повествование носит ярко выраженный прогреческий и антирусский характер. Византийцы в нем выступают добродетельными, изобретательными и смышлеными людьми, а русские — диким и крайне невежественным народом, который не может усвоить даже 24 буквы греческого алфавита, поэтому талантливым византийцам приходится специально для них изобретать «лишние» 11 букв.

Высокомерный тон этого произведения с головой выдает его автора — «истинного ромея», представителя византийской правящей верхушки. Этот византиец показывает свое полное незнание славянского язычества, путает крещение Руси конца X века с крещением части русских в IX столетии, допускает иные неточности и ошибки. Вряд ли к этой повести следует относиться серьезно. Скорее всего, она создавалась в пропагандистских целях. «Обстоятельное повествование о том, как крестился народ россов» возвышало и прославляло греков и принижало русских, а потому могло быть использовано для натравливания населения Византийской империи на северного соседа во время кризисных ситуаций в русско-византийских отношениях.

В древнерусских сокращенных сводах 1493 и 1495 годов, а также в Степенной книге, созданной в середине XVI века, сообщается о переложении богослужебных книг с греческого на славянский язык Константином Философом (сокращенные своды), а также Мефодием и Константином-Кириллом (Степенная книга) в 12-е лето царствования византийского императора Льва VI Мудрого[10], то есть в 898 году, когда уже и Константин Философ, и Мефодий умерли (первый — в 869, второй — в 885 году).

Видимо, кто-то из составителей этих сводов заимствовал известие о переложении книг из «Повести временных лет», где оно, как уже говорилось, было помещено под 6406 (898) годом, а затем произвел свои расчеты, которые и вывели его на 12-й год царствования Льва VI. Эта ошибка была перенесена в другие, более поздние летописи.

Всем упомянутым выше известиям противоречит отрывок из Толковой Палеи XV века: «...а грамота рускаа явилась Богом дана в Корсуне руску, от нее же научися Философ Костянтин, отуду сложив, написав книги рускым гласом... То же муж русин бысть благоверен помыслом и добродетелью, в чистеи вере един уединився, и тьи един от руска языка явися преже крестьяньи, и не ведом никим же откуду бысть»[11].

Как видим, автор Толковой Палеи не считал Константина Философа создателем русской азбуки. Он утверждал, что письменность у русских существовала и раньше. Создателем русской азбуки был якобы некий русин-христианин, неведомо откуда взявшийся. Заслуга Константина, по мнению автора Палеи, заключалась лишь в том, что ему удалось изучить русскую азбуку и с ее помощью написать церковные книги.

По всей вероятности, автор Толковой Палеи дал собственную интерпретацию известного места из Жития Константина Философа, где говорится: когда Константин был в Херсонесе в начале 60-х годов IX века, то «нашел... **Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами** (выделено мной. — *О. Р.*), и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре стал читать и излагать [их], и многие удивлялись ему, хваля Бога»[12].

Из дошедшего до наших дней текста Жития Константина Философа нельзя сделать вывод, что Константин писал богослужебные книги с помощью русской азбуки. Зато можно предположить, что русские обладали каким-то алфавитом еще до изобретения Константином Философом собственной азбуки.

Но если Константину был известен русский алфавит, с помощью которого уже были написаны церковные произведения, то зачем ему понадобилось создавать иную азбуку специально для моравов? Не проще ли было использовать этот алфавит для написания других богослужебных книг, а затем распространить эти книги среди населения Великоморавской державы?

Быть может, правы те, кто предполагал, что Константин Философ видел в Херсонесе рукописи, написанные не на русском, а на готском, или сирийском (сурском), или фризском (франкском), или самаритянском языке? Однако в работах П. Я. Черных, Л. В. Черепнина, В. А. Истрина все эти гипотезы были подвергнуты справедливой критике и со всей очевидностью было доказано, что Константин Философ видел в Херсонесе книги на русском языке[13].

* Историческая область на территории современной Чехии. — *Прим. ред.*

О существовании русов-христиан уже в первой половине IX века писал выдающийся арабский географ Ибн Хордадбех в своей «Книге путей и государств», созданной около 846 года: «Что же касается до русских купцов, — а они вид славян, — то они вывозят бобровый мех и мех черной лисицы, и мечи из самых отдаленных [частей] страны Славян к Румскому морю, а с них [купцов] десятину взимает царь Рума [Византии]... Иногда они привозят свои товары из Джурджана в Багдад... И выдают они себя за **христиан** (выделено мной. — *О. Р.*) и платят джизию [налог]»[14].

Однако если в первой половине IX века существовали русы-христиане, то это обстоятельство предполагает и наличие в это время богослужебных христианских книг на русском языке. Но тогда зачем же нужно было Константину Философу выдумывать еще какие-то знаки для письма? Дело, возможно, заключалось в том, что русский язык IX века отличался от диалектов, распространенных в Великоморавской державе, а потому требовалось создать такие буквы, которые могли передать оттенки речи моравов.

АЗБУКА ИЗ 790 ГОДА

До нас дошли два сходных между собой и восходящих к одному и тому же источнику известия о появлении письменности у русских, которые почему-то выпали из поля зрения исследователей. Приведем их:

Киевский синопсис XVII века:

«Ведати же подобает, яко славеноросский народ еще в лето от Рождества Христова семьсот девятьдесятаго нача писание имети и [писать. — *О. Р.*] умети. Ибо в том же годе кесарь греческии, брань ведши со славянами и мир с ними соделавши, послал им в знамение приятельства и неразрушимаго мира литеры, сиречь письмена азбучныя: А, Б, В и прочая, яже в то время от греческаго писания ново бяху измышлена ради словянов; и от того времяни Россия нача писание и книги имети и деяния своя исписывати; обаче поляков письмены и историями славяноросский народ сто лет и девятью упреди. Ибо поляки за Мечислава, перваго христианскаго князя польскаго[15], начаша чести и писати, о чем вси летописцы латинскии и греческии, и польскии соглашаются, яко и Стриковскии [Стрыйковский] ясне изображает».

Мазуринский летописец XVII века:

«Лета от Адама 6290, а от Рождества Христова 790. Русь нача писание имети и писать умети, ибо в том году кесарь греческии брань деяша со славянами и мир с ними соделавши, послал им в знаменование приятельства и неразрушимаго ради мира литеры, сиречь письмена азбучныя: А, Б, В и прочая, яже в то время от греческаго писания ново бяху измышлены ради словенов. И от того времяни Росия нача писание и книги имети и деяния свои исписывати.

Того же году, в та же лета, бывши преподобнаго отца нашего Стефана Савваита и творца канонам»[16].

Историки обычно очень недоверчиво относятся к сведениям по ранней истории Руси, которые помешены в поздние летописи. Однако практика показывает, что русские книжники XVI—XVII веков проводили большую изыскательскую работу, собирая из иностранных хроник и других сочинений сведения, касающиеся российских древностей. И многие из собранных ими материалов после тщательной проверки оказались достоверными[17].

На первый взгляд кажется, что сообщение о появлении русской письменности в конце VIII века было заимствовано летописцами из какого-то византийского источника. На это как будто указывает применение автором термина «славянороссы» в Киевском синопсисе. «Росами» русских называли византийцы. Однако в Мазуринском летописце этот термин отсутствует. Поэтому можно предположить, что в первоисточнике его также не было.

В обоих рассказах появление письменности у русских датируется 790 годом, причем из Мазуринского летописца следует: в первоисточнике это событие было датировано с помощью летосчисления, установленного Секстом Юлием Африканским в 221 году, по которому Иисус Христос родился в 5500 году от «сотворения мира». В Византии эта система датировки в VIII—IX веках не применялась, она была в употреблении на Ближнем Востоке и на Балканах. Следовательно, первоисточник, который использовали создатели Киевского синопсиса и Мазуринского летописца, вряд ли был византийского происхождения.

Упомянутый в Мазуринском летописце знаменитый творец канонов Стефан Савваит действительно жил в конце VIII — начале IX века и умер после 807 года. С 9 сентября 780 года по начало 790 года Византией управляла вдова императора Льва IV императрица Ирина вместе со своим малолетним сыном Константином VI. Затем до декабря 790 года Ирина правила сама, отстранив сына от государственной деятельности. С декабря 790 года по 15 августа 797 года Византией управлял один Константин VI.

Уже в период совместного правления Константина VI и Ирины империя проводила крупные наступательные операции против славян. Византийский историк Георгий Кедрин сообщает: «В третье лето (их совместного правления. — *О. Р.*) Ирина, сделавши мир с аравитянами, Ставрикия, патриция и логофета, **против славян послала** (выделено мной. — *О. Р.*), который покорил всех и данниками сделал...» Ту же политику по отношению к славянам пытался проводить и ее сын. Тот же Георгий Кедрин пишет, что уже в первый год своего самостоятельного правления Константин VI «изошел против булгаров, и сих победив, возвратился»[18].

Мне не удалось найти в византийских хрониках сообщений о столкновении империи с русскими в это время. Однако в нашем распоряжении имеется знаменитое сказание «О прихождении ратью к Сурожу князя Бравлина из Великого Новгорода» (в некоторых редакциях сообщается, что он пришел не из Новгорода, а из Киева). Эта повесть входит в состав Жития св. Стефана Сурожского, созданного во второй половине X века. В ней рассказывается о том, как «спустя мало лет» после смерти сурожского архиепископа Стефана (умер в 787 году) в пределы Крыма ворвалась огромная русская рать князя Бравлина и ограбила все побережье от Корчева (Керчи) до Корсуня (Херсонеса). Русские осадили город Сурож (ныне Судак) и после 10-дневной осады овладели им. Разбив двери храма св. Софии, они вошли в собор, где покоилось тело св. Стефана, и захватили многие церковные ценности. И тут с князем Бравлином случился припадок. Он упал

на церковный пол, и рот его стал источать пену, а лицо его «обратилось назад». Бравлин закричал, уверяя окружавших его бояр и воинов, что его ударил по лицу великий и святой человек. Князь приказал боярам, чтобы воины сложили награбленное на гроб св. Стефана, а русская рать вышла из Сурожа. Но «святой старец» этим не удовлетворился. По словам Бравлина, он потребовал, чтобы князь немедленно крестился, в противном случае ему не уйти из церкви и не вернуться на родину. Бравлину не оставалось ничего иного, как выполнить волю старца. После этого лицо князя приняло первоначальное выражение. Но чтобы полностью излечиться от болезни, Бравлин был вынужден отпустить на волю всех захваченных в походе пленных и принести дар св. Стефану. Почтив попов и людей греческих, князь ушел из города.

Некоторые исследователи считали все изложенное в сказании выдумкой средневековых писателей. Но в работах Е. Е. Голубинского, Г. В. Вернадского, А. Н. Сахарова и других ученых приводятся веские доводы в пользу того, что русская рать действительно напала на Крымское побережье где-то на рубеже VIII и IX столетий[19]. Что же касается чудес, якобы совершенных св. Стефаном, то, по мнению В. Г. Васильевского, «гораздо правильнее утверждать, что описанного события (речь идет о припадке князя Бравлина и его выздоровлении после принятия христианства. — *О. Р.*) вообще никогда не бывало»[20]. Г. В. Вернадский же пришел к выводу, что нападение русов на Сурож имело место именно в 790 году.

Естественно, что крупный военный конфликт должен был завершиться мирным договором. Не об этом ли соглашении идет речь в Киевском синопсисе и Мазуринском летописце? Совсем не обязательно понимать под Новгородом Великим, упомянутым в Житии, город, который впоследствии располагался на р. Волхове. Название «Новгород» носили многие славянские и древнерусские города.

Но какую азбуку могли предложить русским византийцы в конце VIII века?

Опираясь на Солунскую легенду, В. А. Истрин писал, что «некий Кирилл Каппадокийский сделал попытку введения у болгар (в Солуни) видоизмененного греческого письма (из 32 букв) еще в конце VII века». Вполне очевидно, что в Византии задолго до Константина Философа предпринимались усилия для создания особой письменности у славян. Византийцы при этом преследовали как минимум две цели, пытаясь: 1) эллинизировать языческое славянское население Ромейской державы, которое вместе с письменностью должно было принять и новую для него христианскую религию, а также усвоить иные нормы морали и быта, присущие господствующей народности империи; 2) вовлечь в орбиту византийского культурного и религиозного влияния «варваров», проживавших за пределами империи.

Быть может, это 32-буквенное видоизмененное греческое письмо и было предложено русским в 790 году? Однако в Киевском синопсисе и Мазуринском летописце утверждается, что присланная византийцами азбука «**в то время от греческаго писания ново бяху измышлена**». Алфавит, который Кирилл Каппадокийский пытался ввести у солунских болгар в VII веке, вряд ли можно было выдать за новое изобретение в VIII столетии. По-видимому, речь в обоих памятниках идет о какой-то иной азбуке, более подходящей для русского языка VIII века.

Ввиду полного отсутствия каких бы то ни было данных мы не можем установить ни состав, ни численность этих «письмен». Судя по сообщению летописцев, азбука, полученная русскими в 790 году, была уже настолько разработана, что с ее помощью можно было писать книги. Эти книги и мог видеть в Херсонесе в начале 60-х годов IX столетия Константин Философ.

Вряд ли эта азбука получила широкое распространение среди русов. Создателям «Повести временных лет» о ней не было ничего известно, и редактор летописи связал появление русской письменности с деятельностью Константина Философа в Моравии.

КАКУЮ АЗБУКУ ПРИДУМАЛ КОНСТАНТИН?

В наше время большинство исследователей склоняются к тому, что в 863 году Константин Философ изобрел глаголицу. На это как будто указывает и Реймское евангелие XIV века, где глаголица названа «русским письмом»[21]. Нам известно, что в XIII—XIV веках глаголица действительно использовалась на Руси в качестве тайнописи[22], поэтому ее могли называть на Западе «русским письмом». Впрочем, на Балканском полуострове она также была широко распространена в средние века.

Ряд ученых, напротив, настаивали на том, что плодом деятельности Константина Философа была кириллица. Наиболее веские доводы в пользу этого привел В. А. Истрин, и мне они представляются весьма обоснованными[23]. Хотелось бы добавить еще несколько соображений.

Черноризец Храбр писал, что из 38 букв славянского алфавита Константина Философа 24 буквы были «подобны греческим письменам». Следовательно, создатель славянской азбуки должен был использовать греческий алфавит полностью. Однако если мы обратимся к глаголической азбуке, то заметим, что греческие буквы «кси» и «пси» в ней отсутствуют. Нет в глаголице и других букв, которые своими очертаниями напоминали бы собой данные литеры. Из этого вытекает, что создатели глаголицы **не использовали всех 24 букв греческого алфавита**. В кириллице же, напротив, все греческие буквы, включая «кси» и «пси», не только присутствуют, но они и на самом деле подобны буквенным знакам византийского уставного письма.

Хорошо известно, что в древности цифры обозначались буквами. Так, например, кириллическая буква «а» под особым значком — титлом — означала 1, буква «в» — 2 и т. д. Таким образом, параллельно с азбукой ее создателям приходилось придумывать и знаки для цифр. Обратившись вновь к кириллице и глаголице, убедимся, что в первой для цифрового обозначения использованы все греческие буквы, во второй же в значении цифр отсутствуют греческие буквы «кси», «пси», «фита», «ипсилон». Все это, на мой взгляд, лишний раз свидетельствует о том, что Константин Философ был создателем именно кириллицы.

Логично было бы предположить, что при создании алфавита для моравов Константин Философ взял за основу русскую азбуку (как об этом пишет автор Толковой Палеи), с помощью которой уже были написаны богослужебные книги. Он переработал ее с учетом особенностей моравских диалектов, внес в нее новые буквенные знаки, упорядочил их правописание и графику. С течением времени усовершенствованная им азбука, содержавшая в себе некоторые «лишние», с точки зрения русской фонетики, литеры, была занесена в Киевское государство и не позже конца X века стала официальным государственным алфавитом. Все это и позволило редактору «Повести временных лет» в начале XII века назвать Константина Философа создателем русской письменности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Повесть временных лет (далее: ПВЛ). Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 102—103; Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 93.
2. Черноризец Храбр. О письменах//Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 102; Рыбаков Б. А. Календарь IV в. из земли полян//Советская археология. 1964. № 4; его же. Язычество древних славян. М., 1981. С. 318—328; Кузьмин А. Г. Славянское древнейшее письмо — «черты» и «резы»//Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 240—244; Истрин В. А. 1100 лет славянской азбуке. М., 1988. С. 129—132 и др.
3. Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. II. СПб., 1843. С. 237.
4. Татищев В. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 94.
5. См., например: Куев К. М. Към въпроса за началото на славянската письменност. София, 1960; Истрин В. А. Указ. соч. С. 24.
6. Рапов О. М. Русская церковь в IX — первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 66—67.
7. ПВЛ. Ч. 1. С. 21—22.
8. См.: Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. М., 1984. С. 188—201.
9. Полный текст этого произведения см.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I. Ч. I. М., 1901. С. 248—252.
10. ПСРЛ. Т. XXI. М.; СПб., 1908. С. 36; т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 170, 306.
11. Цит. по: Истрин В. М. Редакции Толковой Палеи. I—V. СПб., 1907. С. 61.
12. Сказания о начале славянской письменности. С. 77—78.
13. Черных П. Я. К истории вопроса о «русских письменах» в Житии Константина Философа //Ученые записки Ярославского государственного педагогического института. Вып. IX (XIX), история СССР, 1947. С. 4—6; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 78; Истрин В. А. Указ. соч. С. 112—113.
14. Цит. по: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 384—385.
15. Речь здесь, по-видимому, идет о великом польском князе Мешко I (около 922—992), крестившем Польшу в 966 г. Если это так, то русский комментатор XVII в. допустил ошибку: между появлением азбуки у русских (790 г.) и крещением Польши, когда у поляков должен был появиться латинский алфавит, прошло не 109, а 176 лет.
16. Киевский синопсис. К., 1836. С. 22—23; ПСРЛ. Т. XXXI. М., 1968. С. 34—35.
17. См., например: Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 159—192.
18. Кедрин Г. Деяния церковные и гражданские. Т. I. М., 1794. С. 199, 200 об.
19. Голубинский Е. Е. Указ. соч. Т. I. Ч. I. С. 56—67; Полонская Н. К вопросу о христианстве на Руси до Владимира.//Журнал Министерства народного просвещения. Пг., 1917. № 9. Ч. I, XXI. С. 37—39; Vernadsky G. The Prnblem of the Early Russian Campaigns in the Black Sea Area//The American Slavic and the East European Review. Vol. VIII. New York, 1949. P. 3—4, 6; Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980. С. 25—30.
20. Васильевский В. Г. Труды. Т. III. Пг., 1915. С. CCLXXIV.
21. Кузьмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 125.
22. Черепнин Л. В. Указ. соч. С. 262; Рыбаков Б. А. Просвещение.// Очерки русской культуры XIII—XIV вв. Ч. 2. М., 1970. С. 176.
23. Истрин В. А. Указ. соч. С. 142—158.

АНДРЕЙ СМИРНОВ,
кандидат исторических наук

ГОСУДАРСТВО СРАЖАЮЩЕЙСЯ НАЦИИ

Продолжаем разговор о формировании Русского государства, начатый А. Л. Хорошкевич («Родина». 1994. № 5.). Сегодня на суд читателей выносится иная точка зрения, в основе которой лежит представление о государстве как о высшей, непреходящей ценности. Предмет обсуждения составили все те же основные проблемы: каковы факторы возникновения государства, было ли оно «централизованным», какие функции на себя возлагало.

Иван Грозный. Гравюра на дереве. Неизвестный западноевропейский мастер XVI в.

Государственная печать Ивана Грозного.

РОДОСЛОВНАЯ САМОВЛАСТИЯ

Истоки отечественной самодержавной монархии правильнее выводить не от монголов, а из Владимирско-Суздальской Руси конца XII века. Именно сводные братья Андрей Боголюбский (1157—1174) и Всеволод Большое Гнездо (1154—1212) могут быть названы основоположниками государственно-самодержавной идеи на Руси. Распространять ее на более ранние времена бессмысленно: в X—XII веках в представлении русских князей Русская земля считалась общим владением рода Рюриковичей, где есть старшие и младшие, но нет государя и нет подданных, служилых князей. Андрей Боголюбский впервые поставил знак равенства между великим князем и государем, по отношению к которому все прочие князья если не подданные, то по крайней мере вассалы самого низшего разряда, «подручники», как тогда говорили. Иными словами, он попытался привести положение великого князя в соответствие с его титулом. Отсюда и его конфликт с южнорусскими князьями в начале 1170-х годов, в котором он потерпел поражение в силу самых различных причин (в числе их и отсутствие полководческих качеств, которыми был наделен его самый деятельный и опасный противник Мстислав Ростиславич Храбрый).

Фактически эти идеи утвердились на северо-востоке Руси при Всеволоде Большое Гнездо. Совершив несколько походов на Рязань, он военной силой установил новый порядок и превратил в подручников рязанских и муромских князей.

У нас принято считать, что монгольское иго ослабило власть великого князя. Не берусь утверждать, верно ли это: специально я этим вопросом не занимался. Но вряд ли ордынское иго могло деформировать русскую государственную идею — идеи такого рода не привносятся извне, они вырабатываются самим ходом жизни. Нельзя навязать обществу такую идею, которая укоренилась бы в нем и безболезненно просуществовала вплоть до 1905 года! Самодержавие было оптимальной формой правления для России XIV—XVI столетий, ибо страна все это время была постоянно осаждаема с трех сторон враждебными народами, натиск которых временами был настолько силен, что ставил под вопрос существование не только государства, но и самой русской нации. Московское государство было просто обречено на то, чтобы стать, по меткому выражению В. О. Ключевского, военным лагерем: спокойной была только северная граница, где щит Ледовитого океана относительно надежно защищал нас от иноземных вторжений. А ресурсы этого лагеря были весьма ограничены: населенность Русского государства отнюдь не соответствовала его размерам, протяженности его границ.

За 250 лет активных набегов крымских и ногайских татар — от Василия III до Екатерины II — в плен были уведены сотни тысяч русских людей. Если учесть, что все население Московской Руси в XVI веке не превышало 7 миллионов, то речь нужно вести о систематическом, целенаправленном геноциде русского народа со стороны Крымского ханства и его ногайских подданных, обретавшихся в степях Северного Причерноморья.

Уже одно это должно было поставить вопрос о выживании нации на первый план, а чтобы обеспечить такое выживание в условиях недостаточного развития экономики (ведь именно уровень экономического развития дает возможность содержать сильную армию), важно было максимально умело использовать те скудные ресурсы, которые имелись в наличии. Нравится это кому-то или нет, но мобилизовать в с е силы нации и сконцентрировать их в нужном месте в нужный момент могла лишь сильная центральная власть, основанная на армейском принципе единоначалия. В этих условиях страна была просто вынуждена жить по военной модели и не устанавливаться о правах, как в Западной Европе, где что ни год, то городское восстание с выговариванием себе все новых и новых прав, тщательно и долго перечисляемых в документах.

НА ЧЕМ ЗАМЕШЕНА РОССИЙСКАЯ ДЕРЖАВА?

Население вполне сознательно делегировало значительную часть своих прав самодержавной власти, что дало повод многим поколениям демагогов обвинять русский народ в рабстве.

Наиболее четко тезис о решающей роли военного фактора, обороны от внешних врагов в процессе укрепления и развития Русского государства был сформулирован И. В. Сталиным. Даже самые пристрастные критики сталинского учения не станут отрицать лаконичности и меткости его стиля, поразительной точности его формулировок (это хорошо знакомо и большинству серьезных историков). Поэтому, как бы мы ни относились к Иосифу Виссарионовичу, нет ничего удивительного (и ничего зазорного!) в том, что именно его определения относительно централизованного государства, военного фактора и т. д. пережили свое время и прочно вошли в лексикон современных историков.

Отнюдь не случайно военная централизация была достигнута гораздо раньше, чем политическая или экономическая, — уже при Иване III. В это время вассальные владетели полновластно распоряжались внутри своих уделов, но военные контингенты они были обязаны выставлять великому князю по первому зову, и на практике великорусское войско было единым уже в конце XV века. Характерный пример — осада и взятие Казани в 1552 году. Там действуют старицкие удельные полки князя Владимира Андреевича. Последний явно не годился на роль полководца[1], и эти части были изъяты из-под его начала; сам князь состоял при Иване IV, при царском полку, а его войсками, которые действовали на другом участке осады, командовал один из московских воевод. Некоторую самостоятельность сохраняли, пожалуй, лишь войска служилых татарских ханов — касимовских и др. (своего рода национальные формирования XV—XVI веков). Однако, будучи автономны организационно, они действовали только там, «где прикажут» — в рамках общих оперативных планов. Таким образом, военная цен-

трализация почти на сто лет опередила завершение политической.

С экономической централизацией дело обстоит еще сложнее. В 30—40-е годы в отечественной историографии согласно схеме, начертанной в работе Ф. Энгельса «О разложении феодализма и возникновении национальных государств», делались попытки притянуть за уши экономические предпосылки объединения: дескать, к концу XV века хозяйственные связи между русскими землями зашли уже так далеко, что непременно требовалось слить их в единое государство. Здесь просто шла подгонка под схему Энгельса, основанную на западноевропейском материале. Искали полного соответствия западных реалий, исследованных в работах классиков, с нашей российской действительностью, благо исторический процесс, как утверждалось, един, а национальная специфика безусловно вторична.

К началу 60-х годов от этой концепции пришлось отказаться: факты не укладывались в нее. Всероссийский рынок, образовавшийся в XVII—XIX веках, сплачивал уже созданное государство, порожденное необходимостью борьбы против внешнего врага, еще одним фактором, о котором у нас обычно стыдливо умалчивают,— речь идет о национальном самосознании. Причем единое национальное самосознание было — страшно подумать! — во Львове и Москве. В 1592 году львовяне шлют грамоту Федору Иоанновичу с просьбой помочь богослужебной литературой, подчеркивая, что они обращаются именно к этому государю, поскольку в Москве живут такие же русские, как и во Львове, ведущие свое происхождение от современников князя Владимира Святого. В вопросе о национальном самосознании над многими довлеет пресловутая схема: что в средневековье не существовало никаких наций, была народность — «недонация», а критерием разницы между народностью и нацией служила степень экономической сплоченности. Считалось, что если между людьми, говорящими на одном языке и обладающими одной культурой (а я бы добавил — и одними стереотипами поведения), нет развитых экономических связей, то это не нация, а нечто низшее.

БЫЛИ ЛИ РУССКИЕ «НАЦИЕЙ РАБОВ»?

Если в Речи Посполитой существовал колоссальный разрыв между людьми и «быдлом» (то есть одна часть населения пользовалась всеми правами, а другая — никакими), то в Московском государстве эти полюса были сведены: права всех были усреднены. В формировании подобных традиций известную роль сыграла малая плотность населения. Когда не хватало людей для организации обороны от внешних врагов, безусловно не приходилось считаться с интересами конкретной личности: хочет он выходить «сторожить крымского царя», чтобы он, не приведи Господь, Оку не «перелез», или нет — надо, больше некому... В противном случае крымские захватчики быстренько разорят «всю землю», как тогда говорили, в том числе и поместья несогласного индивидуума. Вследствие этого наши сословия различались в основном не по своим правам, а, как отметил В. О. Ключевский, «по обязанностям»: кто сколько должен государству. Дворянин обязан служить «конно, людно и оружно» (а если не выходит, допустим, на «береговую службу» к Оке или на царский смотр, «сказывается в нетях», то прозывается «нетчиком», лишается поместий и подвергается прочим репрессиям). Крестьянин должен был кормить дворянина, чтобы тот мог служить государю, а в случае необходимости и сам обязан помогать войску разрабатывать колонные пути для движения, строить мосты — иначе говоря, служить в так называемой «посохе» (нечто вроде «трудовых мобилизаций» XX века).

Помимо обязанностей по отношению к государству тогдашний русский человек имел немало возможностей проявить себя в жизни общества. Традиция местного общественного самоуправления возникла в Московском государстве в 30—50-х годах XVI века. Речь идет о губных и земских старостах и целовальниках — выборных лицах, которые вершили суд, занимались поимкой разбойников (в то время государство еще не могло взять на себя борьбу с «организованной преступностью»), сбором и раскладкой налогов. Другое дело, что непосредственной причиной появления самоуправления на Руси явилась неразвитость государственного аппарата. Наверняка государство само, причем не без удовольствия, решало бы эти проблемы, но не могло — пришлось свалить все это на плечи общества. Многие категории русских людей — дворянин, черносошный крестьянин Севера, горожанин — могли реализовать свою социальную активность на выборах в органы местного самоуправления, могли и сами быть туда выбраны. А затем зародилась традиция Земских соборов. Даже если мы возьмем самое что ни на есть «рабское» время — царствование Михаила Федоровича Романова (1613—1645), то в этот период Земские соборы следовали один за другим и случались чуть ли не каждый год. Это была самая настоящая парламентарная монархия. Земские соборы утверждали государственный бюджет, введение новых налогов и решали другие важнейшие задачи, стоявшие перед страной. Если на Руси не было учреждения, которое бы так и называлось — «парламент», то это не значит, что у нас напрочь отсутствовали демократические традиции, опыт участия общества в делах управления. Иными словами, не только государство «княжило и володело», но и определенной части общества «давали порулить». Другое дело, что русские люди никогда не кичились, не выставляли напоказ свои права, не противопоставляли себя государству. Например, они расценивали свое участие в самоуправлении, в работе Земских соборов как «государеву службу».

Человек, сознающий свой долг перед соотечественниками, государством и его олицетворением — государем, отнюдь не «серый раб». Ведь в противном случае такая вот «рабская покорность» должна была заставить русских подчиниться «государю Владиславу Жигимонтовичу» и ничтоже сумняшеся жить под поляками. А они шли в ополчения 1611 и 1612 годов!

Отметим, что Земские соборы не были пустой говорильней, а худо-бедно, но решали общегосударственные задачи. Исключение составил разве что Собор 1642 года, представлявший собой некое подобие памятных съездов народных депутатов: бесконечные самоотчеты, разговоры о собственных нуждах оттеснили на задний план то, ради чего созывался собор, — принимать или нет в русское подданство Азов.

В интервью журналу «Родина» известный историк А. Л. Хорошкевич утверждает, что «великокняжеская власть не ставила перед собой никаких задач общегосударственного значения». Дорог великие князья действительно не строили, но о лесах все же заботились. Например, еще в 1485 году Иван III запретил бесконтрольную рубку леса в угодьях Троице-Сергиева монастыря. Аналогичную меру в отношении мурманских лесов, принадлежавших Печенгскому монастырю, предпринял в 1556 году Иван IV. Все леса, лежащие на границе со степью, объявлялись заповедными и подлежали строгой охране: щит против татарской конницы!

ЗАСЕЧНЫЕ ЛИНИИ и СТОРОЖИ при ИВАНЕ IV и Б. ГОДУНОВЕ

Верховная власть возлагала на себя и мероприятия гораздо большего масштаба — вспомним хотя бы о грандиозном крепостном строительстве XVI века. Это ли не «задача общегосударственного значения»? Или великие князья возводили крепости для самих себя? Нет, соорудив каменные кремли в Нижнем Новгороде, Коломне, Туле, Василий III значительно облегчил оборону Оки — главного рубежа, прикрывающего Замосковный край от набегов крымских татар. А при Иване IV к югу от главного появился грандиозный по протяженности новый рубеж — Передовая засечная черта. На сотни верст — от Алатыря до Путивля — протянулась цепь засек, валов, рвов, частоколов, острожков и крепостей. «Кровопийцы» возвели Васильсурск, Свияжск, Ивангород — мощные плацдармы для действий против Казанского ханства и Ливонского ордена.

А разве создание постоянных войск не имело «общегосударственного» значения? Известно, что в 1550 году Иван Грозный создал трехтысячный корпус стрельцов, но еще в 1510-м его отец располагал как минимум тысячью «казенных пищальников». Так неужели государственная система, деятельно укреплявшая оборону государства, оберегавшая жизнь и имущество русских людей от «нашествия иноплеменных», «глубоко и демонстративно безнравственна»?

Теперь самое время поговорить о якобы присущей русским людям XV—XVII веков ненависти к другим народам. «Ксенофобия» — словечко весьма скользкое, обозначающее довольно расплывчатое понятие, не поддающееся количественным оценкам. Вообще говоря, ни один народ не обязан почитать своих соседей «всем сердцем и душой». Любить чужую нацию как свою совершенно неестественно, что бы там ни говорили проповедники интернационализма. При этом, по моему мнению, ксенофобия не есть ненависть к другим народам, это просто здоровое недоверие, известная отстраненность от чужих, проистекающая из различий в национальном характере. Это явление нормальное, присущее любой нации. А русским своих соседей любить было и вовсе не за что. Поговорки типа «незваный гость хуже татарина» и бытовавшие в народе вплоть до XIX века песни про «татарский полон» никто ведь специально не насаждал, не культивировал с целью фальсификации прошлого. И по отношению к тем же казанским татарам у русских не было никаких поводов преодолевать в себе эту самую «ксенофобию» — перед ними был в р а г, пусть не такой злобный и агрессивный, как в Крыму, но традиционный: с ним пришлось иметь дело на протяжении столет — от Василия Темного (40-е годы XV века) до 1552 года (а восстания казанцев случались вплоть до начала XVII столетия). Имелись все основания для установления в покоренном ханстве достаточно жесткого режима, но были осуществлены лишь самые необходимые меры по обеспечению безопасности. В итоге казанские татары сохранили свою культуру, свое национальное самосознание и успешно развивались как нация. Никаких поводов возводить ксенофобию (то есть нормальное отчуждение от иных племен) в ранг основного фактора, определившего развитие Русского государства, нет.

НЕДОЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

Термин «Русское централизованное государство» безусловно неудачен по двум причинам. Во-первых, он искусственный: сами русские люди так свое государст-

во не называли. Во-вторых, ни в XV, ни в первой половине XVI века (то есть в правление Ивана III, Василия III и в начальный период царствования Ивана Грозного) Русское государство, по сути, не было «централизованным». Если к понятию «централизация» подходить строго научно, то под ним стоит понимать то, что В. О. Ключевский называл «собиранием власти» в руках московского государя. Если правитель обладает стопроцентной полнотой власти, то перед нами полная, законченная централизация.

В этом смысле о централизации можно говорить, лишь имея в виду конец XVI и XVII век. Но ведь в нашей исторической науке о централизованном государстве говорят лишь применительно ко времени с конца XV до конца XVI века, заканчивая если не Иваном IV, то во всяком случае Федором Иоанновичем. Обычно историк, пишущий о XVII веке, уже не говорит о «Русском централизованном государстве» — это своего рода традиция (а говорится о «Русском государстве в XVII веке»). Вплоть до 60-х годов XVI века внутри Русского государства существовало немало (одно время не один десяток) удельных княжеств, то есть государств, вассальных по отношению к Москве, внутри которых были свои (не московские, не общегосударственные) порядки. Эти вассалы имели свой двор, свои войска (у некоторых были даже стрельцы!) и пользовались всеми правами по отношению к своим подданным. Во-первых, это уделы князей великокняжеской фамилии, братьев Ивана III, а затем Василия III. Например, Волоцкое княжество, дожившее до 1513 года; Калужский удел, где до 1518 года правил брат Василия III Семен; Углицкий удел, где до 1521 года княжил другой брат московского великого князя — Дмитрий Иванович. Только в 1560-х годах было ликвидировано Старицкое княжество, где правил еще один брат Василия III — Андрей Иванович, а после его смерти сын — несчастный князь Владимир Андреевич Старицкий. Вплоть до 40—60-х годов просуществовали Белёвское, Воротынское, Новосильское, Одоевское княжества, располагавшиеся в основном в бассейне верхней Оки (так называемые «верховские, или заоцкие, уделы»). Наконец, известное Касимовское ханство в районе Городца Мещерского, переименованного в честь первого удельного владетеля этого города хана Касима (под названием Касимов город существует и по сей день). Это удельное ханство служилого татарского «царя» (так его называли) пережило даже Грозного и исчезло уже в XVII веке просто потому, что пресеклась местная династия. Все остальные были сметены опричниной. Исключительно наглядная картина этого «лоскутного одеяла» дана в великолепной книге М. Н. Тихомирова «Россия в XVI столетии», вышедшей еще в 1962 году.

Как видим, точка зрения о «недоцентрализации» Русского централизованного государства была высказана довольно давно. В 60-х годах ее фактически разделял известный историк А. А. Зимин, писавший, что опричнина Ивана Грозного была направлена именно на ликвидацию остатков «удельной старины».

Подобное мнение разделял и покойный профессор МГУ А. В. Муравьев, и многие другие серьезные ученые.

Приверженность большинства историков понятию РЦГ можно объяснить скорее привычкой использовать термин по инерции, не задумываясь о его смысле.

Распространение представлений об РЦГ в немалой степени связано и с тем, что между «недоцентрализацией» конца XV—XVI века и «феодальной раздробленностью» XIV столетия существует резкий контраст. Наличие описанных выше «государств в государстве» обычно не бросается в глаза: с московским государем они уже не воевали (и даже помыслить об этом не могли); войско было единым, и по первому требованию московского князя все эти князьки и прочие вассалы выставляли свои контингенты под его верховное командование. Например, В. Н. Татищев и другие историки XVIII века, превознося заслуги «объединителей» и «самодержцев» Ивана III и Василия III, имели в виду прежде всего то новое, что вошло в их правление в жизнь страны: кончились кровавые усобицы! Стало единым войско! При этом игнорировалась логика развития единого государства от Ивана III до Михаила Федоровича Романова. Причем это не злонамеренная фальсификация, а скорее следствие невнимания историков, которым было просто некогда заниматься такими тонкостями, как отношения волоцкого удельного князя или касимовского хана с Василием III.

Несмотря на обилие исторических сочинений о формировании Русского государства, этот вопрос никак нельзя считать изученным до конца. Еще очень долго историки будут спорить, разрабатывать оригинальные идеи, выяснять, какие факторы преобладали в процессе складывания державности, выявлять картину событий вплоть до мельчайших деталей. Эта работа будет полезной и продуктивной только при условии кропотливой и вдумчивой работы историков с источниками. Подстраивая факты под очередные идеологические потребности сегодняшней власти или же стремясь на скорую руку сотворить очередную сенсационную концепцию, мы никогда не станем ближе к истине.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Обличая «московских кровопийц», А. Л. Хорошкевич явно стремится противопоставить им «истинных героев» . И вот двоюродный брат Ивана Грозного удельный князь Владимир Андреевич Старицкий оказывается «весьма одаренным полководцем», под водительством которого «русские войска одержали несколько громких побед». В качестве примера называются военные действия при взятии Казани и Полоцка. Но источники, повествующие о кампаниях 1552 и 1563 годов, не дают для подобных утверждений ни малейшего повода. Главнокомандующим под Казанью был сам Иван IV, а воеводами Большого полка, то есть следующими по старшинству военачальниками, — князья И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский. Владимир же Андреевич предстает как чисто декоративная фигура, состоящая при Грозном в силу своей принадлежности к великокняжеской фамилии и нужная лишь для того, чтобы поздравить царя с победой. Он даже не командует своими старицкими войсками. Из того же летописного рассказа видно, что действиями осаждавших руководили Воротынский и князь А. Б. Горбатый-Шуйский. В послании к последнему царский духовник Сильвестр с одобрения Ивана IV писал: Казань взята «наипаче твоим крепким воеводством». Ничем не проявил себя князь Владимир и под Полоцком, где главнокомандующим опять-таки был Грозный, а действиями войск руководили штатные воеводы полков.

КОНСТАНТИН ПЕРЕЛАДОВ

КОНЧИНА АВГУСТЕЙШЕГО КОЛОДНИКА

«26 числа приговор был прочтен царевичу; страх близкой смерти до такой степени поразил его, что он, вскоре по выходе из Сената, лишился чувств и впал в продолжительный, предсмертный обморок...» — версия В. Бергмана, И. Голикова[1].

«...В этой смерти было столько же неожиданности, сколько в смерти Петра III, Ивана Антоновича и Павла I» — версия К. Валишевского, Е. Анисимова[2].

«Вероятнее всего, царевич умер вследствие пытки... скончался, не выдержав физических истязаний и нервного напряжения» — версия Н. Устрялова, Н. Павленко[3].

Именно гипотеза о гибели царевича под пытками получила наибольшее распространение, однако и она нуждается в тщательном обосновании.

Царевичъ АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ.

Физические истязания начали применять к августейшему колоднику за неделю до смерти. Первая пытка датируется 19 июня 1718 года. Некоторые историки считают, что пытки начались раньше (Н. Павленко называет дату 14 июня 1718 года[4]). Обратимся к документу, который справедливо считается объективным и заслуживающим доверия источником. Это «Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии», в которой содержится лаконичная запись: «В 14 день (июня. — *К. П.*). Привезен в гварнизон под караул царевич Алексей Петрович и посажен в роскат Трубецкой в полату, в которой был учинен застенок»[5]. В данном контексте словосочетание «учинен застенок», очевидно, следует понимать так, что в Трубецком бастионе царевича допрашивали, но без применения мер «третьей степени». Тем более что в записке, датированной 14 июня, не упоминаются «отец отечества» и «птенцы гнезда Петрова», которые обычно присутствовали при пытках царевича и других лиц, привлеченных к процессу.

Петр не случайно выбрал из шести бастионов Петропавловской крепости именно Трубецкой (названный так в честь руководителя строительства Ю. Ю. Трубецкого). Юго-западный «больверк» был наиболее укрепленным, полностью «одетым в камень». Остальные бастионы либо еще только обкладывались кирпичом, либо представляли из себя земляные сооружения[6].

Решение о проведении допроса «с пристрастием» созрело у императора накануне — 18 июня. Никто из присутствовавших на первой пытке вельмож не был оповещен заранее. Нарочные рассылались утром 19 июня. Так, к князю Меншикову Петр отправил плац-подполковника «в 6 часов по утру... с повелением, чтоб ехал он к Его Величеству в крепость»[7]. Значительно сложнее оказалось найти остальных господ сенаторов и министров, сборы заняли несколько часов, в результате чего «прибыли в гварнизон по полуночи в 12 часу в начале». Допрос состоял из 12-ти пунктов, на которые Алексей Петрович отвечал, будучи подвергнут физическим истязаниям (25 ударов кнутом). Кнут был известен на Руси по крайней мере со времен «Русской Правды». Путешественники-иностранцы нисколько не преувеличивали, рассматривая его «...как самое жестокое и варварское наказание»[8].

Царевич выдержал испытание болью и повторил прежние свои показания (факт в политическом процессе немаловажный), а затем

добавил, что, когда исповедовался у своего духовника Якова Игнатьева, сказал ему: «Я-де желаю отцу своему смерти», на что последний ответил: «Бог тебя простит; мы-де и все желаем ему смерти».

В общей сложности первый пыточный допрос Алексея Петровича продолжался около двух часов. Большая часть времени понадобилась для выбивания от подследственного нужных «отцу отечества» и его приближенным (А. Д. Меншикову, Я. Ф. Долгорукому, И. И. Бутурлину, П. А. Толстому и др.) показаний. Для пытки в 25 ударов требовалось около часа[9], остальное время царевич, по всей видимости, отвечал на вопросные пункты.

В тот же день, в шесть вечера, Петр вновь прибыл в Петропавловскую крепость для учинения очной ставки своему сыну и его духовнику. Пыточная процедура повторяется в точности, но уже в отношении Якова Игнатьева. Время допроса составило 2,5 часа, а продолжительность пытки (Яков Игнатьев получил такое же количество ударов, что и Алексей Петрович) и его расспроса — 2 часа, следовательно, очная ставка между двумя колодниками продолжалась около получаса.

На следующий день, 20 июня 1718 года, господа сенаторы и министры вновь собрались в крепости. На этот раз они прибыли значительно раньше — в 8 часов утра. Характерно, что среди прибывших не было Петра, по крайней мере, «Записная книга С. Петербургской гварнизонной канцелярии» позволяет сделать именно этот вывод. Однако в журнале князя Меншикова сохранилась запись, свидетельствующая, что Петр уехал из крепости в 10 часов утра 20 июня. В число прибывших, отмеченных «Записной книгой», он не попал потому, что, по всей видимости, провел ночь в Петропавловской крепости, следя за состоянием своего сына.

Консультации с приближенными заняли у Петра два часа, после чего он уехал, не забыв, впрочем, сделать одно очень важное распоряжение. О нем мы узнаем из приходно-расходной книги Тайной канцелярии за 1718 год: «июня в 20 день лейб-гвардии Преображенскаго полка поручику Андрею Новокщенову было выдано... на покупку капусты к прикладыванию пытанным два руб.». Это распоряжение могло исходить только от Петра, поскольку касалось царевича Алексея Петровича и его духовника Якова Игнатьева. Капуста издавна считалась в народной медицине целебным лекарством — ее свежие листья применялись при ушибах, воспалении суставов и мягких тканей[10]. Однако, согласно инструкции, капуста потребовалась лишь для подлечивания кровоточащих ран: необходимо было держать колодников в «работоспособном» состоянии. Петр и здесь рассчитал все до мелочей. Отдавая приказ о залечивании нанесенных увечий, он стремился не допустить кончины сына до тех пор, пока тот не выдаст все свои сокровенные замыслы, а также лиц, причастных к их обсуждению. Иначе говоря, речь шла не столько о сохранении жизни отрекшегося от престола царевича, сколько о государственной безопасности его августейшего отца.

Когда Алексей Петрович немного пришел в себя, Петр направил к нему Петра Андреевича Толстого с тремя вопросными пунктами, касающимися отношений отца и сына, наследника престола и его обладателя. Если на пыточной процедуре Петр I выступал в качестве жестокого, бескомпромиссного судьи, то в этих вопросах начинает проглядывать человеческое чувство. Может быть, в глазах самодержца стояла кровавая каша, оставленная по его указанию на спине старшего сына? Во всяком случае, эти вопросные пункты отразили борьбу, происходившую в душе Петра. Но ответ царевича расставил все точки над «i». Алексей не стал сглаживать углы: «Мало по малу не токмо дела воинския и прочия от отца моего дела, но и самая его особа зело мне омерзела...» Судьба царевича была предрешена; чувство отцовской жалости ушло, уступив место жажде государевой мести. Впереди еще были четыре мучительных дня.

Вторая пытка состоялась 24 июня. По характеру заданных вопросов и продолжительности (с 10 до 12 часов утра) она мало чем отличалась от предыдущей. Петр задавал уточняющие вопросы о сподвижниках царевича, прояснял детали «заговора». Царевич прочно стоял на своих прежних показаниях. Судьи были настойчивы, пытаясь добиться «самую истину»: «Все ль правда, не клеплет ли кого, не таит ли кого, и что еще больше в нем есть?»

Учитывая состояние подследственного, норма ударов была сокращена до 15. Пока Алексея Петровича пытали, Меншиков, отсутствовавший на этой малоприятной процедуре, находился в Сенате, оформляя приговор министров, сенаторов, военных и гражданских чинов, по которому «царевич Алексей, за вышеобъявленные все вины свои и преступления главные против Государя и отца своего, яко сын и подданный его величества, достоин смерти». Смертный приговор был вынесен и подписан к двенадцати часам дня 24 июня 1718 года.

Возникает резонный вопрос, почему приговор тотчас не был приведен в исполнение? Я полагаю, что Петр медлил лишь потому, что хотел досконально разобраться в существе показаний своего сына. Вечером того же дня «отец отечества» вновь приехал в Трубецкой бастион и устроил очную ставку Алексею Петровичу и Федору Дубровскому (царевич назвал его на утреннем розыске). На следующий день Г. Г. Скорняков-Писарев предъявил царевичу письма, взятые у него в доме в ходе обыска, и выяснял: «Не хотел ли оныя в народе чрез кого разсевать?» Интересно, что записка о посещении Алексея Петровича и его показаниях хранилась в архиве с заметкой: «Сие записано со слов Григорья Григорьевича, а подлинного оригиналу не имеется». Это говорит, во-первых, о том, что допрос производился один на один, в строго конфиденциальном порядке, без свидетелей. А во-вторых, Алексей Петрович, по-видимому, уже был не в состоянии владеть пером, ибо тогда сохранились бы его письменные показания, как это было 22 июня, в памятный приезд П. А. Толстого.

Алексей Петрович не изменил показаний и под пытками. Факт этот, на первый взгляд малозначимый, на самом деле играл огромную роль в процессуальных особенностях, принятых в судопроизводстве по политическим процессам. Стоило царевичу отречься от своих слов или переменить их, как это незамедлительно привело бы к увеличению числа пыток. Вместо предусмотренных трех[11] он получил бы все шесть.

Но этого не произошло: последний раз меры физического воздействия применялись к августейшему колоднику **утром 26 июня**. Царь и девять особо приближенных к нему лиц находились в Петропавловской крепости около трех часов (с 8 до 11 часов утра). В это время и был «учинен застенок». Вот как описываются эти события в журнале, который велся по поручению А. Д. Меншикова: «26 числа Его Величество с Князем были в крепости, потом были у Царевича Алексея Петровича, который был весьма болен, и быв у Его Высочества с полчаса, по многих разговорах разъехались; всенощную слушали обще у Троицы. В тот день (вечер) Царевич Алексей Петрович от сего света в вечную жизнь переселился»[12].

Приведенная запись является уникальным источником, проливающим свет на последние часы жизни царского сына. Физическое состояние подследственного было очень тяжелым, оно усугублялось тем, что он перенес третью, последнюю во всех смыслах пытку. «Отец отечества» появился к финалу этой процедуры. По свидетельству саксонского резидента, царь именно 26 июня «три раза принимался собственноручно бить кнутом сына, который и умер во время истязаний»[13]. В подобном характере развязки убеждает дальнейший анализ «поденных записей» А. Д. Меншикова. В тот же день Петр направился не куда-нибудь, а в церковь. Зачем было самодержцу начинать день с посещения политической тюрьмы, а заканчивать его присутствием на всенощной в храме? Приведем слова Петра, сказанные им ранее: «Чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания и отечество наше безбедно». Замаливая взятый на душу грех, царь полагал, что поступает во благо, обеспечивая стабильность своей политики.

Еще одним доказательством гибели царевича под кнутом является интенсивность проведения пыточных процедур[14]. Очевидно, существовал определенный, отработанный на многих поколениях колодников порядок проведения пыток, преступить через который значило подвергнуть подследственного медленной или скоротечной смерти (в зависимости от количества и характера наносимых ударов). Критическим периодом между второй и третьей пытками были как раз два дня (при условии, что все три истязания проводились в достаточно сжатые сроки — за неделю, а норма превышала 10 ударов). В этом убеждают и данные менее громких политических процессов 20—30-х годов XVIII века.

3 января 1722 года Тайная канцелярия начала розыск по делу монаха Иоакима (расстриги Якова Венедиктова), который обвинялся в произнесении слов о Екатерине I: «Она де нам какая царица, она де прелюбодейка, нам де царица старая, что была первая» (речь шла о Евдокии Федоровне Лопухиной — первой жене Петра I). Поскольку обвиняемый не признавался в этих словах, его пытали: 8 января — 15; 10-го — 25; 20-го—25 ударов. 6 февраля был вынесен приговор: сослать в монастырь[15].

Через десять лет в Тайную канцелярию попал по доносу артиллерийский столяр Герасим Федоров, неосторожно сказавший: «Ныне де публикация о бывшем фельтмаршале князе Василье Долгоруком и о других, а Государыня де Императрица соизволила наследником быть графу Леволде [Левенвольде], а она ж де Государыня и на сносех, и ныне де гляди междуусобной брани быть». Он выдержал три розыска (18 февраля 1732 года — 20, 26-го — 15, 9 марта — 20 ударов), однако вскорости скончался[16].

В 1736 году крестьянина-раскольника Василия Бухаева пытали в произнесении слов: «Ныне де веру христианскую переменили и крестятся щепотью, а не сложением болшого с двумя меншими персты, а все де то учинил антихрист первой император, также де нынешняя императрица тоже антихрист и при ней свету преставление будет». 18 февраля он получил 24 удара, 23-го — 18, 27-го — 21, после чего был вынесен смертный приговор[17].

За год до этого, 13 февраля 1735 года, ссыльный колодник Иван Алексеев кричал крамольные слова: «Такия де мать царь, а с растаки де матери сенаторей надобны со всех шпаги снять»[18]. Пытан: 4 марта — 25 ударов; 7-го — 30; 17-го — битье и огонь. Приговор был коротким: отрубить голову (приведен в исполнение 28 ноября).

Таким образом, узники, получившие примерно такое же количество ударов кнутом, как и Алексей Петрович, остались в живых по двум причинам: 1) процедура наказания была более продолжительна во времени (от 9 дней до 3-х недель); 2) пытки распределялись более щадящим образом. Подобное поведение следователей диктовалось тем, что приговор не был вынесен и подследственных надо было беречь во время «допросов с пристрастием». В противном случае это сводило бы на нет всю логику политического процесса. В случае же с Алексеем Петровичем приговор (да еще смертный) был вынесен во время проведения второй пытки! Случай беспрецедентный, однако Петр пошел на это, ибо спешил — впереди были праздники. Вот почему августейший колодник и погиб, будучи забит до смерти кнутом.

Что же представляло из себя это страшное орудие? Приведем описание кнута, распространенного в XVII—XVIII веках: «К короткой, около полуаршина длины, толстой, деревянной рукоятке прикреплялся упруго-гнущийся, плетеный, кожаный столбец, с кольцом или кожаною петлею на конце; к этому кольцу или петле привязывался ремешком хвост, около аршина длины, сделанный из широкого ремня толстой сыромятной кожи, согнутого вдоль, наподобие желобка, и в таком виде засушенного. Этот хвост, твердый как дерево или как кость в сухом виде, размягчался при употреблении в дело от текущей крови и, поэтому, после нанесения нескольких ударов, заменялся новым. Таким образом, полный прибор кнута должен был заключать одну рукоятку с плетеным столбцом и несколько хвостов»[19].

Грань между наказанием и засе-

чением насмерть была достаточно подвижна. По мнению исследователя прошлого века А. Г. Тимофеева, «кнут вредил не только здоровью, он был опасен и для жизни и легко мог перейти по желанию власть имеющих — в мучительную квалифицированную казнь... причем это не зависело даже от числа ударов: результат мог быть достигнут и при небольшом их количестве».

Во время пыточных процедур удары ни в коем случае не должны были наноситься по голове и бокам, поскольку это приводило к смерти колодника. В случае с царевичем, вероятно, эти части тела повредили. По свидетельству голландского плотника, работавшего в тот день в крепости, тело Алексея Петровича было вынесено из застенка и положено в гроб, причем голова была частично прикрыта, а шея перевязана!

Вызывает сомнение и время, указанное в депеше, направленной послам России в других государствах: «...сего июня 26, около 6 часов пополудни, жизнь свою христиански скончал». В «Записной книге С.Петербургской гварнизонной канцелярии» назван тот же час смерти, однако фраза «того ж числа по полудни в 6 часу» часто повторяется (не только 26, но и 19, 24 июня); сам этот оборот является стереотипным.

В то же время факт смерти царевича 26 июня 1718 года абсолютно достоверен. По обычаю, похороны должны были состояться на третий день, то есть 28 числа. Но Петр посчитал дурным знаком отметить годовщину полтавской виктории и день своего тезоименитства погребением забитого сына. Поэтому траурный обряд был совершен 30 июня. Но эта дата содержала еще более зловещий оттенок: по некоторым данным, это был день рождения первой жены Петра — Евдокии Федоровны Лопухиной, матери убиенного царевича[20].

Алексей Петрович был захоронен под лестницей колокольни Петропавловского собора, в месте, которое трудно назвать, даже с натяжкой, подобающим его сану[21].

Юридическим основанием для квалификации действий царевича явились статьи Соборного Уложения 1649 года (гл. II, ст. 2, 5, 7) и Воинского Артикула. По ним он был признан виновным в совершении тягчайшего государственного преступления — измене «государю и отцу своему». Ему инкриминировалось, что он «намерен был, против воли его величества, по надежде своей, не токмо чрез бунтовщиков, но и чрез чужестранную цесарскую помощь и войска, которые он уповал себе получить, и с разорением всего государства и отлучением от оного, того, чего бы от него за то ни пожелали, и при животе Государя отца своего достигнуть». За подобного рода намерения полагалась смертная казнь с конфискацией имущества. Причем если дети про измену не знали, то наказанию они не подлежали, «а на прожиток из вотчин и ис поместий им, что государь пожалует». В конце лета, через два месяца после гибели, деревни и усадьбы Алексея Петровича были приписаны к детям его, а вещи распределены в ноябре 1718 года. Наличные деньги, которые царевич занимал у разных лиц перед побегом за границу[22], также подлежали конфискации и передавались в распоряжение Тайной канцелярии на нужды политического сыска. В 1722 году остаточная сумма в размере 24718 руб. 74 коп. отошла в рекрутскую канцелярию[23].

г. Новосибирск

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бергман В. История Петра Великого. Т. 4. Кн. 21. СПб., 1833. С. 223; Голиков И. И. Деяния Петра Великаго, мудраго преобразователя России. Ч. VI. М., 1788.
2. Валишевский К. Петр Великий. Кн. 3. Дело. М., 1990. С. 379; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 452.
3. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. Т. 6. СПб., 1859. С. 294; Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 406.
4. Павленко Н. И. Полудержавный властелин. М., 1991. С. 194.
5. Записная книга Санкт-Петербургской гварнизонной канцелярии//Устрялов Н. Г. Указ. соч. С. 612.
6. Церемония иачала камениого строительства Трубецкого бастиона состоялась 13 мая 1708 г. в присутствии Петра I (см.: Пиляковский В. И. Петропавловская крепость. Л., 1967. С. 60—62).
7. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого. Т. 12. М., 1794. С. 62.
8. Тимофеев А. Г. История телесиых наказаний в русском праве. СПб., 1897. С. 154; Ключевский В. О. Сказания иностраицев о Московском государстве. М., 1991. С. 105.
9. Г. Котошихин отмечает, что «в час... бывает ударов 30 или 40» (XVII в.); Мордвииов (начало XIX в.) — 20 ударов кнутом. Очевидно, в XVIII в. частота наказания была выше, чем в XIX в., но ниже, чем в XVII в. (см.: Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Т. XV. СПб., 1895. С. 464).
10. Приходно-расходная киига Тайной канцелярии за 1718 г.//Собрание документов по делу царевича Алексея Петровича, вновь найденных Г. В. Есиповым. М., 1861. С. 111. Пастушенков Л. В., Пастушенков А. Л., Пастушеиков В. Л. Лекарственные растения. Использование в иародной медицине и быту. Л., 1990. С. 106.
11. ПСЗРИ. Т. 1. № 561. СПб., 1830. «Пытать трижды и огнем жечь...»
12. Голиков И. И. Дополнения... Т. 12. С. 63. В литературе получила распространение и другая редакция событий 26 июия, описанных в журнале А. Д. Меншикова: «Его светлость, прибыв в дом свой. лег опочивать. День был при солнечном сиянии, с тихим ветром. В тот день царевич Алексей Петрович с сего света в вечную жизнь переселился» (Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия. М., 1973. С. 62—63). Думается, что данная версия была призвана затушевать подлинные события.
13. Алексей Петрович//Русский биографический словарь. СПб., 1900. Т. II. С. 52.
14. За неделю Алексей Петрович выдержал три пытки, причем если между первой и второй было пять суток, то вторую и третью разделяло всего два дня. Сопоставлеиие дат физических истязаний, примеиявшихся к лицам, проходившим по делу царевича, показывает, что если первую и вторую пытки могли разделять два дня (Иван Афанасьев 14 марта 1718 г. получил 25, 16-го — 17 ударов) и даже один (ростовский епископ Досифей (он же расстрига Демид) 5 марта 1718 г. подвергся чисто символическому иаказанию в 3 удара, а уже на следующий день выдержал 19 ударов), то минимальный срок между наказанием кнутом во второй и третий раз составлял три дня (дьяк Федор Воронов 28 февраля 1718 г. получил 25, 3 марта — 15, 6-го — 17 ударов). Все оии остались живы после этого, но потом все равно были казнеиы.
15. РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 135. Л. 4 об., 9 об., 10, 10 об.
16. Там же. Д. 292. Л. 37. 122.
17. Там же. Д. 420. Л. 84, 87 об.
18. Там же. Д. 460. Л. 82 об.
19. Сергеевский Н. Наказание в русском праве XVII в. СПб., 1884. С. 152.
20. Долгоруков П. В. Российская родославная книга. Ч. 2. СПб., 1854. С. 58; Петров П. Н. История родов русского дворянства. Кн. 2. М., 1991. С. 32. В БСЭ (3-е изд. Т. 15. С. 23) приводится дата 30 июля.
21. Канн П. Я. Петропавловская крепость. Л., 1960. С. 82.
22. Князь Меншиков дал 3000 рублей, Сенат — 2000, обер-комиссар Исаев — 17000. Уже за границей царевич получил еще 9000. Итого: 31 тысяча рублей.
23. РГАДА. Ф. VII. Оп. 1. Д. 150. Ч. 1. Л. 36.

ЮРИЙ ПИВОВАРОВ

КОГДА ИМПЕРАТОР НАРУШИЛ ЗАКОН

ЧТОБЫ УКРЕПИТЬ ПРАВОВЫЕ НАЧАЛА В ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА, НАМ НУЖНО ОБРАТИТЬСЯ К КОНСТИТУЦИИ 1906 ГОДА

Конституция 12 декабря 1993 года создала в нашей стране принципиально новую правовую реальность. Произошла не просто смена одного Основного Закона другим, но был сделан очень важный шаг из того внеправового пространства, в котором оказалась Россия в результате событий 1917—1919 годов. Николай II своим отречением, Временное правительство провозглашением России республикой, большевики разгоном Учредительного собрания (а добил его А. В. Колчак) и отказом от «буржуазного права», то есть права вообще, вывели страну за пределы действительности ее правопорядка, разорвали многовековую преемственность правоустановлений. Здесь важно подчеркнуть, что политические и мировоззренческие антагонисты последовательно совершали одно дело. Десятилетиями складывавшееся, менявшееся, принимавшее все более и более «цивилизованный» вид советское право в общем и целом оставалось фиктивным. И прежде всего потому, что фиктивной была Конституция (точнее, конституции 1918, 1924, 1936, 1977 годов), основная норма любой правовой системы. Не-легальной, внелегальной, не имевшей статуса юридического лица была КПСС — основа основ коммунистической формации...

В третий раз в этом веке Россия избирает себе конституционно-правовое измерение. Первое существовало с 23 апреля 1906 года (принятие Основных государственных законов, вводивших полупарламентскую систему) по 2 марта 1917-го (отречение императора), второе (напомню, фиктивное) — с 10 июля 1918 года (первая советская конституция) по 21 сентября 1993 года (Указ № 1400 о роспуске съезда народных депутатов). Встает вопрос: как быть, как строить новую, подлинную (то есть не фиктивную) правовую систему? С одной стороны, нынешняя, как бы мы ни открещивались от коммунистического прошлого, тысячами нитей связана с советской, вырастает из нее. Значит ли это, что следует возводить здание правовой государственности на фиктивном фундаменте? С другой — *Конституция 12 декабря действительно создает* в нашей стране новую правовую реальность. Тогда что же? Ждать, какая из этих тенденций, какое из этих начал возобладает? Так сказать, жизнь все расставит по своим местам?

Существует еще одна возможность. Пока, правда, не совсем ясно, как ее реализовать. Речь идет об **обращении** к правовой реальности и правопорядку, прерванному в 1917 году. Подчеркиваю: не о возвращении, а об обращении. О *возобновлении* прерванного развития в пространстве права.

Мы написали на своих знаменах: «правовое государство». Мы хотим, чтобы наша жизнь регулировалась правом, как это делается в цивилизованных странах. Но ведь там, несмотря на революции, гражданские войны, иные социальные катаклизмы, ни разу, нигде не происходило полного отказа от преемственности национальных правоустановлений, от действительности веками складывавшегося правопорядка. «Гражданский кодекс» Наполеона не отменялся Реставрацией, июньской монархией, Второй империей, Третьей, Четвертой, Пятой республиками. Они, эти цивилизованные страны, никогда не начинают с нуля, не делают вид, что всего прошлого как бы и не было, не стремятся избавиться от исторической ответственности. Исключения (например, Парижская коммуна) лишь подтверждают господство этого принципа.

Укажу еще на один из уроков, который мы можем взять у цивилизованного мира. Особенно у государств, падавших в наиболее глубокие пропасти, терпевших наиболее жестокие поражения. Это постоянный, непрерывающийся опыт самопознания, самоанализа, саморефлексии, в том числе и правовой. Или иначе: самопознание должно иметь и правовое измерение — вопрос о правомерности, праворелевантности российской демократии. О корнях, основах ее легитимности. Но эта тема не может быть адекватно понята без (вне) решения проблемы, косвенно упомянутой в начале статьи. Я имею в виду проблему выхода России за пределы ее исторического правопорядка.

Произошло это следующим образом. При отречении Николая II от престола были нарушены Основные государственные законы (от 23.04.1906). Он не имел права отрекаться от имени своего сына, наследника престола Алексея. Согласно Основным законам, при вступлении на престол и миропомазании император брал на себя обязательство свято соблюдать законы о престолонаследии. Известно, что в принципе возможны два порядка замещения престола: избирательный и наследственный. Россия принадлежала к полностью преобладавшему в последние столетия типу наследственных монархий. Более того, как и везде, у нас было установлено *наследование по закону*, а не по завещанию.

Законы, определявшие порядок престолонаследия, признавались прецептивными. После 23 апреля 1906 года порядок престолонаследия в Российской империи регулировался ст. 25—39 Основных законов. В свою очередь эти статьи основывались на Акте о престолонаследии от 5 апреля 1797 года, изданном Павлом I. Этот акт вносил в отечественную государственность реальные конституционные начала; он же избавил страну от потрясений, лихорадивших ее весь XVIII век.

Говоря просто, Николай II имел право только на передачу престола своему сыну, законному наследнику Алексею. Царевичу в 1917 году было тринадцать лет, и в соответствии со ст. 40—52 Основных законов до достижения им совершеннолетия (шестнадцати лет) в России вводился режим «правительства и опеки»: на-

значались Правитель, возглавлявший Совет Правительства (из шести членов), и Опекун. Функции Правителя и Опекуна могли осуществляться «как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно». Назначить их должен был Николай Александрович.

Следовательно, акт передачи власти великому князю Михаилу был беззаконным и никакого юридического статуса для него не создавал. Отречение Михаила 3 марта было уже юридически фиктивным, поскольку отрекаться ему было не от чего. Это означает, что нелегитимным, вне-законным являлось и Временное правительство. Известно, что «конституцией» Временного правительства был Акт 3 марта (Михаил: «Всем гражданам державы Российской подчиниться Временному правительству»). Ничего иного, что легитимизировало бы действия «временных», не существовало.

Правда, ряд правоведов кадетской ориентации полагали, что в юридическом плане Временное правительство получило власть от Временного комитета Государственной думы. Но, как отмечает отечественный исследователь Е. А. Скрипилев, возникает вопрос: «А кто же передал эту власть последнему? Комитет не мог «передать» или «уступить» власть, которой у него самого не было, согласно юридическому принципу «nemo plus juris ad alium transfere potest, quam ipse haberet», то есть «никто не может передать другому более прав, чем сам владеет»[1]. Соответственно, не имело юридической силы и провозглашение России республикой 1 сентября 1917 года.

К сожалению, и вся эпопея с подготовкой и выборами в Учредительное собрание с правовой точки зрения выглядит весьма сомнительной. «К сожалению» — потому, что это была стародавняя мечта русской интеллигенции, мечта, обильно политая кровью. Причем как участников освободительного движения, так и их противников. Не имея сейчас целью обсуждать эту проблему, скажу лишь, что мечта была оплачена сполна и далеко не всегда праведно. И это последнее обстоятельство каким-то, вероятно, образом связано с неправовым характером попытки реализации идеи Учредительного собрания...

Но для нашей темы далеко не безразлично то, каким образом в 1917 году русские люди понимали юридическую природу, юридическое происхождение Учредительного собрания.

Версия первая. Утверждалось, что Временный комитет Государственной думы включил в программу деятельности Временного правительства требование о созыве Учредительного собрания. Этой версии, как нетрудно догадаться, придерживались те правоведы и политики, которые легитимность Временного правительства усматривали в факте передачи ему власти Временным комитетом Государственной думы, и мне представляется весьма убедительным мнение профессора Е. А. Скрипилева, на которое я уже ссылался.

Но, рассматривая эту версию, я хотел бы обратить внимание на «поведение» одного из важнейших политических институтов России — Государственной думы. Ведь она вобрала в себя многих блистательных юристов того времени. И потому ее «поведение» есть весьма репрезентативное свидетельство о типе и уровне правопонимания, господствовавших в начале века в стране.

Итак, 27 февраля 1917 года на «частном совещании» тех депутатов Думы, которые оказались в этот момент в Таврическом дворце, избирается «Комитет государственной думы для водворения порядка в Петрограде и для сношений с учреждениями и лицами». Как заметил известный историк В. И. Старцев: «Ничто в его названии не указывало на желание Думы взять власть в свои руки»[2]. Затем, по мере нарастания революционной волны, этот комитет как-то сам по себе, безо всяких новых «легитимаций», превращается во Временный комитет Думы, который и делегирует идею Учредительного собрания правительству князя Львова.

В том же ключе Дума действует и дальше. В Манифесте отречения Николая II сказано: «в согласии с Государственной Думой признали мы за благо отречься от престола». И что же думцы, что же лучшие правоведы России? А ничего. Приняли с восторгом: «Наконец-то!» Желание власти, опьянение революционными событиями оказались сильнее верности праву. Но ведь никакого официального, законного согласия Дума на отречение не давала. Не было по этому поводу никаких заседаний, никаких решений. К тому же в Манифесте Николая не упоминался Государственный совет, что являлось очевидным нарушением ст. 86 Основных государственных законов. Без согласия Госсовета менять порядок наследования престола воспрещалось. Разумеется, думцам это было прекрасно известно.

И еще о «юридическом поведении» Думы. 3 марта 1917 года один из лучших правоведов России барон Б. Э. Нольде сумел внушить членам только что созданного Временного правительства совершенно фантастическую мысль. Поскольку-де Михаил в своем Манифесте отречения провозгласил всю «полноту власти» Временного правительства впредь до созыва Учредительного собрания, то это правительство обладает не одной лишь исполнительной, но и законодательной властью. И Временное правительство действительно стало принимать законы. При этом Думу никто не распускал до 6 октября 1917 года, когда она решением правительства прекратила свое существование. Объяснялось это открытием избирательной кампании по выборам в Учредительное собрание.

Очевидно, что Временное правительство не имело права на роспуск Думы. Но самое странное, что на протяжении семи месяцев «временные» полагали себя законодателями. И это при жизни настоящего парламента! Таков тип и уровень правопонимания прогрессивной, демократической России, заявлявшей о своем стремлении идти к правовому государству. А ведь именно представители этой России задавали тон и в Думе, и во Временном правительстве.

Версия вторая. Романовы получили власть от народа. Земский собор отождествлялся с Учредительным собранием. Оно установило в России наследственную монархию в «лице» династии Романовых. Николай передал власть Михаилу, а последний — Временному правительству, которое должно подготовить новое Учредительное собрание. И уже это собрание решит вопрос о форме власти в стране. До этого момента в России юридически существует монархия. Но вопрос-то в том, что Михаил Александрович, как уже неоднократно отмечалось, никому не мог передать власть — ибо сам ею никогда, включая 25 часов между 2 и 3 марта 1917 года, не обладал.

Таким образом, обе версии легитимности Учредительного собрания сомнительны. Правда, во второй версии заслуживает внимания идея о том, что монархия, установленная в России Земским собором, может быть отменена только институтом такого же уровня, то есть Учредительным собранием.

Вполне возможно, что то, о чем я говорю, звучит для человека конца XX столетия достаточно экстравагантно. «При чем здесь отречение, при чем какие-то там тонкости давно уже мертвых юридических форм? К чему подталкивает нас этот автор? К монархии? Но это же — плюсквамперфектум». Нет, не в одной монархии дело. А в том, что уже между Февралем и Октябрем были нарушены фундаментальные принципы права. Сошлюсь на Г. Кельзена, крупнейшего юриста нашего века: «Принцип, согласно которому норма правопорядка действительна до тех пор, пока ее действительность не будет прекращена предусмотренным правопорядком способом или заменена действительностью другой нормы этого правопорядка, — этот принцип есть принцип легитимности»[3]. Кстати, это же положение было закреплено в Конституции 23 апреля 1906 года: «Закон не может быть отменен иначе как только силою закона. Посему, доколе новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу» (ст. 94).

Итак, между Февралем и Октябрем, еще до большевиков, мы — шаг за шагом — разрушали легитимность российской власти. Ибо все, что совершалось у нас, не было связано, отменено и санкционировано действительностью другой нормы этого правопорядка. Мне возразят: да ведь сам Г. Кельзен «предусматривал» революцию, гибель старого правопорядка и зарождение в революционном пожаре нового, который обретает новую — революционную, в революции — легитимность.

Да, но не предусматривал последующего полного, тотального разрыва национальной правовой ткани. Не предусматривал аннигиляции права как такового. К тому же роковой Манифест 2 марта есть не просто отказ от одного из важнейших законоустановлений. Это — отвержение главного, фундаментального принципа, на котором зиждилось Российское государство с 1797 года, когда Павел I издал Акт о престолонаследии. Это — отказ от сердцевины Основных государственных законов 23 апреля 1906 года. Николай Александрович, к сожалению, первым преступил закон. И — все обвалилось.

Почему я говорю сегодня о 2—3 марта 1917 года? Дело, разумеется, не в установлении точки разрыва, а в факте осознания этого момента как начала движения в пустоту неправомерного бытия. Император и монархисты, либеральные и левые политические силы, практически все образованное общество продемонстрировали в 1917 году удручающе низкий тип и уровень правопонимания. Точнее: показали, что ради так или иначе понимаемой практической (политической) или другой выгоды они готовы мгновенно отказаться от права и закона. Приведу скорбные и жесткие, но справедливые слова крупнейшего русского юриста П. И. Новгородцева, сказанные им уже в эмиграции. В них дается оценка деятельности людей, культурно, социально, психологически, лично близких П. И. Новгородцеву. Людей, из которых состояло Временное правительство и которые занимали ключевые посты в системе управления страной с марта по ноябрь 1917 года.

«В той системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права, в сущности, упразднялась. Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которого впоследствии было найдено украшающее наименование «правотворчество снизу». В своем стремлении как можно менее походить на старую власть Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько узаконенная анархия»[4]. Запомним это определение: «узаконенная анархия». И далее: «Кн. Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью. Кн. Львов так же повинен в Керенском, как Керенский в Ленине. Если сравнивать этих трех деятелей революции, последовательно возглавлявших революционную власть, по характеру их отношения к злому началу гражданской войны и внутреннего распада, то это отношение можно представить в следующем виде. Система бесхитростного непротивления злу, примененная кн. Львовым в качестве системы управления государством, у Керенского обратилась в систему потворства злу, прикрытого фразами о «сказке революции» и о благе государства, а у Ленина в систему открытого служения злу, облеченную в форму беспощадной классовой борьбы и истребления всех, не угодных властвующим. У всех трех указанных лиц были свои утопические мечты, и со всеми ими история поступила одинаково: она обратила в ничто их мечты и сделала из них игралища слепой стихии. Прочнее всех овладел массами тот, кто более всего взывал к массовым инстинктам и страстям. В условиях общей анархии путь к власти и к деспотизму всего более открыт для наихудшей демагогии. Отсюда и вышло, что легализованная анархия кн. Львова и Керенского с естественной неизбежностью уступила место демагогическому деспотизму Ленина»[5].

Самое важное в этих мыслях П. И. Новгородцева — установление связи-цепочки, состоящей из Львова — Керенского — Ленина. Ленин как бы генетически вычитывается из «временных». Эта позиция П. И. Новгородцева очень и очень важна и точна. Безусловно, между Лениным и всем предшествовавшим ему — громадная пропасть, разрыв. Но в определенном контексте эта цепочка уместна. Я бы лишь прибавил к ней в качестве первого звена — Николая II. Конечно, соединение в одном ряду жертвы и убийцы может показаться кощунственным. Однако речь здесь идет лишь о правопонимании. Последний император как бы надрезал правовую ткань общества, Львов и Керенский, либерально-думские и социалистические политики резали уже вовсю, полагая, что во имя «более справедливого» демократического порядка позволено и дозволено многое. Ленин и пролез в эти прорези. А затем порвал еле-еле живую еще ткань права и выбросил ее прочь. Так, от очень несовершенного, но правового порядка, существовавшего до 2 марта 1917 года, Россия перешла к «узаконенной анархии» марта — ноября, а от нее к «внезаконному бесправию» или «беззаконному деспотизму» большевиков.

...Сейчас все более очевидным становится то, что мы не можем «обустроить» Россию на внеправовом фундаменте 1917—1993 годов. Конституция 12 декабря 1993 года дает нам правовое основание, вводит нас в переднюю (пока!) правового дома. Но, видимо, для

дальнейшего движения нам необходимо восстановление правовой ткани общества, что потребует обращения к тому, что складывалось веками. Как это сделать? Вот вопрос. Однако, не решив его, мы зависнем в пустоте.

Подчеркну: именно в пустоте. Ведь большевизм впервые в истории человечества отказался не только от фундаментальных для всей земной цивилизации принципов права, но и от столетиями ткавшегося полотна правопорядка своей собственной страны. Да, полотно это было тонко и непрочно, что и продемонстрировал XX век. Потому-то приводившемуся выше принципу Г. Кельзена я придаю такое значение, абсолютизирую его, в то время как сам австрийский юрист, напротив, считает его релятивным. Для нас, с нашим опытом правопонимания, этот принцип должен стать господствующим. «Где тонко, там и рвется». Значит, давайте ткать дальше — и одновременно, касаясь ткани, будем осторожнее.

И все-таки, как решить проблему возобновления правопорядка и обращения к тому, что мы имели? Как? А прежде всего внимательно посмотреть на то, что происходит сегодня у нас. Происходит же следующее: Россия — по сути дела интуитивно — ищет формы и рамки политико-правового бытия. Причем усвоеет себе формы и рамки, весьма схожие с теми, что были до 1917 года. Так, в Конституции 12 декабря 1993 года несложно обнаружить черты, характерные для политико-правового устройства нашей страны в период 1906—1917 годов. Сам же этот режим, в свою очередь, складывался в России, по крайней мере, начиная с реформ М. М. Сперанского. Да и та Конституция, которую в 1917 году Временное правительство готовило к Учредительному собранию, судя по сохранившимся документам, имела немало общего как со своей предшественницей, так и с ныне действующим Основным Законом.

Разумеется, это не случайные совпадения. Здесь «дышит почва и судьба», здесь культура пытается обрести ту конфигурацию и тот порядок, к которым стремилась на протяжении столетий. И эти мои слова не дань вновь модному у нас субстанциально-органицистическому подходу к истории. Это не возвращение к принципам предустановленности и «закрытости» исторического процесса. Нет, история есть то, что принципиально открыто. Но, как говорит американский социолог И. Валлерстайн: «Что изменилось? — Все. — Что изменилось? — Ничего!» Вот на этом диалектическом единстве я и строю свое понимание.

Россия кардинально, сущностно изменилась. Россия кардинально, сущностно не изменилась. Отсюда возрождение интереса к земству, казачеству, иным характерным для нее формам социального, политического, правового бытования*. Поэтому я предлагаю осмысленно обратить свое внимание на то, что у нас было до полного отказа от права.

Конечно, режим 1906—1917 годов не может быть признан абсолютной историко-правовой константой России. Он, безусловно, не может быть экстраполирован на ситуацию конца XX столетия. Поэтому обращаться следует не к тем или иным конкретным положениям основных законов, а к принципам и духу правомерного развития России. Они по-своему были зафиксированы в этих законах и в других правовых институтах того времени. То есть фиксировалось как то, чем следует воспользоваться, так и то, от чего мы, видимо, должны отказаться. Это — проблема соотношения откристаллизовывавшегося веками и имевшего правомерный характер и того, что носило характер временный, «транзитный» или явно устаревший («пережиток»).

Конституция 23 апреля 1906 года представляла собой документ, исторически, политически и юридически необходимый именно в то время. Она, как и любой другой документ подобного типа, не была и принципиально не могла быть полным, законченным выражением или начертанием некоего идеального русского правопорядка, годного на все времена. Во-первых, такового правопорядка в природе не существует. Процитирую С. А. Муромцева: «Вся совокупность прав, существующих в данное время в данном обществе, образует правовой порядок (право в собирательном смысле)»[6]. Итак — в **данное** время, в **данном** обществе. Далее. С. А. Муромцев видел в правопорядке два основных его среза. Это — правовые институты, определяющие характер данного правопорядка, и более или менее разрозненные и немногочисленные «отношения», еще не сложившиеся в институты и представляющие собой зарождающиеся части правопорядка. С. А. Муромцев ко второму срезу относил помимо зарождающегося и вырождающееся. То есть такие «отношения», которые суть продукты распада устаревших правовых институтов.

Следовательно, мы стоим перед проблемой: **как** отделить нужное нам от ненужного. **Как** в исторически преходящем обнаружить дух, принципы и институты высшей и национальной правомерности.

Во-вторых, — и это вновь о Конституции 1906 года, — она была юридическим выражением политического компромисса двух основных сил российского общества начала XX столетия. Об этом, на мой взгляд, очень точно, уже в эмиграции, писал В. А. Маклаков: «В России были... две силы. Была историческая власть с большим запасом знаний и опыта, но которая уже не могла править одна. Было общество, много правильно понимавшее, полное хороших намерений, но не умевшее управлять ничем, даже собой. Спасение России было в примирении и союзе этих двух сил, и в совместной и согласованной работе. Конституция 1906 года — и в этом ее основная идея — не только давала возможность такой работы, но и делала ее обязательной. Идти вперед, менять можно было только при обоюдном согласии. Соглашение между двумя политическими силами было необходимым условием государственной жизни»[7].

Однако несмотря на все эти «но», несмотря на иную социальную действительность, другой опоры, другого фундамента для строительства нормального, разумного политико-правового дома у нас, как мне кажется, нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Скрипилев Е. А. Всероссийское Учредительное Собрание. М., 1982. С. 108.
2. 27 февраля 1917. М., 1984. С. 156.
3. Кельзен Г. Чистое учение о праве. М., 1988. Т. 2. С. 87.
4. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. М., 1991. С. 562.
5. Там же. С. 564.
6. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 148.
7. Цит. по: Леонтович В. В. История либерализма в России: 1762—1914. Париж, 1980. С. 465.

* Я не закрываю глаза на спекулятивно-стилизаторские стороны этого интереса. Но это тема для другой статьи.

БОРИС СОПЕЛЬНЯК

13 ДНЕЙ В ПОДВАЛАХ ЛУБЯНКИ

ВПЕРВЫЕ ПУБЛИКУЮТСЯ ДОКУМЕНТЫ О ДЕЛЕ К. ЦИОЛКОВСКОГО, ОБНАРУЖЕННЫЕ В АРХИВАХ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ КОНТРРАЗВЕДКИ

«Земля мала, земля тесна, земля засорена — вперед к другим планетам! Жизнь вечна, смерти нет, есть лишь мыслящий атом, который всегда был и всегда будет! Мозг и душа бессмертны! Высочайшая радость в жизни есть радость любви! Причина всех бед — скудость мира и наших идей. Если бы были отысканы гении, то самые ужасные несчастья и горести, которые кажутся сейчас неизбежными, были бы устранены! Нет ничего выше сильной и разумной воли! Каждое существо должно жить и думать так, как будто оно всего может добиться рано или поздно! Космос переполнен жизнью, даже высшею, чем человеческая!»

К. Циолковский

Слухов об этой истории немало, да и сам Константин Эдуардович упоминал о своем пребывании в Чрезвычайке, но очень кратко и, я бы сказал, туманно. И вот, семьдесят пять лет спустя, дело № 1096 по обвинению Циолковского Константина Эдуардовича в моих руках. Никто, я подчеркиваю — никто, кроме одного сотрудника ФСК, никогда его не видел. Поражает прекрасная бумага, на которой велись протоколы. Почерк красивый, каллиграфический! И чернила были замечательные — сколько лет прошло, а письмо сохранилось блестяще. Чтобы передать дух того времени, я в основном сохраняю орфографию и стиль письма протоколов, показаний, донесений и других документов, имеющихся в папке.

Начато дело Циолковского 20 ноября 1919 года и открывается весьма странным и, я бы сказал, загадочным документом: *«Точные пополнения к докладу сотрудников Особого отдела 12-й армии т. Кошелева и т. Кучеренко».* Надо отметить, что Кошелев и Кучеренко не просто сотрудники Особого отдела, они — разведчики, засланные в стан врага. Им удалось так глубоко внедриться в деникинские ряды, что они стали сотрудниками разведки белых. Рассказав о том, что они видели и с кем общались, Кучеренко далее пишет:

«В г. Киеве мне и Петрову было сказано начальником разведки князем Галицыным-Рарюковым, чтобы не ходить и не собирать сведения по фронтам и не подвергать себя опасности, а обратиться по адресу: г. Калуга, ул. Коровинская 61, спросить Циолковского. Пароль «Федоров — Киев». Циолковский среднего роста, шатен, в очках, большая борода лопаткой.

В Калуге должен быть штаб повстанческих отрядов спасения России. Циолковский должен сказать адреса пунктов, находящихся в Москве, где и должны давать полные и точные сведения о положении дел на фронте и в красных войсковых частях».

...Князь бережет своих агентов, не хочет подвергать их опасности и считает, что они куда больше узнают от Циолковского. В Москву сведения доставлены из надежного источника и надежными людьми, адрес и пароль названы начальником разведки Добровольческой армии. Что должны делать в этой ситуации сотрудники МЧК? По законам военного времени Циолковского надо немедленно арестовать или установить наблюдение и организовать засаду. Но чекисты знали, кто такой Циолковский. Знали они и о диверсии на Альхорнском аэродроме*, знали о том, что, несмотря на поражение, Германия пытается возродить дирижаблестроение, и в этой ситуации Циолковский для немцев находка. И самое главное, чекистам было известно о контактах военного министра в правительстве Петлюры немецкого офицера фон Стайбле с Галицыным-Рарюковым. Чуть позже выяснилось, что имя Циолковского оказалось в записной книжке князя.

Как оно туда попало? Знакомы они не были, это точно. И воздухоплаванием князь не интересовался. Значит, кто-то это имя ему назвал. Кто? Циолковский — резидент? Едва ли. Руководитель повстанческих отрядов? Сомнительно. Хотя... не раз выступал против гражданской войны, категорический противник смертной казни. Вожди учат, что революции без крови не бывает, а он призывает прекратить кровопролитие. Но раз он против крови — значит, против революции — это аксиома! В 1918-м был членом Социалистической академии общественных наук, но после присланного туда проекта идеального общественного строя его же коллеги поспешили от идеалиста избавиться, уведомив его об этом и прекратив выплату жалованья.

Так что старик не простой, дно там может быть и двойное, и тройное. И МЧК принимает решение произвести проверку Циолковского, причем настолько жесткую, провокационную, что только чудом можно объяснить, как он не был расстрелян и остался жив. К проверке методом подставки были подключены разведчик Молоков и комиссар Поль: Молоков должен изображать деникинского офицера, а Поль в нужный момент арестовать Циолковского.

Отчет Молокова, длинный и путаный, в деле сохранился полностью. Написан он довольно безграмотно, поэтому вместо «я сказал», «он сказал» я переведу его в форму диалога.

Итак, донесение разведчика Молокова.

«14 ноября вместе с т. Полем я выехал в Калугу. 16 ноября отправился по указанному мне адресу на Коровинскую, 61... Стучусь. Отворяет молодая женщина, завернувшаяся в плед.

— Здесь живет Циолковский? — спросил я.

— Да, здесь.

— Можно его видеть?

— Пожалуйста, проходите. Я сейчас скажу.

Иду за ней по коридору. Входим в помещение. Небольшая комната, справа лестница наверх.

— Как о вас сказать Циолковскому?

— Скажите, что я Образцов.

Поднявшись на самый верх, женщина говорит:

— Папа, вас хочет видеть господин Образцов.

— Сейчас, — слышится голос старика. — Я не одет. Да зови его сюда.

Поднимаюсь наверх. Навстречу выходит мужчина среднего роста, несколько сгорбившись. Темные волосы с большой проседью в голове и борода лопаткой. Правда, без очков, но с чуть заметными следами от них на носу. Он на ходу подвязывает веревкой старое пальто, которое надел поверх теплого нижнего белья. Рекомендуюсь:

— Я Образцов, — и добавляю данный мне пароль. — «Федоров — Киев».

— Я плохо слышу. Сейчас возьму трубку.

Берет слуховую трубку и вставляет в левое ухо. Я ему говорю:

— «Федоров — Киев».

— Как? — удивленно восклицает он. — Вы Федоров?

— Нет, я Образцов и прибыл из Киева.

— А, так вы, значит, знаете Федорова. Рад вас видеть, садитесь, — похлопал он меня по плечу. — У меня холодно. Но я сейчас затоплю печку, потеплеет, и тогда мы поговорим.

Пока он растапливает чугунку, я осматриваю комнату. Она небольшая, в два окна на реку, по стенам жестяные модели дирижаблей в разрезе, на столах и полках книги, брошюры, рукописи, на одном из столов электрическая машина, а рядом с ней станок для работ по жести. Затопив печку, Циолковский усаживается поближе, берет слуховую трубку и начинает говорить:

— Итак, вы знаете Федорова и интересуетесь воздухоплаванием. С удовольствием поговорю с вами и сообщу все, что вас интересует.

— Благодарю вас. Я, конечно, интересуюсь воздухоплаванием как делом, имеющим большое будущее в жизни человечества, но в данное время у меня другая миссия, которую я должен выполнить прежде всего. Я послан из Киева начальником разведывательного пункта князем Галицыным-Рарюковым с тем, чтобы получить нужные сведения о Восточном фронте, о тех намерениях и задачах, которые думают предпринять на нем большевики. От вас я должен получить указания, к кому я могу обратиться в Москве, чтобы добыть нужные мне сведения.

— Я вас не совсем понимаю. Я ученый, интересуюсь наукой, в частности воздухоплаванием, политических же сведений дать вам не могу, ибо стою далеко от политики. Видите, об этом же говорит и вся окружающая обстановка. А связи с Москвой у меня если и были, то чисто делового, научного характера — главным образом по изобретению дирижабля. Если хотите, покажу переписку, которую я вел.

— Спасибо. Но мне нужны адреса лиц, которые стоят близко к интересующему меня вопросу, ибо

* Еще в 1887 г. Циолковский представил расчеты металлического транспортного дирижабля. Вскоре этот проект поступил в Седьмой воздухоплавательный отдел Русского технического общества. Его председатель Е. С. Федоров отметил, что «расчеты г. Циолковского произведены вполне правильно и весьма добросовестно... но подобные аэростаты вряд ли могут иметь какое-либо практическое значение, хотя и очень много обещают с первого взгляда; ходатайство о субсидии на постройку модели отклонить». Но работа Циолковского была опубликована, и в 1909 г. в Германии ему выдали первый патент на изобретение. Именно в это время известный немецкий конструктор граф Цеппелин разрабатывал конструкцию своего дирижабля с металлическим каркасом. Расчеты Циолковского были неоценимым подспорьем в этой кропотливой работе.

К началу первой мировой войны Германия имела одиннадцать «Цеппелинов», каждый из которых мог поднимать не менее десяти тонн. Вооруженные артиллерийскими орудиями, пулеметами и бомбами, поднимающиеся на недосягаемую для самолетов высоту, они представляли грозную военную силу. За годы войны немцы построили еще восемьдесят девять «Цеппелинов». Нетрудно представить, сколько неприятностей причинила Антанте эта воздушная армада.

В январе 1918 года англичанам стало известно, что немцы подготовили операцию по прорыву британской морской блокады. Ключевую роль в этой операции должны были сыграть «Цеппелины». И тогда англичане первыми нанесли удар: они заслали диверсионную группу, которая должна была поджечь ангары. Ранним утром 5 января загорелся ангар № 1, а через минуту начались взрывы в четырех других. Гигантское пламя охватило весь аэродром, ведь в ангарах были и емкости с водородом, которым наполнялись дирижабли. Так был нанесен невосполнимый удар, причем не только материальный, но и моральный, по немецкому дирижаблестроению.

Впрямую имена Циолковского и Цеппелина никто никогда не связывал, но все помнили, что первое изобретение Константина Эдуардовича признала и запатентовала Германия.

это очень важно для нашего дела в борьбе с большевиками.

— Я очень сожалею, что не могу помочь вам, но повторяю, что если и имел сношения с Москвой, то сугубо научного характера. Я удивляюсь, как вас могли послать ко мне.

— Я сам поражен и глубоко возмущен, что меня послали сюда. Перед отправкой я пошел к князю и в приемной встретил Федорова, который сказал мне, что для вас есть большой важности дело и дал пароль.

— Неужели все это устроил Федоров? Я всегда думал, что он легкомысленный человек. Помимо переписки по поводу моего дирижабля, я с ним ничего не имел. И лично его никогда не видел. Насколько мне известно, во время войны он был офицером-летчиком. После взятия Киева большевиками он мне писал, что очень недоволен порядками, которые установили большевики. Как хоть он живет?

— Хорошо. Мы там не голодаем и не холодаем, недостатка ни в чем не испытываем. Не то, что здесь...

— Да, это проблема. Теоретически я согласен с социалистическими идеалами, но на практике с большевиками расхожусь и в данное время не имею ничего против монархии — лишь бы миновали ужасы голодной и холодной жизни. Я ведь был членом Социалистической академии, но теперь вышел. Мне даже предлагали переехать в Москву, но я отказался. Проводимые аресты, конечно же, возмутительны. А жизнь в Республике не налаживается потому, что всем управляет молодежь. не имеющая ни опыта, ни знаний.

Вскоре подали чай. Пошел разговор о ситуации на фронте, о помощи, оказываемой белогвардейцам англичанами, о дирижабле, грузоподъемностью в 600 человек, который он предложил построить Советскому правительству, причем в сугубо мирных целях.

Когда я собрался уходить, он проводил меня до двери и, похлопав по плечу, пожелал успехов и тихо добавил:

— Мы ведь считаем вас своими спасителями.

На следующий день я снова зашел к Циолковскому. Поднявшись наверх, я сказал:

— Боюсь, что вчера вы мне не совсем доверяли. Я решил зайти снова и показать документ, удостоверяющий, что я являюсь агентом разведывательного пункта Добровольческой армии. Вчера он был спрятан в сапоге под стелькой, а теперь я его достал.

— Нет-нет, я вам верю. Я вчера и с дочерьми разговаривал, и мы пришли к заключению, что вы действительно оттуда. Ведь это заметно.

Но документ он прочитал и еще раз пожалел, что ничем не может помочь. В это время снизу раздался голос жены Циолковского:

— Константин, еще гости.

Оказывается, явился тов. Поль с уполномоченными от местной ГубЧК.

— Вы Циолковский? — спросили они.

— Да, я.

Тут тов. Поль заметил меня, и я дал знак, чтобы он поднялся наверх. Когда он поднялся, я сказал, чтобы меня тоже арестовали.

— А кто вы такой? — громко спросил тов. Поль.

— Я из Москвы, фамилия моя Молоков, — протянул я паспорт.

— Вы это подтверждаете? — обратился тов. Поль к Циолковскому.

— Я вижу его в первый раз, а прибыл он по поручению Федорова.

Потом нас отвели в ГубЧК. Через некоторое время, якобы для выяснения моей личности, меня отвели в другую комнату и освободили.

На этом отчет провокатора заканчивается. Сделав свое дело, он двинулся по служебной лестнице дальше.

А в доме Циолковского полным ходом шел обыск. В дело подшит ордер № 109, на основании которого перетряхнули весь дом. Весьма любопытен текст этого документа: «Поручается товарищу Рыбакову произвести обыск, ревизию, выемку документов и книг. В зависимости от обыска задержать гр. Циолковского и реквизировать или конфисковать его товары и оружие».

Задержали, а вернее, арестовали Константина Эдуардовича еще до обыска. Слава Богу, дома были жена и дети, а то ведь ничего не стоило подбросить револьвер и пару гранат, а потом «пришить» Циолковскому обвинение в организации террористической группы. Но дочь Люба была опытна в такого рода делах, недаром еще в царское время сидела в «Крестах», так что провокации она бы не допустила.

19 ноября Константин Эдуардович уже был на Лубянке. Регистрационный листок Особого отдела МЧК составлен именно в этот день. Кроме фамилии, образования, национальности, происхождения (кстати, из дворян) зачем-то внесены приметы Циолковского: роста среднего, походка качающаяся, нос длинный, глаза серые, волосы седые, голос глухой.

Сидел он в общей камере, так что насмотрелся всякого: отсюда уводили на допросы и расстрелы, здесь выясняли отношения и умирали, просили передать последнее «прости» и отнимали тюремную пайку. Как старый, больной человек это выдержал, не свихнулся, не отдал Богу душу?!

И вот, наконец, первый допрос. Состоялся он 29 ноября и проводил его следователь Ачкасов. На этот раз среди многочисленных анкетных данных появилась новая графа: политические убеждения. Десять дней в общей камере не прошли для Циолковского даром: он не стал изображать из себя пацифиста, толстовца, противника кровопролития...

— Сторонник Советской республики.

Следователь решил усыпить бдительность шестидесятидвухлетнего ученого и дал ему возможность поговорить на любимую тему — о воздухоплавании и дирижаблестроении. И вдруг резко без переходов:

— Почему именно к вам зашел деникинский офицер?

— Почему? Я не знаю, почему. Видимо, потому, что я состоял в переписке с Федоровым, а они были знакомы. Ко мне пришел молодой человек, назвавшийся Образцовым. Я поверил, что он деникинский офицер и дал понять, что он ставит меня в весьма затруднительное положение. «Вы рискуете головой, да и я рискую, если не донесу на вас», — сказал я. Но он и после этого не ушел. Тогда-то я и усомнился, что он деникинец, а всего лишь играет роль деникинца, и потому ни в чем ему не противоречил. Когда он все же ушел, я все продумал, посоветовался с семейством, и мы решили отложить донесение в следственную комиссию до следующего дня, так как видели в нем провокатора.

Вряд ли Константин Эдуардович унизился бы до доноса — не то воспитание. Скорее всего, кто-то из сокамерников наставил старика, как отвечать следствию. И еще деталь: уж если идти с доносом, то с утра, а в рапорте Молокова сказано, что второй раз он явился к Циолковскому в середине дня — значит, бежать в следственную комиссию никто не собирался.

— На другой день Образцов явился снова, — говорил далее Константин Эдуардович, — и продолжал настаивать на том, чтобы я указал лиц, которые дали бы сведения о Восточном фронте — тут я окончательно убедился, что он играет роль деникинца. Потом явился комиссар Поль и предъявил ордер на право обыска и ареста... После всех произнесенных мною показаний больше показать ничего не имею и виновным себя в чем-либо по отношеиию каких-либо антисоветских действий не признаю, в чем и расписываюсь.

Подпись Циолковского заверил следователь Ачкасов. Константин Эдуардович написал свою фамилию через «а» — Циалковский. В деле есть еще один протокол допроса — показания чекистского разведчика И. С. Евсеева-Петрова, но ничего нового они не добавляют.

И вот, наконец, итоговый документ. Приведу его почти без сокращений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Следователя Ачкасова по делу № 1096

...Несмотря на все доводы Кучеренко и Евсеева-Петрова, что через некоего Федорова они узнали в Киеве в стане неприятеля, что Циолковский знает все пункты организации Союза возрождения России, я делаю вывод, что белые не знали Циолковского.

Когда Циолковский стал догадываться, что Образцов является подставкой и только играет роль деникинца, он ему ни в чем не противоречил... В невыяснении о принадлежности Циолковского и неполучении сведений сделал оплошность т. Обрвзцов, он же Кучеренко, который погорячился, открывая себя деникинским агентом, узнавая сразу же справки у Циолковского, который, переживший многое, и как практик в жизни сразу же догадался о посещении его Образцовым и тем самым скрыл свою принадлежность к организвции СВР и места нахождения таковых. А поэтому, ввиду полной недоказанности виновности Циолковского, но твердо в душе скрывающего организацию СВР и подобные организации, предлагаю выслать гр-на Циолковского К. Э. в концентрационный лагерь сроком на 1 год без привлечения к принудительным работам ввиду его старости и слабого здоровья.

Декабря 1 дня 1919 г.

Перечитайте этот документ, насколько он страшен. Провокация не удалась, но как не хочется упускать из рук добычу! И следователь придумал иезуитский ход: раз нельзя расстрелять, то можно сгноить.

Судьба Константина Эдуардовича была предрешена. Но... служили в ЧК и люди, думающие по-другому. Одним из них был начальник Особого отдела МЧК Ефим Георгиевич Евдокимов. Не знаю, как он поступил с Ачкасовым, но «заключение» следователя перечеркнул размашистой резолюцией, написанной красными чернилами: ***«Освободить и дело прекратить. Е. Евдокимов. 1. 12. 19».***

И — все! Циолковский оказался на свободе. Но в тот же день произошел любопытный казус: Константин Эдуардович не смог сесть на поезд, растерялся и, не зная, где переночевать, не придумал ничего лучшего, как вернуться в тюрьму и попросить ночлега там. И что вы думаете? В нарушение всех правил его пустили в камеру, а утром отправили в Калугу.

...Недавно я побывал в Калуге и встретился с правнучкой Константина Эдуардовича Е. А. Тимошенковой. Она работает в Доме-музее прадеда и бережно хранит все семейные реликвии. Вместе с ней я поднимался в «светелку» — ту самую комнату, где его арестовали; сидел в его кресле, держал в руках слуховые трубки, прикасался к рукояткам станков, на которых работал великий старец.

Позже в одном из писем он писал: «Заведующий Чрезвычайкой очень мне понравился, потому что отнесся ко мне без предубеждения и внимательно». Некоторые исследователи решили, что заведующий Чрезвычайкой — это сам Дзержинский. Нет, с Дзержинским Константин Эдуардович не встречался — это точно, иначе в деле № 1096 непременно была бы его резолюция или виза. А вот Е. Г. Евдокимов оказался самым настоящим ангелом-хранителем и спасителем Циолковского. К сожалению, судьба самого Ефима Георгиевича не столь благополучна: будучи кавалером ордена Ленина и пяти орденов Красного Знамени, в 1940 году он был репрессирован и лишь в 1956-м посмертно реабилитирован.По рассказам правнучки, пребывание на Лубянке Циолковского потрясло, во всяком случае, когда он добрался до дома и постучал в дверь, жена его не узнала. Но что поразительно, он не затаил обиды ни на чекистов, ни на виновника его злоключения А. Я. Федорова. Больше того, после освобождения Киева от белых Константин Эдуардович возобновил с ним переписку и всерьез обсуждал вопрос о переезде на постоянное место жительства в Киев. Еле-еле уговорили его калужане не покидать город.

Мы очень мало знаем Циолковского, а если и знаем, то лишь как человека, указавшего дорогу в космос. А почитайте его «Очерки о Вселенной», «Горе и гений», «Причину Космоса», «Ум и страсти», «Монизм Вселенной», и вы откроете для себя целый мир, найдете ответы на многие волнующие вопросы...

ВИКТОР БОНДАРЕВ

РЫНОК: СОТВОРЕНИЕ МИФА

МИФОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНАЯ — СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ XIX—XX ВЕКОВ, ОСОБЫЙ ТИП ДУХОВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОЗДАНИЮ И РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ.

XX век — это время рождения и быстрого распространения политических мифов. В современной России одним из наиболее важных, существенных по своему влиянию на жизнь общества в последние годы стал миф о «рынке». В годы перестройки это понятие стало лозунгом, идеей, которая овладела «демократическими массами» и повела их на борьбу с существовавшим режимом. Из термина экономической науки «рынок» превратился в фундаментальную категорию, ставшую в один ряд с такими общечеловеческими ценностями, как свобода и демократия. «Рынок всегда прав» (Н. Шмелев), «Рыночный механизм управления экономикой — достояние общемировой цивилизации» (В. Найшуль), «Человечеству не удалось создать ничего более эффективного, чем рыночная экономика» (Г. Явлинский) — вот типичные мифологемы.

Ничего не возникает из ничего, и этот миф родился не на пустом месте. Десятки лет, а особенно интенсивно с начала шестидесятых годов, в СССР шли экономические дискуссии, одной из основных тем которых было использование в народном хозяйстве товарно-денежных отношений. Были и специалисты, которых называли «рыночниками», то есть сторонниками создания и внедрения в хозяйственную практику рыночных механизмов. В годы перестройки агитация за развитие товарно-денежных отношений превратилась в неотъемлемую часть официальной идеологии. Пресса и эфир были буквально забиты выступлениями многочисленных специалистов и энтузиастов широкого применения в **социалистической** экономике методов, предполагающих учет спроса и предложения, денежных стимулов к труду, развитие хозяйственной самостоятельности производственных предприятий. Казалось бы, очень трудно определить тот конкретный момент, когда количество перешло в качество и «рынок» из профессионального термина стал превращаться в ключевое звено идеологической борьбы, в миф, которому поверили миллионы. И тем не менее можно вполне определенно сказать, что качественное изменение характера и содержания идейной борьбы вокруг экономики началось с появления в майском за 1987 год номере журнала «Новый мир» статьи «Где пышнее пироги». Точнее, это была даже не статья, а «письмо в редакцию», подписанное «Л. Попкова» (впоследствии оказалось, что автором ее была экономист Лариса Пияшева). А окончание создания рыночного мифа можно датировать летом 1990 года, когда политические страсти разгорелись вокруг программы «500 дней», основным автором которой был другой экономист — Григорий Явлинский.

Весьма показательно, что свою заметку Пияшева подписала псевдонимом. Скорее всего потому, что понимала, какую идеологическую «диверсию» она совершила против существующей системы. Впервые в открытой печати, в самом авторитетном журнале того времени было заявлено о безусловных преимуществах рыночной экономики перед плановой. Мало того, в заметке доказывалась несовместимость рынка и социализма.

Так был создан прецедент, нарушивший одно из важнейших табу партийно-советской власти. Очевидная логика письма означала не что иное, как слегка замаскированный призыв к уничтожению существовавшего строя: если рынок несравненно эффективнее плана и если они не могут существовать одновременно, то из этого можно сделать только один вывод — существующая экономика не только несостоятельна, но даже не поддается реформированию. Следовательно, все нужно разрушить до основания. Иначе как призыв к революции заметку оценить трудно. По существу, это был «Капиталистический манифест». Правда, сама автор столь радикальных выводов не делала, но партийные службы «верно» оценили содержание публикации и выступили резко против нее. Правда, времена были уже другие...

Публикация Пияшевой была непосредственно связана с предшествующими экономическими баталиями теоретиков и публицистов. По сути, это был диалог с другим известным «рыночником» — А. Стреляным, за год до этого опубликовавшим в журнале «Знамя» статью «Приход и расход», которая в свою очередь была послесловием к книге еще более известного сторонника товарно-денежных отношений — Г. Лисичкина. Пияшева, несомненно, подхватила эстафету от предшественников, но в отличие от них она призывала не совершенствовать **социалистическую** экономику, а отказаться от нее вовсе. Рубикон был перейден.

В дальнейшем в сотворении рыночного мифа участвовали многие публицисты, экономисты, политики. Народ прислушивался к тем, кто ярче и доходчивее объяснял «что делать». Популярные экономисты превратились в звезд экрана, их словам внимали с энтузиазмом, особенно если они жестко критиковали власть имущих. Пожалуй, наиболее громко и доходчиво для общественности звучали голоса профессора-экономиста, писателя Н. Шмелева и журналиста В. Селюнина.

Наиболее известная статья Шмелева «Авансы и долги» также появилась в «Новом мире» буквально вслед за «пирогами» Пияшевой, хотя с исторической и логической точек зрения должна была предшествовать ей, поскольку у Шмелева еще налицо продолжение прежней традиции. Это была апология рыночного социализма: автор не отрицал социализм, а хотел его радикально изменить. Шмелев подчеркивал необходимость сохранения государственного регулирования, но требовал полного отказа от администрирования в экономике. Кратко его девиз можно сформулировать так: «Назад, к ленинскому нэпу». Однако жесткость критики основных хозяйственных институтов, всей экономической системы явно ставила под сомнение существовавшую социальную систему. По-своему более терпимое отношение профессора к социализму с политической точки зрения было более выигрышно: оно открывало дорогу тотальному ревизионизму, пересмотру всего, сохраняя при этом некоторую видимость лояльности к власти и ее догмам. Для периода перестройки такой оппортунизм был просто находкой: радикальная критика отпугивала государственных реформаторов, а критика в рамках догмы позволяла делать шаг за шагом в сторону от социализма.

Если Пияшева написала крохотный «Капиталистический манифест», то сочинение Шмелева солидностью аргументов и детальностью анализа могло претендовать уже на «Капитал». Оно содержало и анализ существующего положения, и, что самое главное, предложения на тему «что делать». По существу, набор рекомендаций профессора еще несколько лет оставался в ходу у самых разных представителей власти и оппозиции. Следует отдать должное профессору-литератору, который все эти годы оставался практически на одних и тех же позициях. Подобное постоянство было редкостью. Логика политической борьбы и развития мифа требовала радикальных изменений исходных позиций. Наиболее типичным в 80-е годы было движение от Ленина к Фридмену, от идей рыночного социализма к «чистому рынку» без вмешательства государства. Начав с агитации за полный хозрасчет, самоокупаемость и самофинансирование, известные публицисты, журналисты и экономисты достаточно быстро приходили к утверждению того, о чем первой сказала Пияшева: план и рынок несовместимы, рынок как саморегулирующаяся система наилучшим образом разрешит все наши проблемы. В этом отношении типична эволюция взглядов В. Селюнина, добившегося популярности выступлениями за полный хозрасчет, а потом превратившегося в заядлого «монетариста». Любопытно также, как менялось с точки зрения формы содержание его статей: если поначалу он выступал как журналист, оперировал в основном примерами и не претендовал на теоретические обобщения, то через несколько лет (конкуренция со стороны экономистов-теоретиков слабая) сам стал писать уже теоретические трактаты.

Вряд ли можно назвать Пияшеву и Шмелева людьми некомпетентными. Доктора экономических наук, авторы монографий, они, безусловно, люди незаурядные и талантливые. Однако эти ученые по своей специализации были достаточно далеки от проблем собственно советской экономики. Пияшева занималась исследованием «государственно-монополистического регулирования занятости на современном этапе общего кризиса капитализма» (кандидатская диссертация), отстаивала экономические идеи либерализма и неоконсерватизма сугубо на западном материале (докторская диссертация). Что касается Шмелева, то и его трудно считать профессионалом в той области, в которой он выступал в перестроечные годы. Основная тематика его научных трудов и брошюр, которые он писал для общества «Знание», — экономика развивающихся стран, международное экономическое сотрудничество и т.п. Больше, пожалуй, он известен как писатель. (В тридцатые годы был популярен анекдот: «Пришел человек наниматься на работу и на вопрос о происхождении ответил: «Сын колхозницы и двух рабочих». Как известно, рабочее происхождение считалось более подходящим в государстве рабочих и крестьян, ну а уж если к нему руку приложили двое рабочих, то это, как посчитал персонаж, еще лучше.) Можно сказать, что родителями рыночного мифа являются два литератора и одна экономистка. Конечно, в борьбе за торжество рыночной идеи принимали участие многие, но перечисленные выше явно сделали больше других. По сути, миф создали профессионалы-журналисты и экономисты-любители.

К концу 1989 года у демократической интеллигенции детального представления, программы перехода к рынку не было. Как потом признался один из лидеров — Г. Попов, демократы собирались еще долго пребывать в оппозиции, а потому и не занимались разработкой программ. Они предлагали прежде всего отменить директивное планирование, ликвидировать министерства, реформировать систему ценообразования, сделав большинство цен свободными, создать акционерные общества или передать предприятия в аренду трудовым коллективам. Популярна была также идея возврата к «червонцу» — твердой валюте нэповского периода. В общем, подход был довольно простой: надо броситься в воду, и тогда всем придется научиться плавать. Для того чтобы не «утонуть», предлагалось создать резервы, резко сократить военные расходы, продать все, что могут купить трудящиеся и «кооператоры»: квартиры, землю под садовые участки и гаражи, предприятия сферы обслуживания. Особо популярна была идея Шмелева: любой ценой стабилизировать спрос и предложение, продав золотой запас, и, взяв кредиты на Западе, наполнить магазины товарами. Однако, как впоследствии оказалось, потенциальные доходы так и не появились: сокращение оборонного производства потребовало значительных средств, золотой запас иссяк, продажа государственной собственности почти ничего не дала — землю и квартиры пришлось раздать бесплатно, впрочем, практически задаром ушли и магазины, и все остальное...

Что же говорило в то время правительство и работавшая на него официальная наука? Дискуссий и деклараций было немало. Первая модель хозрасчета, вторая модель, третья модель, четвертая... Много шума было вокруг кооперации, благо, помогли цитаты из Ленина, который, сходя в могилу, ее благословил. Затем был бум с арендой, малыми предприятиями, совместными... После того как был принят закон о госпредприятии, превративший государственную собственность в ничейную, и экономика начала стремительно разваливаться, ученые и чиновники стали сочинять различного рода нормативы. Затем дело дошло и до законов о предпринимательстве, налогообложении, но экономика разрушалась на глазах.

А любимой темой теоретиков стал поиск пути создания конвертируемой валюты или каких-то особых, настоящих денег. Даже международный конкурс провели, а проку не было. Профессионалы изобретали различного рода экономические «рычаги» и «механизмы». Сейчас, задним числом перечитывая дискуссии тех лет, можно только поражаться, насколько далеки от возникающих реальных проблем были изыскания специалистов. Правда, они тоже читали журналы и газеты... В результате возник даже особый прием, посредством которого точка зрения профессионалов сочеталась с общественным мнением (его можно назвать определением «среднего арифметического»): советники правительства брали отдельные предложения радикальных рыночников, соединяли с традиционными, привычными методами управления социалистической экономики и объявляли свой вариант «умеренно-радикальным». Получалось нечто эклектическое, явно непригодное к применению.

К весне 1990 года и «перестроечное» руководство наконец смирилось с неизбежностью перехода от плановой экономики к рыночной. В мае 1990 года правительство Н. Рыжкова, где главным реформатором был академик Л. Абалкин, вышло с «концепцией перехода к регулируемой рыночной экономике». Тогдашний премьер заявил: «Наш выбор сделан: нужно двигаться к рынку». И сейчас немало людей считают, что та концепция Абалкина давала шанс на более плавное вхождение в реформирование всего народного хозяйства. Строительство регулируемого рынка предлагалось провести в несколько этапов, чтобы в 1993—1995 годах уже перейти к интенсивному развитию рыночных отношений.

А может, и впрямь правы были Рыжков и Абалкин? Ведь программу критиковали за постепенность, демократы же обещали сделать все гораздо быстрее, и мы сейчас видим, что все было куда сложнее. Может, и вправду нужно было поспешать не торопясь?

И чтение концепции, и те меры, которые в ней предлагались, и особенно то, что правительство делало, убеждают в том, что правительственный курс был совершенно бесперспективным. С одной стороны, выделялись этапы реформирования, которые должны были обеспечить плавный переход. Ну а с другой — в кратчайшие сроки предполагалось решить сложнейшие проблемы, которые не решены до сих пор: за полгода разработать рыночное законодательство, осуществить социальную защиту и провести реформы, не снижая жизненного уровня. Предполагалось, что государственная машина еще в состоянии контролировать экономические процессы и регулировать их, хотя уже в конце 1989 года начался сильный спад производства, а номинальные доходы населения стремительно росли, никак не реагируя на нормативы и налоги. Бессмысленная денежная реформа Павлова и столь же бесполезное повышение цен на хлебопродукты как нельзя лучше характеризуют концептуальный уровень правительственных подходов: в результате несколько месяцев страну трясло, а положительных экономических сдвигов, естественно, не было никаких. Главное же заключалось в том, что устранение структур КПСС лишало всю государственную систему дееспособности, она не могла работать по-прежнему, но и по-иному действовать была неспособна. План и «полный хозрасчет» никак не могли совместиться. Если предприятие не отвечает по обязательствам государства, а государство — по обязательствам предприятия — так утверждал закон о госпредприятии, — то «единый народнохозяйственный комплекс» разрушается. Появившаяся идея «регионального хозрасчета» также немало этому способствовала. Экономика скатывалась в пропасть, и остановить ее можно было если не реформами, то восстановлением прежних порядков. Ни того, ни другого «перестройщики» и наука не предлагали. В общем, можно признать, что и власть к концу перестройки ударилась в мифотворчество, пытаясь эксплуатировать рыночную идею, но у нее это вышло хуже, чем у оппозиции. Кстати, подобный стиль реформ в постперестроечное время мы видели на Украине, Белоруссии и Казахстане. Результаты оказались схожие.

Появление идеи «регулируемого рынка» стало последним этапом перед полным торжеством просто «рынка», уже без всяких ограничений и определений. Этот триумф идеи произошел в результате политической борьбы вокруг программы «500 дней».

Поначалу новый экономический манифест бродил по кулуарам под названием «400 дней доверия», его авторами были Г. Явлинский, А. Михайлов и М. Задорнов. Документ содержал программу быстрого перехода к рыночной экономике. Поскольку до того времени демократы серьезного научного обоснования не имели, а на власть претендовали, возникла острая потребность в какой-нибудь более или менее обоснованной программе. Разработка Явлинского и его коллег оказалась как нельзя кстати, она удовлетворяла возникший спрос, и желающих ее использовать оказалось много. Сначала один из претендентов на пост российского премьера — М. Бочаров представил ее общественности в качестве собственной программы действий. Затем новое российское руководство и старое союзное воодушевились идеями и особенно графиком реформирования, предложенными молодыми экономистами. В результате родилась программа «500 дней», у которой было уже много авторов, в том числе и академики. Все же в истории она останется как творение Григория Явлинского, малоизвестного в то время ученика академика Л. Абалкина.

«500 дней» окончательно переломили общественное мнение в пользу рынка. Из крамольной идеи, подрывающей устои, он превратился в общепринятую истину. После нескольких месяцев политических баталий вокруг программы необходимость плюрализма собственности, развития рыночных институтов уже практически никем не ставилась под сомнение. Споры шли только о том, нужен ли «чистый рынок» или он должен в той или иной мере сочетаться с государственным регулированием. В результате этого идея планового управления фактически была похоронена, и план больше не составлялся. Явлинского можно по праву считать могильщиком социалистического планирования.

Его программа содержала немало бесспорных истин: о праве человека на собственность, свободу выбора и хозяйственную деятельность. В ней был интересный и

убедительный анализ сделанных за период перестройки ошибок в экономической политике, присутствовала характеристика финансовой ситуации, предлагался ряд методологических подходов, которые были впоследствии использованы. Но сам перечень мероприятий, график их проведения трудно признать собственно программой, то есть тем, что можно выполнять и чем можно руководствоваться. Так, авторы предлагали установить с 1 ноября 1991 года единый курс по торговым операциям — 2 рубля за доллар. Они обещали, что «свободные цены будут выше нынешних государственных, но ниже, чем на черном рынке». Правда, опровергнуть подобные оценки при всей их фантастичности трудно, поскольку всегда можно попробовать доказать, что в той ситуации это еще было возможно — еще не был разрушен Союз, а экономика находилась в более или менее сносном состоянии. Однако, если присмотреться к тем организационным мероприятиям, которые должны были осуществляться, и особенно к срокам их проведения, то их нереальность видна сегодня невооруженным глазом.

Авторы «500 дней» собирались к весне в основном закончить земельную реформу, через три месяца, по их наметкам, следовало прекратить выплату всех дотаций, акционировать 50—60 крупных предприятий, провести инвентаризацию госимущества и земли, закрыть 100—200 нерентабельных заводов и фабрик! На некоторые радикальные преобразования отводились вообще удивительные сроки: за две недели Госбанк СССР должен был быть преобразован в Резервную систему. И т.д. и т.п.

За три прошедших года реформ, наверное, все убедились, насколько сложны проблемы радикального реформирования экономики, ее переход на принципиально иные способы работы и развития. Необходима огромная, кропотливая работа по созданию бесчисленного множества нормативных актов, доведения их до тех, кто занимается решением конкретных проблем. За те сроки, которые были предусмотрены программой, не то что провести, и приступить-то к реализации преобразований было трудно. Чиновники, депутаты, хозяйственники должны были функционировать как слаженный механизм, как оркестр под управлением опытного дирижера. Необходима была слаженная работа союзных и республиканских структур, жесткий контроль выполнения. Пожалуй, только какой-нибудь российский Пиночет, который к тому же использовал бы и террор против саботажников, мог добиться чего-нибудь. При той же политической ситуации, которая была в стране, при устранении КПСС как основной государственной структуры никаких шансов для проведения столь масштабных, организованных сверху мероприятий не было. Программа «500 дней», в которую поверили (или делали вид, что поверили) политики, была, наверное, самой выдающейся мистификацией после последней Программы КПСС, где нам обещали коммунизм в 1980 году. (Кстати, последняя не была чистым бредом, просто некоторые партийные вожди решили, что имевшиеся в то время темпы (10%) роста производства сохранятся и в перспективе. Случись действительно так, коммунизма бы не построили (и даже наверняка!), но общество изобилия было бы уж точно. Вряд ли стоит доказывать, что надежды и иллюзии ускоренного развития социалистической экономики испарились вполне естественно вместе с исчерпанием ресурсов экстенсивного роста и пришедшей в остальной мир научно-технической революцией, к которой социализм оказался невосприимчивым. Может, и программа «500 дней» в какой-нибудь другой стране и в других условиях была бы выполнима, но не в СССР 1991 года.)

Программа Явлинского стала апофеозом рыночного мифотворчества. Вера в то, что после небольшого периода решительных действий и временных трудностей жизнь станет лучше, вдохновляла и лидеров, и миллионы, которые их поддержали.

И на самом деле любые радикальные изменения в любом обществе во все времена проходили стадию мифотворчества: для того чтобы идея была воспринята массами, она должна быть ясной, по-своему даже примитивной, доступной для понимания. Миф — это форма общественного сознания, способ понимания социальной деятельности, а не какая-то сказка или выдумка. В общем, миф — это серьезно. Если бы у советских людей в конце перестройки было реальное представление о том, что их ждет на самом деле, это, наверное, было бы еще хуже, чем вера в «рыночное чудо».

Однако трудно признать нормальным, что осмысление стоящих перед обществом задач практически ограничилось мифотворчеством. В конце XX века, когда существует мощная наука, произошла информатизация и компьютеризация всех сфер жизни, необходимы не только мифы, но и рациональные подходы, основанные на расчетах, глубоком осмыслении ситуации, требуются адекватные методы социальной инженерии. Ничего этого, к сожалению, в России не оказалось. Первые же попытки радикальных реформ после августа 1991 года, когда были устранены политические препятствия, показали, что все предшествующие годы были потрачены на идейную борьбу и мифотворчество. Оказалось, что интеллектуальная элита общества так и не создала теории переходного периода, не разработала оригинальных концепций экономических реформ. Рынок, безусловно, достояние мировой цивилизации и эффективнее его ничего нет. Но для того чтобы он заработал, необходимо не только знать теорию и мировую практику, но и уметь ее применять. Любой учебник экономики вам скажет, что бизнесмен не просто использует законы, а создает новую комбинацию факторов производства. В этом суть предпринимательства. Любое социальное новшество возникает как результат творческой способности индивидов и коллективов людей. Вот такой **творческой** способности российское общество не проявило. В результате экономические преобразования обернулись тяжкими испытаниями для сотен миллионов людей.

Гайдаровская реформа — это реформа на основе здравого смысла. Это немало, но, честно говоря, интеллектуальная элита общества могла бы предложить обществу нечто больше, чем просто здравый смысл. Необходимы были и научные исследования, и профессионализм, и творческий прорыв, и оригинальные идеи. Вот этого-то и не было. Ну а расплачиваться за семь десятилетий тоталитаризма и за собственную бесталанность приходится нам всем.

ЦАРЬ И НЕБЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

В 1828 году в уездном городе Свияжске Казанской губернии произошел необычный случай — в небе над заброшенной церковью Николая Чудотворца несколько раз возникала то фигура человека со смуглым лицом, то огромная голова. Местный городничий, бывший очевидцем фантастического явления, подробно описал его в рапорте казанскому вице-губернатору Е. В. Филиппову. Тот доложил о случившемся министру внутренних дел А. А. Закревскому, который, в свою очередь, переслал донесение вице-губернатора и рапорт городничего шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу. Однако шеф жандармов, получив эту информацию из других источников, уже сообщил о свияжских видениях императору. Николай I пренебрежительно назвал их «глупым обманом».

Расследование, предпринятое вице-губернатором по соглашению с казанским архиепископом Филаретом, ничего не прояснило. Не помогло разгадке и установленное Филипповым секретное наблюдение — загадочные фигуры больше не появлялись. Но если свидетельства многочисленных очевидцев были «глупым обманом», то совершенно непонятны его мотивы и цели. Наконец, каким образом городничий, заседатель уездного суда, крестьяне и дети, то есть весьма различные по возрасту и положению люди, сговорились между собой, причем так, что одинаково, слово в слово, рассказывали остальным горожанам об этом невероятном событии?

Рапорт свняжского городничего Е. А. Петрова казанскому вице-губериатору Е. В. Филиппову от 15 ноября 1828 г.

Минувшего октября 29 числа по полудни, в $2^1/_2$ часа, в городе Свияжске на упраздненной духовной властью во имя святого великого Чудотворца Николая при церкви на кресте колокольни было явление следующим образом:

1) Крест на куполе той колокольни покрыт невидимой рукой, как бы белой занавесью — сделался невидимым; прочие ж два креста на самой церкви и на теплом бывшем приделе были не покрыты и явственны.

2) Закрытие креста на одной колокольне продолжалось более пяти минут, после чего завеса пройдя с юга на север или с левой стороны на правую креста, учинилась невидимою; но на левой стороне в белом светлом архиерейском облачении в рост человека явился лик, смуглой лицем, стоявший правой ногой на главе колокольни и имевший на голове не митру[1], но треугольник белого цвета, держущий в правой руке наподобие книги черного цвета, а на левом плече как бы положенный крест † белого же цвета; но, как оное явление начало изменяться и проходить от юга к северу, от креста той же колокольни спали две белые звезды, одна по другой вскоре. Сие явление начало изменяться с юга к северу и стало неприметно; но на среднем ребре креста стала видима глава в большом виде, наподобие нерукотворенного Христа Спасителя образа с разницей того, что ни на полотне и ни на доске, и сие явление было видимо с пять же минут.

3) После оного явления, как выше сказано, завеса вторично оказалась видимой и сие видение было столько же как и прежде; но, когда завеса прошла по-прежнему, оказался тот же лик уже не в белом, а в бледно-блестящем, желтоватом облачении.

Каковые явления были всего пять раз: в третий как в первый, в четвертый как во второй и пятый как в первый и третий, т. е. лик в образе человека и глава в виде нерукотворенного образа, но в последние четыре раза не было спадавших звезд.

Вышепрописанное явление удостоились видеть в расстоянии не более восьмидесяти сажень[2] со двора госпожи капитанши Петровой кроме меня с семейством и прислугой: свияжского уездного суда господин дворянский заседатель Александр Иванович Пульхеровский и находящиеся для постройки на дворе плотники: Вятской губернии Нолинского уезда Ошедского архиерейского волостного правления деревни Дубровы экономический крестьянин Никифор Васильев Томбасов, и той же губернии Уржумского уезда Онучинской волости деревни Молитвиной экономический крестьянин Михайло Иванов, починка по речке Куртюмому Василий Анисимов Асулкин и Яранской округи Каленурского волостного правления починка Чимбулата Савва Федотов, а в последний, пятый раз, Богородицкого монастыря отец наместник иеромонах Иаков.

Подлинный подписал городничий Петров.

РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. 1828 г. Д. 267. Л. 4—4 об., 7—7 об. Рукопись, заверенная копия.

Отношение шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа мннистру внутреннх дел А. А. Закревскому от 21 декабря 1828 г.

Секретно

Милостивый государь, Арсений Андреевич!

Возвращая при сем препровожденное ко мне при отношении Вашего превосходительства от 16 сего декабря под № 82 донесение казанского вице-губернатора о виденном будто бы над упраздненной в городе Свияжске церковью св. Николая явлении, честь имею уведомить Вас, милостивый государь, что еще до получения приложенного к тому же отношению Вашему всеподданнейшего рапорта казанского вице-губернатора по сему предмету, я докладывал государю императору о дошедших до меня о сем происшествии слухах и что императорское величество изволил повелеть взять меры, «чтоб не выпустили глупого обмана».

Считая неизлишним присовокупить к сему, что я объявил сию высочайшую волю правящему должность казанского губернатора г. Филиппову, имею честь быть с совершенным почтением и таковой же преданностью.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Бенкендорф

Там же. Л. 1—1 об. Подлинник, писарская рукопись, подпись — автограф А. Х. Бенкеидорфа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Митра — головной убор, надеваемый преимущественно во время богослужения представителями высшего духовенства.
2. То есть свыше 170 метров.

Публикация **С. АТАПИНА**

НИКОЛАЙ ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА

ГЛАВА X

КОРОНОВАННАЯ ВЕТРЕНИЦА

Петр Великий готовил из своих дочерей не государственных деятелей, а невест для пусть захудалых, но европейских принцев. Отсюда вытекала весьма скромная программа их обучения и воспитания. Вот перечень предметов, которым обучали Анну и Елизавету: иностранные языки и светское обхождение. Мать их — неграмотная женщина, понятия не имевшая о том, как надлежит воспитывать царских детей. Отец был обременен военными заботами и не мог уделить должного внимания дочерям.

Как мы знаем, сам Петр в детские годы тоже не приобрел необходимых знаний, но ему удалось восполнить пробелы образования чтением книг. Его старшая дочь Анна также читала много и с интересом. Елизавета книг не читала, а само чтение считала вредным для здоровья, ссылаясь при этом на старшую сестру, которая, по ее мнению, и заболела-то от чрезмерного увлечения книгами. Подобно Анне Иоанновне, Елизавета Петровна не была подготовлена для управления огромной империей. В их судьбах была еще одна общая черта — обе они не помышляли о короне. Честолюбие пробудилось у Елизаветы лишь после смерти Анны Иоанновны. До этого ее вполне устраивала жизнь цесаревны, наполненная удовольствиями и наслаждениями: никаких обязательств, но зато сколько радости доставила ей репутация лучшей в России исполнительницы бальных танцев и русской пляски! Правда, ее запросы не всегда удовлетворялись — она обладала удивительной способностью транжирить деньги и поэтому постоянно пребывала в долгах.

Суждения современников о внешности Елизаветы Петровны единодушны — все считали ее женщиной необыкновенной красоты и в девическом возрасте, и тогда, когда ей перевалило за пятьдесят. Чтобы сохранить свой облик, ей приходилось прилагать титанические усилия и просиживать перед зеркалом долгие часы.

Продолжение. Начало см. в № 10—12, 1993; № 1—2, 5—7, 1994.

Испанский посол де Лириа так отозвался о 18-летней царевне: «Принцесса Елизавета такая красавица, каких я редко видел. У нее удивительный цвет лица, прекрасные глаза, превосходная шея и несравненный стан. Она высокого роста, чрезвычайно жива, хорошо танцует и ездит верхом без малейшего страха. Она не лишена ума, грациозна и очень кокетлива» (Де Лириа. Письма о России//Осмнадцатый век. Кн. 2. М., 1869. С. 115).

Пять лет спустя внешность Елизаветы описала леди Рондо: «Принцесса Елизавета, которая, как вы знаете, является дочерью Петра I, очень красива. Кожа у нее очень белая, светло-каштановые волосы, живые голубые глаза, прекрасные зубы и хорошенький рот. Она склонна к полноте, но очень изящна и танцует лучше всех, кого мне доводилось видеть. Она говорит по-немецки, по-французски и по-итальянски, чрезвычайно весела, беседует со всеми, как и следует благовоспитанному человеку — в кружке, но не любит церемонности двора» (Безвременье и временщики. Л., 1991. С. 211).

Девушку с такой привлекательной внешностью подстерегало множество соблазнов, от которых трудно было удержаться 16-летней цесаревне, оставшейся без отца и фактически предоставленной самой себе. Темперамент лишал Елизавету возможности блюсти себя в строгости, и она вела себя так, что вызывала нарекания и даже осуждение современников. Фельдмаршал Миних отмечал вольности в поведении цесаревны: «Она была чрезмерно сладострастна и часто говорила своим наперсницам, что она довольна только тогда, когда влюблена» (Безвременье и временщики. С. 73). У сосланного в Пелым Миниха не было оснований проявлять к Елизавете теплые чувства, однако известные историкам факты подтверждают его правоту.

Первым любовником Елизаветы Петровны был камергер ее двора Александр Борисович Бутурлин, его сменил Семен Нарышкин. В привязанности к цесаревне последний оказался соперником Петра II и был сослан по повелению императора на Украину. Еще трагичнее оказалась судьба третьего фаворита — прапорщика Семеновского полка Алексея Яковлевича Шубина. При Анне Иоанновне этого красавца сначала сослали в Ревель, а в январе 1732 года отправили в Сибирь, где содержали секретным арестантом. Елизавете Петровне, упражнявшейся в сочинении виршей, приписывают следующие строки:

Я не в своей мочи огонь утушить,
Сердцем болею, да чем пособить?
Что всегда разлучно и без тебя скучаю
Легче б тя не знать, нежель так страдать
Всегда по тебе.

(Шумигорский Е. Императрица Елизавета Петровна//Исторический вестник. 1903. № 2. С. 534).

На четвертый день после переворота, 29 ноября 1741 года, Елизавета вспомнила о несчастном фаворите и велела сибирскому губернатору разыскать Шубина с целью отправить его в Петербург, чтобы он явился «при дворе нашем и для того дать ему подводы» и выделить на проезд 200 рублей. Шубина сразу обнаружить не удалось, что вытекает из указа от 28 февраля 1743 года. Для поисков возлюбленного императрица отправила в Сибирь подпоручика Семеновского полка Алексея Булгакова.

Дело осложнялось тем, что, будучи секретным арестантом, Шубин стал называться своей фамилией только после того, как ему стало известно о воцарении Елизаветы Петровны, а до этого он предпочитал молчать, опасаясь, что его разыскивают ради ужесточения наказания (Памятники новой русской истории. Т. I. СПб., 1871. С. 150—151). В конце концов Шубина разыскали; прапорщик был возвращен в Семеновский полк премьер-майором за то, что «безвинно пережил много лет в ссылке в жестоком заточении».

Артемий Петрович Волынский называл цесаревну ветреницей. По сути, ничего не изменилось и после переворота — она стала ветреницей на троне. Теперь императрица в полной мере отдалась страстям и удовольствиям. Как и в молодости, она блистала красотой. Юная принцесса Ангальт-Цербстская, будущая Екатерина Великая, прибыла в Петербург в 1743 году, когда Елизавете было 34 года: «Поистине нельзя было тогда видеть в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива...» И много лет спустя та же Екатерина продолжала восхищаться ее внешностью: «Несмотря на толщину, когда ей было уже за сорок лет, Елизавета сохранила удивительно прелестную фигуру, особенно грациозную в мужском костюме».

Роскошь двора Елизаветы затмила расточительность Анны Иоанновны. Но если траты последней историки осуждали, то блеск елизаветинского Петербурга воспринимался ими как должное. Объясняется это скорее всего тем, что придворные порядки Анны Иоанновны резко контрастировали с придворным бытом Петра Великого.

Послушаем, как описал придворную жизнь времен императрицы Елизаветы князь Михаил Михайлович Щербатов в знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России»: «Двор, подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в златотканые одежды облекался; вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богатее, в столе — все, что есть драгоценнее, в питье — все, что есть реже, в услуге — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышность в одеянии их. Экипажи возблистали златом, дорогие лошади, не столь для нужды удобные, как единственно для виду, учинялись нужны для вожения позлащенных карет. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сие составляло удовольствие самим хозяевам; вкус умножался, подражание роскошнейшим народам возрастало, и человек делался почтителен по мере великолепности его жития и уборов» (Щербатов М. М. Соч. Т. I. СПб., 1898. С. 202).

К сожалению, здесь нет преувеличений — подмеченные Щербатовым штрихи придворного быта и быта вельмож подтверждаются многочисленными источниками.

Изобретательность императрицы относительно увеселений не знала пределов: банкеты чередовались с куртагами, за ними следовали балы и маскарады. Знать во главе с Елизаветой убивала время в катаниях по Неве, игре в карты, посещении театров, в наблюдении за фейерверками. Хотя двор и стремился подражать версальскому, хотя развлечения стали более изысканными и утонченными, но ничто так не консервативно, как быт, в том числе и придворный. Правда, шуты, шутихи, дураки, женщины-говоруньи исчезли из дворцового обихода, не устраивались свадьбы, подобные той, когда Петр Великий обженил главу всепьянейшего собора Аникиту Зотова, или торжества в ледяном доме при Анне Иоанновне. Но нет-нет да и давали о себе знать старые привычки: императрица, например, любила находиться в обществе женщин, прислуживавших ей во дворце, и совершать с ними прогулки в карете по Петергофу.

Особенно пышной была свадьба великого князя Петра Федоровича. Всем придворным было выдано жалованье на год вперед, чтобы каждый из них мог обзавестись соответствующими экипажами, заказать не менее одного богатого платья с пожеланием менять их ежедневно на протяжении 10-дневных торжеств. Указ императрицы определял количество лакеев, гайдуков, скороходов, пажей, егерей, предназначавшихся для сопровождения вельмож, приглашенных на празднества. Лорд Гиндфорд в своем донесении в Лондон делился впечатлениями: «Здесь никогда не бывало более великолепной процессии. Она бесконечно превзошла все, что я когда-нибудь видел» (Сб. РИО. Т. 102. СПб., 1898. С. 321).

Сколь скромной была инициатива императрицы в делах государственных, столь неистощимой должно признать ее фантазию относительно предписаний, кому в каких нарядах и с какими прическами следует появляться на куртагах.

Расточительная роскошь вельмож приобрела невиданные размеры. Они как бы состязались друг с другом в богатстве экипировки, карет, в продолжительности

устраиваемых в их дворцах маскарадов, в разнообразии и богатстве военных парадов. Украинский гетман Кирилл Григорьевич Разумовский имел в подвалах Глухова, столицы своего гетманства, 100 тысяч бутылок отборного вина. Граф Степан Федорович Апраксин держал открытый стол. Его гардероб насчитывал многие сотни богатых костюмов. Будучи главнокомандующим во время Семилетней войны, он таскал за собой колоссальный обоз с изысканной снедью, экипировкой и т. д. Граф Иван Чернышов наряжал своих многочисленных слуг в богатейшие парчовые с золотом ливреи. Фаворит императрицы Алексей Кириллович Разумовский, подобно князю Черкасскому при Анне Иоанновне, стал носить бриллиантовые пуговицы и пряжки. Сергей Нарышкин прибыл на свадьбу великого князя в карете, купленной за 50 тысяч рублей, а Иван Иванович Шувалов отмечал рождение у Петра Федоровича сына маскарадом продолжительностью в 48 часов. Впрочем, европейское великолепие в домах вельмож сочеталось с крайней нищетой: рядом с наряженными лакеями сновали дворовые в лохмотьях, едва прикрывавших наготу.

Страсть императрицы к увеселениям сочеталась со страстью к нарядам. По свидетельству Якова Штелина, воспитателя великого князя, после смерти императрицы в ее гардеробе насчитывалось 15 тысяч платьев, размещавшихся в 32 покоях Зимнего дворца (многие из них не были в пользовании), а также два сундука шелковых чулок, несколько тысяч пар обуви и т. д. Штелин, скорее всего, располагал точными сведениями (только в московском гардеробе императрицы насчитывалось четыре тысячи платьев).

Особую привязанность испытывала Елизавета Петровна к офицерским мундирам. 30 ноября 1745 года лорд Гиндфорд доносил в Лондон: «Ваше превосходительство не можете вообразить себе, как офицерский мундир шел к императрице. Я уверен, что всякий, не знающий ее по виду, принял бы ее за офицера, если бы не нежные черты лица». Екатерина II тоже отметила привлекательный вид императрицы в мужском наряде. Императрица специально устраивала при дворе маскарады, называвшиеся метаморфозами: женщины появлялись в мужском одеянии, а мужчины — в женском. Можно себе представить, сколько неприятностей доставляли такие забавы дамам с уродливыми фигурами: женская одежда скрывала их недостатки, тогда как мужская их выпячивала. Скованными себя чувствовали и мужчины, напяливавшие на себя огромных размеров юбки на фижмах и сооружавшие у себя на головах дамские прически.

Увлечения императрицы имели два пагубных следствия. Во-первых, расточительность двора истощала казну. Уже цитированный лорд Гиндфорд в июне 1745 года извещал лорда Гаррингтона о расстроенных финансах России, нисколько не смущавших двор: «В казне — ни гроша, расходы же и расточительность двора возрастают изо дня на день».

Другое, более важное следствие состояло в том, что в угаре ежедневного веселья императрице не оставалось времени для управления государством. Ни в юные годы, ни в зрелом возрасте государыня не обнаружила черт характера своего знаменитого отца. Современники столь же единодушны в оценке прилежания императрицы, как и в характеристике ее внешности: утруждать себя серьезными делами она не умела и не хотела. Отзыв маркиза де ла Шетарди весьма деликатен: «Все было бы хорошо, если бы она умела согласовать свои удовольствия с обязанностью государя». Лорд Гиндфорд: «Она терпеть не могла всякого дела и вообще все, что требовало напряжения мысли хотя бы на одну минуту». Саксонский дипломат Пецольд: «Нет ни одного дела, даже важного, которого она не отменила бы ради какого-нибудь пустого препровождения времени. По своему темпераменту она так увлекалась удовольствиями, что о правительственных делах не могла слушать без скуки и даже по самым неотложным делам министрам приходится являться по нескольку раз».

В донесениях дипломатов, аккредитованных при русском дворе, также нередко встречаются сообщения о невнимании императрицы к делам. Бывало, месяцами нельзя было добиться приема у нее. Так, Елизавета Петровна с 1 октября по 10 декабря 1744 года удосужилась выслушать только два доклада, и то по делу, лично ее интересовавшему, — о Ботте. В недели, когда императрица направлялась на богомолье к Троице или готовилась отметить памятные дни своей жизни, а также в месяцы подготовки к свадьбе наследника она становилась недоступной для аудиенций и деловых разговоров.

Французский посол маркиз Брейтель поведал о случае, звучащем как анекдот: в 1746 году во время подписания договора с Австрией на кончик пера императрицы, после того как она написала первые три буквы своего имени, села оса. Елизавета Петровна в ужасе бросила перо и дописала остальные буквы только через полтора месяца.

До сих пор мы ссылались на свидетельства иностранных дипломатов. Но канцлер А. П. Бестужев-Рюмин их подтверждал: он как-то жаловался саксонскому резиденту Пецольду, что императрица могла наедине часами беседовать о всякой всячине с медиком Лестоком, запросто заходившим к ней, «тогда как министры иной раз в течение недели тщетно добиваются случая быть с нею хотя четверть часа» (Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 21. Гл. 2. С. 184). Даже канцлер не всегда мог рассчитывать на аудиенцию. «Трудно привлечь императрицу заняться делами хотя бы на четверть часа», — с горечью говорил он английскому послу лорду Туроули.

Шли годы, подкрадывалась старость, и Елизавета принуждена была поддерживать увядавшую красоту все более продолжительными процедурами. Время, проводимое ею у зеркала за туалетом, считалось самым удобным, и министры спешили им воспользоваться.

Как известно, Елизавета восстановила Сенат как высшее правительственное учреждение (этот статус он имел при Петре Великом). В 1742 году она навестила Сенат четыре раза, столько же — в 1744-м. Затем наступил длительный перерыв — в 1754 году она почтила Сенат своим присутствием только дважды. На большее у нее недоставало ни времени, ни желания. Даже созданную при ней Конференцию (учреждение, по правам и обязанностям напоминавшее Верховный тайный совет и Кабинет министров) она удосужилась за пять лет навестить, по свидетельству Екатерины, два-три раза.

«Дщерь Петрова» не выдерживает сравнения со своим отцом и по части законодательной инициативы, причем относившейся не к распорядительным, а к нормативным актам. Они касались второстепенных вопросов и имели в виду жизнь двора, а не страны. Пусть читателя не смущает обилие именных указов, опубликованных в Первом полном собрании законов Российской империи. Гриф «именной» отнюдь не означал причастность к составлению указа царствующего государя: эта помета ставилась в тех случаях, когда закону пытались придать больший вес, чем, например, указу сенатскому. Однако были и указы, инициатива составления которых несомненно исходила от императрицы.

1 сентября 1743 года ее указом казанскому губернатору Артемию Григорьевичу Загряжскому было велено собрать в губернии деньги на подарок камер-юнкеру Возжинскому, отправленному в Казань с приятным известием о заключении мира со Швецией. Этот Возжинский был лично известен императрице, поскольку правил лошадьми в царской карете, держал в руках вожжи, откуда и пошла его фамилия. Другой указ, от 13 октября 1745 года, тоже исходил от императрицы. Он повелевал отправить ко двору «самых лучших и больших тридцать котов, удобных к ловлению мышей» в сопровождении человека, «которой бы мог за ними ходить и кормить» (Русская старина. 1871. Т. 3. С. 641—642). Не подлежит сомнению, что указ от 11 апреля 1744 года о выдаче первому лейб-медику Лестоку 5000 рублей «за благополучное пущение е. и. в. крови» тоже исходил от императрицы. Кто-то из придворных поведал императрице о несчастном случае от медведя, содержавшегося в частном доме. Последовал указ, запрещавший содержать медведей в Москве и Петербурге. «А кто к оному охотник, содержали б в деревнях своих» (ПСЗ. № 9959).

Как и у ее предшественников, у Елизаветы отсутствовала система взглядов в области внутренней и внешней политики. Этому утверждению вроде бы противоречат такие масштабные акции, как отмена внутренних таможенных пошлин, создание Московского университета, начало генерального межевания, объявление винокурения дворянской монополией. Степень участия императрицы в них выразилась лишь в том, что она удосужилась поставить под ними свою подпись. Приписывать монархам прозорливость и неусыпное радение благу подданных у нас нет никаких оснований.

Тем не менее двадцатилетнее царствование Елизаветы оставило благоприятные воспоминания у современников и потомков. Едва ли не самой важной акцией, оставившей о ней добрую память, стоит считать лишение немцев правительственных должностей и назначение на них русских людей. Эту замену можно с полным основанием отнести к возрождению национального самосознания.

Другая акция, тоже исходившая от императрицы, связана с обетом, данным ею при восшествии на престол: не проливать кровь подданных. Указ, отменявший смертную казнь, был обнародован 30 сентября 1744 года. Елизавета Петровна свято блюла свой обет — топор палача бездействовал. Нравы двора заметно смягчились — среди фаворитов императрицы мы не обнаружим личностей типа беспутного Ивана Долгорукого или неимоверно жестокого Бирона. В прошлое отошли и бесчинства воинских команд, отправляемых для выколачивания недоимок с селян и горожан.

Императрица отличалась исключительной набожностью. Став императрицей, она продолжала исполнять еще один обет: в знак благодарности за спасение, которое нашел ее отец в Троице-Сергиевом монастыре в дни ссоры с царевной Софьей, она, будучи в Москве, непременно предпринимала пеший поход в этот монастырь. Религиозность Елизаветы, доходившая до фанатизма, имела и обратную сторону — старообрядцы при ней подвергались преследованиям более суровым, чем при ее отце; участились случаи самосожжения, а также насильственного крещения народов Поволжья.

Существовала еще одна сфера деятельности, в которую властно вторгалась императрица (и это вторжение, кажется, приносило ей удовлетворение), — она не прощала личных обид и при определении меры наказания была строгой и даже беспощадной к обидчикам. Она становилась непохожей на себя и не откладывала дела такого рода в долгий ящик, проявляя к ним живой интерес. В этом мы убедились на примере дела Лопухиной. Второй аналогичный эпизод связан с маркизом де ла Шетарди.

Напомним, он был причастен к перевороту в пользу Елизаветы. Французскому послу казалось, что он вправе претендовать на особое положение при дворе и что императрица будет прислушиваться к его советам и благосклонно относиться к пожеланиям французского двора. Шетарди был настолько уверен в этом, что по возвращении в Петербург не спешил с вручением верительных грамот и аккредитацией, полагая, что в качестве частного лица ему удобнее будет вмешиваться во внутренние дела России и плести интригу против Алексея Петровича Бестужева-Рюмина, тогда еще вице-канцлера. Целью Шетарди было свалить Бестужева и посадить на эту должность более покладистого Александра Ивановича Румянцева.

Бестужев знал об интригах Шетарди. Постоянно находясь под угрозой отставки, он терпеливо ждал случая, чтобы нанести французу сокрушительный удар. Шетарди подставился сам.

Иностранные дипломаты информировали свои правительства о жизни двора и событиях в стране с помощью депеш, отправляемых либо почтой, либо нарочными. Сведения, не составлявшие тайны, посылались открытым текстом, а всякого рода секреты — шифром. В России, как и в других странах, донесения, отправленные почтой, как правило, перлюстрировались. Шетарди это знал и в открытых текстах не скупился на похвалы императрицы. Подлинное же отношение к ней и оценку ее как государыни маркиз зашифровывал, пребывая в полной уверенности, что эти тексты будут известны исключительно правительству в Версале. На его беду в Коллегии иностранных дел служил умелец, научившийся подбирать ключ к шифру и таким образом читать как донесения посла, так и ответы на них

французского министра иностранных дел. Умельцем оказался статский советник Гольдбах, проявивший, как он сам о себе писал, «особливое искусство и неусыпный труд».

Первую расшифрованную Гольдбахом депешу Шетарди отправил 23 декабря 1743 года, последнюю — 6 июня 1744 года. Свыше шести месяцев Алексей Петрович Бестужев-Рюмин с удивительным хладнокровием накапливал материал, компрометирующий французского посла, хранил его в величайшем секрете и в конце концов нанес Шетарди страшной силы удар, которого тот никак не ожидал.

Утром 6 июня 1744 года в Москве, где в это время находился двор, произошло событие, вызвавшее смятение среди иностранных дипломатов в России. В половине шестого на подворье, занимаемое маркизом, прибыл генерал Андрей Иванович Ушаков в сопровождении камергера князя Петра Голицына, церемониймейстера Исаака Веселовского, секретаря коллегии иностранных дел Андреяна Неплюева, чиновника той же коллегии Курбатова, одного капитана и двух унтерофицеров Семеновского полка и потребовали от служителя, чтобы он немедленно вызвал к ним Шетарди. Служитель заявил, что хозяин болен и всю ночь не спал, но посетители настаивали на своем. Спустя четверть часа перед ними «в парике и полушлафроке» (халате, спальной одежде) предстал французский посол. Ушаков заявил ему, что прислан по указу императрицы «для некоторого объявления». Тут же Курбатов зачитал декларацию, предлагавшую маркизу в течение 24 часов покинуть пределы России, причем ему запрещалось заезжать в Петербург и иметь остановки в городах. Ему запрещалось также с кем-нибудь встречаться, даже чтобы проститься.

Шетарди заставила трепетать не столько сама декларация, сколько присутствие среди незваных гостей Ушакова — шефа Тайных розыскных дел канцелярии, чья жестокость и изощренные пытки вызывали ужас современников. В рапорте об этом визите, составленном для императрицы, было написано: «...он, Шетардий, сколь скоро генерала Ушакова увидел, то он в лице переменился, при прочтении экстракта столь конфузен был, что ни слова в оправдание свое сказать или что-либо прекословить не мог».

Описание поведения маркиза не совсем точно. В действительности он пытался возражать и оправдываться, но быстро угомонился, как только ему были показаны расшифрованные депеши. По свидетельству Бестужева, Шетарди слушал декларацию, «потупя нос и во все время сопел. По всему видно, что он никогда не чаял, дабы столько против его доказательство было собрано, и когда оные услышал, то еще больше присмирел, а оригиналы когда показано, то своею рукою закрылся и отвернулся, глядеть не хотел» (Архив кн. Воронцова. Кн. I. СПб., 1871. С. 5).

Какие действия Шетарди вызвали гнев императрицы? Чем можно объяснить столь унизительное и спешное выдворение? Официальное обвинение звучит туманно: «1) Поношение освященных государевых персон, качеств или склонностей и прочая. 2) Всякое народное против государя возмущение, подкупление чужих подданных и заведение тем себе партии и следственно опровержение ему противной... 3) Посылки о состоянии того государства, в котором он резидует, ко двору своему ругательных и предосудительных реляций».

С точки зрения дипломатической практики тех времен, Шетарди не сильно переступал рамки дозволенного. Отправляемые за рубеж послы снабжались двумя инструкциями: открытая аккредитация, предъявлявшаяся правительству страны, излагала официальные цели посольства; вторая инструкция, секретная, ставила перед послом обширные разведывательные цели — сбор сведений о состоянии экономики, армии и флота, политического устройства, а также обстоятельная характеристика лиц, власть предержащих. Успех официальной и секретной задач посольства зависел от способности дипломата заводить знакомства, устанавливать доверительные отношения, плести интриги, привлекая к участию в них как местных вельмож, так и послов дружественных государств.

Разумеется, закулисная деятельность должна была вестись осторожно, ибо считалась противозаконной и могла вызвать печальные последствия для посла. В распоряжении петербургского двора отсутствовали прямые доказательства противозаконной деятельности маркиза. Но Бестужев представил императрице не только дешифрованные депеши, но и комментарии к ним. Смысл их состоял в следующем: «Ведая, что его письма распечатываются, он нарочно без цифр (шифра .— *Н. П.*) с похвалою, а во всех его письмах в цифрах он с оскорблением величества писал, из чего злость и лукавство его осязательно явствуют».

Алексей Петрович, изучивший характер своей повелительницы, хорошо понимал, что ее заденут не свидетельства вмешательства маркиза во внутренние дела России в виде подкупа с целью «перемены министерства», то есть его отставки, а наличие «дерзостных поношений», способных вызвать незамедлительную вспышку гнева. Вице-канцлер от удовольствия потирал руки, когда представлял себе разгневанное лицо императрицы, прочитавшей в депеше Шетарди такие слова: «Также есть легкомыслие царицы, что надобно за много (?) почитать, когда кто приведет ее к исполнению хотя некоторой части тех дел, коих совершение интерес ее требует». Это не самое сильное выражение в ее адрес. В депешах встречаются и такие оценки Елизаветы Петровны: «оная в намерениях своих мало постоянна», царица «единственно увеселениям своим предана и от часу выше совершенную омерзелость от дел возымевает»; все заботы императрицы нацелены на «безделицу» — она четыре-пять раз за день меняет туалеты. «Мнение о малейших делах ее ужасает и в страх приводит, и те примеры (что она такие дела подписывала, о которых она ни малейшего знания не имела и когда ей от оных воспоследовать могущие несходства показываются) не могут ее к тому склонить, чтоб она о себе поодумалась и ту леность преодолела, которая ее к пренебрежению всего ежечасно приводит». Мысль об инертности Елизаветы становится лейтмотивом депеш: ее «пужает внимание даже к наималейшим делам» и «ее министры сами не могут ни о делах говорить как только урывками и гоняючись»; она подписывает документы, не читая их. Шетарди доносил о «слабомнении и развеянии ума царицы», проявлявшей не только безразличие к делам, но и ненависть «ко всему тому, еже делом именуется».

Такого Елизавета простить не могла и на оскорбление отреагировала мгновенно. С автором зарисовок императрица расправилась достаточно сурово — маркиз должен был немедленно отправиться к западной границе, эскортируемый командой солдат.

МАНИФЕСТЪ
БЖІЕЮ МЛТІЮ МЫ ЕЛІСАВЕТЪ
ПЕРВАЯ · ІМПЕРАТРІЦА
и Самодержица Всероссійская,
и прочая, и прочая, и прочая.
Объявляемъ во всенародное извѣстіе.

Перечисленные акции с личным участием Елизаветы можно отнести скорее к человеческим качествам императрицы, ее гуманности либо мстительности, чем к мудрости государственного деятеля. Тогда кто же приводил в движение правительственный механизм, подготавливал нормативные акты, публиковавшиеся от имени государей?

Таких сил было три: правящая бюрократия, фавориты и лица, стоявшие у подножия трона. У этих сил были разновеликие возможности и разномасштабные полномочия. Бюрократия — система косная, консервативная, не способная к генерированию новшеств и с трудом их воспринимавшая. Едва ли не самым выразительным примером неспособности правящей бюрократии выдвигать новые идеи и новые формы их реализации стал призыв к возрождению порядков петровских времен. В развитие этой идеи были восстановлены некоторые правительственные учреждения, ликвидированные преемниками реформатора. К ним относится восстановление Сената в ипостаси правительствующего, низведенного после Петра до роли высокого. Одновременно был упразднен Кабинет министров. Были восстановлены две коллегии, ведавшие легкой и металлургической промышленностью. Равным образом при Елизавете Петровне начал функционировать ранее упраздненный Главный магистрат.

Реставрация петровских учреждений означала лишь восстановление форм, не сопровождавшееся наполнением их новым содержанием. Например, промышленная политика, разработанная Петром Великим, с некоторыми изъятиями продолжала претворяться в жизнь и при его преемниках, независимо от существования или упразднения Берг- и Мануфактур-коллегий.

Немалая роль в законотворчестве принадлежала фаворитам и лицам из ближайшего окружения государя. Положение фаворита зависело от способности коронованной особы выполнять функции государя. При Петре I фаворит Меншиков был всего-навсего исполнителем воли царя. При Екатерине I и Петре II тот же Меншиков стал полудержавным властелином, фактическим правителем страны. Своеобразие его положения в эти два царствования заключалось в том, что не его наделяли статусом фаворита, а он сам избирал себе государя: менялись самодержцы, а фаворит при них оставался неизменным.

Анна Иоанновна и Елизавета Петровна сами выбирали фаворитов по своему вкусу и запросам. Угрюмая Анна Иоанновна остановила выбор на свирепом Бироне. Иным представляется облик елизаветинского фаворита Алексея Григорьевича Разумовского. Если красота Бирона и его манера держаться отталкивали, то доступность обращения Разумовского, его готовность помочь человеку, оказавшемуся в беде, напротив, притягивали. Резко отличались они и по складу характера. В противоположность грубому, надменному, жестокому и энергичному герцогу Алексей Григорьевич снискал у современников репутацию человека добродушного и достаточно ленивого, чтобы вмешиваться в государственные дела — избытком честолюбия он не страдал и довольствовался ролью супруга императрицы.

Примечательна судьба Разумовского. Он родился в 1709 году в семье регистрового казака Григория Яковле-

вича Розума, в детстве пас коров. Умопомрачительной перемене в своей жизни он обязан красивой внешности и изумительному голосу. В январе 1731 года полковник Вишневский, проезжая через село Чемер, где Алексей Розум пел в церковном хоре, обратил внимание на его голос и уговорил дьячка, обучавшего молодого человека грамоте и пению, отпустить его в Петербург. Здесь его определили в придворный хор, где красавца заметила цесаревна. Вскоре певчий оказался при ее дворе. В это время в фаворитах Елизаветы пребывал известный нам Шубин. После его ссылки вакантное место занял Алексей Розум. Потеряв голос, он стал бандуристом, затем управляющим имениями цесаревны и из Розума сделался Разумовским. После переворота в ноябре 1741 года в его жизни наступил новый этап — фаворит цесаревны стал фаворитом императрицы.

Мы не знаем в точности причин, по которым Елизавета Петровна не выходила замуж: возможно, потому, что ей, будучи цесаревной, опостылело томительное ожидание, когда ей наконец навяжут жениха. Быть может, она страдала бесплодием, и в ее положении императрицы замужество становилось бессмысленным, ибо ожидать наследника было бесполезно. Не лишено оснований и предположение, что Елизавета предпочитала быть императрицей, нежели супругой мужчины, по обычаю считавшегося главой семьи. Как бы там ни было, но, став императрицей, она дала публичный обет безбрачия. Это обязательство отметили английский и французский послы.

К. Финч в конце 1741 года доносил в Лондон: императрица «довольно открыто заявляет о своем намерении не выходить замуж». В феврале 1742 года Шетарди информировал Версаль: «Брак столько же противоречит образу мыслей этой государыни и надежде, судя по ее полноте, иметь детей, сколько и желанию народа, который более чем осязательно со времени прибытия герцога Голштинского основывает свою надежду на нем» (Сб. РИО. Т. 91. С 387; Пекарский П. Указ. соч. С. 546).

Обет безбрачия Елизавета Петровна не выполнила, ее публичные заявления были, похоже, сделаны с целью замаскировать тайные брачные узы с фаворитом. Биограф фамилии Разумовских А. А. Васильчиков полагал, что императрица вступила в тайный брак с Разумовским осенью 1742 года, когда в селе Перове якобы состоялось их венчание. Биограф ссылался на то, что с того времени церкви, где происходило венчание, а также церкви Вознесения в Барашах, где был отслужен благодарственный молебен, последовали щедрые пожалования императрицы в виде дорогой утвари и богатых риз. Ссылался А. А. Васильчиков и на саксонского резидента Пецольда, извещавшего свое правительство в 1747 году: «Все уже давно предполагали, а я теперь это знаю как достоверное, что императрица несколько лет назад вступила в брак с обер-гофмейстером».

Впрочем, документальные данные на этот счет отсутствуют, молва связывала их уничтожение с повелением Екатерины II Разумовскому представить документы о его браке с императрицей. На случай, если этот факт будет подтвержден документами, был подготовлен указ о даровании Разумовскому титула императорского высочества. Когда М. И. Воронцов вручил Разумовскому проект указа, тот его прочел, достал сверток с документами, поцеловал его, прослезился и бросил в камин, сказав при этом: «Я не был ничем более как верным рабом ее величества,... осыпавшего меня благодеяниями превыше заслуг моих. Никогда не забывал я, из какой доли и на какую степень возведен я десницею ее». Закончился этот монолог словами: «Теперь вы видите, что у меня нет никаких документов».

Был ли связан Алексей Григорьевич брачными узами с императрицей или оставался ее фаворитом, значения не имеет. Важно другое — на Разумовского одно за другим посыпались пожалования. В 1744 году Елизавета Петровна подарила ему вотчины, тогда же ее хлопотами он был возведен императором Карлом VI в графское достоинство, причем в дипломе вопреки истине утверждалось, что его владелец происходил из знатной фамилии Польского королевства Рожинских. Через два месяца после пожалования графского достоинства Священной Римской империи императрица возвела двух братьев Разумовских в графы Российской империи. Так бывший пастух пополнил ряды титулованного дворянства.

Императрица не оставила без внимания Алексея Григорьевича и после того, как его стал оттеснять на второй план новый фаворит — Иван Иванович Шувалов. В 1756 году Елизавета Петровна подарила ему два дворца, но главный подарок она сделала 5 сентября того же года, когда пожаловала в фельдмаршалы сразу четверых, среди которых были два фаворита — один из них состоял в этом качестве в дни ее молодости, а к другому она испытывала нежную привязанность свыше четверти столетия. Это были Александр Борисович Бутурлин и Алексей Григорьевич Разумовский. Предание приписывает Разумовскому слова, якобы произнесенные им после подписания этого указа: «Государыня, ты можешь назвать меня фельдмаршалом, но никогда не сделаешь из меня даже порядочного полковника. Смех, да и только!» Даже если граф Алексей и не говорил этих слов, они рельефно очерчивают репутацию фаворита как человека скромного, знавшего подлинную цену себе и своим возможностям, кстати, весьма ограниченным.

Бескорыстием отличался и последний фаворит императрицы — Иван Иванович Шувалов, приглянувшийся ей в конце 40-х годов. Он был моложе Разумовского на 18 лет, однолетка с Елизаветой Петровной. Екатерина II, тогда еше великая княгиня, имела возможность наблюдать Шувалова в 18-летнем возрасте и высоко оценила его достоинства: «...этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться... Он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава» (Екатерина II. Записки. СПб., 1907. С. 109—110).

В отличие от Разумовского, не имевшего возможности похвалиться образованностью и считавшего дела внутренней и особенно внешней политики выше своего понимания, И. И. Шувалов оказывал значительное влияние на ход событий в стране, пользовался полным доверием императрицы, сочинял для нее деловые бумаги. Он был вхож к ней в любое время, мог замолвить словечко за любого из вельмож. Впрочем, проницательный Шувалов не обольщался относительно заискивающих взглядов вельмож и справедливо полагал, что «пользу свою во мне любят». Когда Иван Иванович заявлял, что он не может совершать поступки, противоречащие его чести и пользе государства, он нисколько не лукавил. Не грешил он против истины и тогда, когда писал о себе: «Могу сказать, что рожден без самолюбия безмерного, без желания к богатству, честям и знатности; когда я, милостивый государь, — обращался он к своему корреспонденту М. И. Воронцову, — ни в каких случаях к сим вещам моей алчбы не казал в каких летах, где страсти и тщеславие владычествуют людьми, то ныне истинно и более причины» (Русский архив. 1870. Кн. 7. Стлб. 1396).

И. И. Шувалов — единственный в своем роде фаворит, не использовавший близости к государыне для получения чинов высокого ранга и довольствовавшийся скромным званием «генерал-адъютанта, от армии генерал-поручтика, действительного камергера, орденов Белого Орла, св. Александра Невского и св. Анны кавалера, Московского университета куратора, Академии художеств главного директора и основателя, Лондонского королевского собрания и Мадритской королевской Академии художеств члена». Предложения о пожаловании графом, сенатором, вотчинами с десятком тысяч крепостных он отметал с ходу. Иван Иванович вошел в историю как человек высокой порядочности и бескорыстия.

Однако при всем влиянии И. И. Шувалова на императрицу власть, в особенности в области внутренней политики, находилась не у него, а у лиц, подобно Остерману, стоявших у подножия трона. Делами внутренними заправлял двоюродный брат Ивана Ивановича Петр Иванович Шувалов, а внешней политикой в течение 16 лет заведовал канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, а затем на этом посту его сменил Михаил Илларионович Воронцов (впрочем, в делах иностранных ни один важный вопрос не решался без участия Ивана Ивановича).

В отличие от своего бескорыстного родственника, П. И. Шувалов был человеком до крайности алчным и не стеснялся залезать в казенный сундук, горазд был выпрашивать пожалования, но отличался такой расточительностью и жил столь широко, что после смерти оставил великое множество долгов. Петр Иванович обеспечил карьеру себе и всему клану Шуваловых женитьбой на бывшей фрейлине императрицы Мавре Егоровне Шепелевой, пользовавшейся ее безграничным доверием со времени, когда Елизавета была цесаревной. Французский дипломат Ж.-Л. Фавье отзывался о нем так: «Он возбуждал зависть азиатской роскошью в дому и в своем образе жизни: он всегда покрыт бриллиантами, как Могол, и окружен свитой из конюхов, адъютантов и ординарцев» (Фавье Ж.-Л. Записки секретаря французского посольства в Петербурге//Исторический вестник. 1882. Т. 29. С. 394). Однозначно отрицательная оценка П. И. Шувалова объяснялась не только демонстрацией им своего роскошного бытия, но и раздражавшей всех надменностью, непомерным честолюбием, неразборчивостью в средствах достижения поставленной цели.

Петр Шувалов прославился не только мотовством и жадностью, но и прожектерством. От его имени было подано великое множество проектов, главная идея которых состояла в изыскании способов пополнения казны финансами без «тягости народной». Мемуарист М. В. Данилов засвидетельствовал: «Графский дом наполнен был весь писцами, которые списывали от графа прожекты». Он же отметил: некоторые из проектов «были к приумножению казны государственной, которой на бумаге миллионы поставлено было цифрой, а другие прожекты были для собственного его графского верхнего доходу» (Данилов М. В. Записки. Казань, 1913. С. 68). К числу первых относится, например, отмена внутренних таможенных пошлин, повышение удельного веса косвенных налогов в бюджете государства; ко вторым следует отнести объявление винокурения и поставок вина на питейные дворы дворянской монополией. В целом этот вельможа оправдывает саркастическую характеристику, данную ему М. М. Щербатовым: «Петр Иванович Шувалов был человек умный, быстрый, честолюбивый».

Знакомый нам Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был столь же тонким дипломатом, как и интриганом, которому за долгие годы канцлерства приходилось постоянно отбиваться от недругов. Он делал это успешно и ловко, сумев одолеть самых непримиримых противников — с позором был изгнан Шетарди, а доктору Лестоку с 1748 года пришлось коротать невеселые дни ссылки в Угличе.

Однако Шуваловых Бестужев не одолел и в 1758 году, как и во времена Анны Леопольдовны, оказался в ссылке. Его место занял Михаил Илларионович Воронцов, активно участвовавший в возведении на престол Елизаветы. Фавье дал ему довольно объективную аттестацию: «Этот человек хороших нравов, трезвый, выдержанный, ласковый, приветливый, вежливый, гуманный, холодной наружности, но простой и скромный... Его вообще мало расположены считать умным, но ему нельзя отказать в природном рассудке. Без малейшего или даже без всякого изучения и чтения он имеет весьма хорошее понятие о дворах, которые он видел, а также хорошо знает дела, которые он вел. И когда он имеет точное понятие о деле, то судит о нем вполне здраво» (Фавье Ж.-Л. Указ. соч. С. 389).

Как дипломат, Воронцов стоит ниже Бестужева, он был менее прилежен в делах. Как и Петр Шувалов, Михаил Илларионович отличался расточительностью, постоянно попрошайничал у императрицы, но так и не научился жить по средствам и сводить концы с концами.

Внимание читателей!

В конце года редакция журнала планирует издать книгу Н. Павленко «Страсти у трона» (в «Родине» печатается сокращенный вариант рукописи). Предварительные заявки присылайте по адресу: 103009 Москва, ул. Воздвиженка, 4/7, журнал «Родина».

По этому же адресу вы можете заказать наши книги, уже вышедшие из печати: «Иосиф Сталин в объятиях семьи» (личный архив вождя) и «Кремлевский самосуд» (документы Политбюро о писателе А. И. Солженицыне).

АРМЯНЕ ПОМНЯТ О МИЛОСЕРДНОМ АКТЕ ИМПЕРАТОРА РОССИИ

Для нас важное значение имеет статья Павла Пагануцци «Император Николай II — спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида», опубликованная на страницах журнала «Родина» (1993. № 8—9). Лишь в одном не прав Павел Пагануцци — в том, что о спасении не вспомнил «никто ни раньше, ни теперь». Армяне ничего не забыли. Акт царского милосердия на вечные времена вошел в национальное сознание армянского народа. Достаточно отметить, что даже в самые суровые годы сталинского деспотического режима многие армяне, в особенности беженцы из Западной Армении, своих сыновей в честь императора называли Николаем.

Его Императорское Величество особой симпатией пользовался у жителей легендарного села Чардахлу — родины А. Бабаджаняна и Маршала И. Баграмяна. Это имеет свои особые причины. Более 16 веков Чардахлу стойко защищалось от различных захватчиков-иноземцев. Среди руководителей национально-освободительного движения карабахских и загамских армян был выходец из села Чардахлу, офицер русской армии Багир Васильев (Василян). В начале XIX века конный отряд чардахлинцев принимал непосредственное участие в сражениях русских войск. Интересно отметить, что на русской политической карте Закавказья 1802 года, на территории Гянджинского ханства, отмечены всего четыре населенных пункта: Гянджа, Шамхор, Закам и наше село Чардахлу.

В истории села Чардахлу особое место занимает деятельность двух личностей — Саркиса Манасяна и Ивана (Джаана) Маркаряна. Оба они врачи по профессии, работали в различных городах империи. В 1902—1906 годах Манасян организовал большой общинный сад в пустынном ущелье, что недалеко от Чардахлу. На свои деньги он нанял объездчика, создал заповедную лесную зону в северо-восточной части села.

Летом 1916 года, будучи в очередной раз в селе, Манасян рассказал односельчанам о поступке Николая II и предложил мастерам Чардахлу воздвигнуть в честь этого события Хачкар (Памятник). В трудные годы нашествия турецких и мусаватистских банд Манасян создал отряды самообороны в армянских населенных пунктах региона. В мае 1920 года образовалась Республика Армения, где Саркис Манасян стал министром внутренних дел. Этот обаятельный человек был расстрелян без суда и следствия летом 1920 года по приказу руководителей XI Красной армии в Карвансарае (Иджеван), где вместе с частями армянской армии прекратил военные действия и позволил бескровную передачу города Красной Армии.

Иван (Джаан) Маркарян дослужился в русской армии до чина генерала, корпусного врача. Как специалист по детским болезням он в начале века был одним из лекарей семьи Его Императорского Величества Николая II. Маркарян на свои деньги построил детский санаторий в местечке Коджоры под Тбилиси. Он помогал своим односельчанам продовольствием и семенами, тем самым спасая их от голода.

Весной 1911 года мои односельчане обратились с письмом (178 подписей) к нашему генералу с просьбой помочь селу избавиться от постоянных набегов шамхорских беков, которые пытались захватить часть земель сельчан. В Государственном архиве Грузии (ГАГ) хранится дело генерала Маркаряна. В нем имеется документ с подписью Николая II о том, что *«местечко под названием «Бадахлы» в размере 311 десятин 1440 кв. саж. закрепляется за сельской общиной государственных крестьян села Чардахлу»*.

Доктор Маркарян умер в 87-летнем возрасте в 1931 году. Перед смертью он подарил родному селу богатую (около 2000 книг) библиотеку на трех языках. Что стало с ней? Сколько книг дашнакского, религиозного содержания оказалось на полыхающих кострах 1937 года? Мы, школьники села, видели это уничтожение культурных ценностей своими глазами.

Не менее интересным является поступок штабс-капитана Геворга Фарашяна, который был непосредственным свидетелем-очевидцем великого акта гуманизма Николая II. Выходец из села Геташена, этот четырежды орденоносец, дважды раненный боевой офицер прошел сквозь огненную бурю, его сводный отряд находился в самой гуще сражений с турками. В декабре 1920 года, вместе со всей армией Республики Армения, штабс-капитан Фарашян вынужден был без единого выстрела сдать свои позиции войскам XI Красной армии.

Вооруженные силы Советской Армении стали организовываться на новой основе. Однако недолго длился этот процесс — всего 8 дней. С десятого декабря 1920 года начались повальные аресты генералов и офицеров армии Республики Армения. За два месяца было арестовано 1400 человек. В конце февраля 1920 года 840 из них (в том числе 13 генералов, 20 полковников) оказались в концентрационном лагере города Рязани, в числе их и 67-летний генерал Базоев.

Находясь вдали от родных берегов, штабс-капитан Фарашян не переставал рассказывать о гуманном поступке русского царя по отношению к армянам. В Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) хранятся документы, в которых особый отдел XI Красной армии и спецчасть концлагеря характеризуют Фарашяна как явного монархиста. Даже в лагере он не расставался с портретами царя. Как сказано в доносе агента-сексота (фамилия имеется в деле), «Фарашян считает себя не временно задержанным, а военнопленным. Поэтому он имеет право хранить в кармане фото царя. Убийство царя он считает преступлением века» (см. ГАРО. Ф. Р-2817. Оп. I. Д. 198). Кличка «монархист» сохранялась за Фарашяном, пока он находился в лагере. Вместе с другими офицерами армии Республики Армения Фарашян через несколько лет был освобожден из концлагеря, но в 1936 году вновь оказался в застенках террористической диктатуры в качестве дашнака, хотя никогда не был членом какой-либо партии.

Так жили, страдали и умирали мученики двадцатого столетия — благородные сыновья армянского народа. Что касается акта милосердия Русского Императора, то он с благодарностью будет воспринят теми армянами, которые до публикации на страницах журнала «Родина» об этом не могли знать. Абсолютно уверен в том, что недалек тот день, когда на территории возрожденной Республики Армения будет воздвигнут величественный памятник — Хачкар в честь этого поступка Его Императорского Величества Николая II. Как свидетельствует история, армяне умеют быть благодарными. Они не забывают добро.

ГЮЛАБ МАРТИРОСЯН,
доцент Рязанской радиотехнической академии, председатель правления Рязанского Армянского культурного общества «АРАКС»

УВЕЗЕННЫЕ ТРОФЕИ

В годы войны немецкие завоеватели вывозили из нашей страны не только людские и материальные ресурсы, но также картины, драгоценности, документы...

В рамках научно-исследовательского семинара «Бременская инициатива» создается банк данных о вывозе культурных ценностей из СССР в военное время.

Считаем, что в этот банк должны войти и публикуемые ниже документы, свидетельствующие об отправке в военный архив в Потсдаме материалов по истории России.

Т. Васильева, Н. Яковлева, научные сотрудники Центра хранения историко-документальных коллекций

Перевод с немецкого

Начальник военных архивов
Военному архиву

Потсдам, 2 декабря 1941 г.

касается: коллекции материалов современной истории

В приложении направляются несколько русских документов, которые после взятия Петергофа под Ленинградом были обнаружены в стоявших там бывших салон-вагонах последнего русского царя.

Я прошу сообщить мне кратко об их содержании.

Материал поступил ко мне от шефа военных музеев.

Приложений: 7.

ЦХИДК. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 116. Л. 234.

Военный архив Потсдам
Начальнику военных архивов

Потсдам, 5 дек. 1941

касается: трофейных документов из Петергофа

Присланные документы из салон-вагона последнего царя в Петергофе содержат следующее:

1) Три подтверждения о приеме наличности в императорском ж.-д. вагоне от мая и июня 1917 г.

2) Отчет губернатора Бессарабии царю о губернии от 3/16. 6. 1914.

3) Отчет губернатора Екатеринослава царю о губернии от 31. 1./13. 2. 1915 г.

4) Отрывок отчета о Подольской губернии.

ЦХИДК. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 116. Л. 236.

Начальник военных архивов
Военному архиву Потсдам

касается: коллекции материалов современной истории.

В приложении направляется книга воспоминаний русского генерала фон Мейендорфа из русско-японской войны.

Книга была найдена в разрушенном доме балтийского порта и прислана мне из ОКВ/В Пр У.

Приложение: 1 книга

ЦХИДК. Ф. 1387. Оп. 1. Д. 116. Л. 238.

НИКОЛАЙ ТРОИЦКИЙ,
доктор исторических наук

НЕБЫВАЕМОЕ БЫВАЕТ?

ВОЙНА 1812 ГОДА В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Оборона Смоленска. Худ. Н. Кривоногов.

В российской истории XIX века Отечественная война 1812 года величественно возвышается на фоне остальных событий, став предметом наибольшего числа не только научных, но и художественных сочинений[1]. Традиции здесь у нас богатейшие: А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. И. Тютчев, Н. А. Некрасов (имею в виду его малоизвестное стихотворение 1846 года: «Так, служба! Сам ты в той войне...»), Лев Толстой, Марина Цветаева, не говоря уже о К. Н. Батюшкове, В. А. Жуковском, П. А. Вяземском, М. Н. Загоскине, Д. Л. Мордовцеве, Г. П. Данилевском, Я. П. Полонском. Но в советской художественной литературе нет почти ничего, что можно было бы сравнить с произведениями кого-нибудь из перечисленных авторов по достоверности и выразительности. Как исключения могу назвать лишь старый роман Сергея Голубова «Багратион» и сравнительно недавний — «Свидание с Бонапартом» Булата Окуджавы[2]. Здесь художественность сочетается с исторической правдой, хотя и не без ошибок в деталях.

Почему же сравнение с мастерами прошлого столь невыгодно для советских писателей? Одна из причин очевидна и от нас не зависит (отсутствие равновеликих талантов), а две другие мы, homo soveticus'ы, созидали и притом камуфлировали сами: это, во-первых, идеологическая зашоренность, и, во-вторых, направляющее воздействие историков на писателей (точнее даже искательное равнение писателей на официозных историков).

Дело в том, что за последние полвека советской историографии «Двенадцатого года» в ней укоренились надуманные стереотипы, изобилующие намеренной или нечаянной подтасовкой всего и вся. Их насаждали главным образом военные историки П. А. Жилин, Н. Ф. Гарнич, Л. Г. Бескровный, а вслед за ними, уже в 80-е годы, И. И. Ростунов, В. Д. Мелентьев, В. Г. Сироткин, О. В. Орлик — кстати говоря, первая в отечественной (а может быть, и в мировой) историографии женщина, дерзнувшая написать книгу специально о войне. Ее работа под названием «Гроза двенадцатого года» появилась на третьем году горбачевской «перестройки», но сориентирована по Жилину, а «перестройка» выразилась здесь в том, что автор открыла и закрыла книгу цитатами из решений новейшего съезда КПСС и в указатель имен между фельдмаршалами Барклаем де Толли и Кутузовым включила генсека Горбачева.

Именно на этих историков равнялись почти все наши литераторы, писавшие о 1812 годе, игнорируя подлинно научные исследования темы — обобщающего (в первую очередь, академика Е. В. Тарле) и частного характера (А. Н. Кочеткова, В. В. Пугачева, А. Г. Тартаковского). Валентин Пикуль в гневе на Е. В. Тарле и А. З. Манфреда за то, что они врага России Наполеона считали умным, талантливым человеком, назвал «этих вот Тарле и Манфреда», как он выразился, «ярыми бонапартистами»[3]. Так же настроены Олег Михайлов, Сергей Алексеев, Геннадий Серебряков, Алексей Марков и многие другие писатели.

Все они трактуют происхождение войны 1812 года a la Жилин: дескать, Наполеон по своей «алчности и кровожадности» (а еще по «неутоленной, глубоко личной и весьма мелочной обиде незадачливого наемника и просителя, которому отказали в желаемом месте», то есть в просьбе 1789 года принять его, 19-летнего лейтенанта Бонапарта, на русскую службу) стремился «захватить, раздавить» Россию; Россия же по своему миролюбию хотела всего лишь оборонить себя. При этом буржуазная Франция изображается как «отвратительная тирания» и даже как «распутная девка», олицетворяющая «мрак» и «мировое зло» капитализма; феодальная же Россия — так умильно, как если бы в ней уже тогда был «развитой социализм»: вся ее внешняя политика, включая борьбу с Великой Французской революцией, представлена «правой», а о планах и фактах ее агрессии против Польши (1794), Турции (1806), Швеции (1808) и той же Франции (1799) ничего не сказано[4].

Подобно нашим историкам, писатели не спешат признать, что «алчность» царизма так же вела к войне 1812 года, как и «алчность» Наполеона. Они умалчивают, что к осени 1811 года Россия по договоренности с Пруссией уже готова была напасть на Наполеона: 24, 27 и 29 октября Александр I «высочайше повелел» командующим пятью корпусами на западной границе (П. И. Багратиону, П. Х. Витгенштейну, Д. С. Дохтурову, И. Н. Эссену и К. Ф. Багговуту) приготовиться к походу. Россия могла начать войну со дня на день — есть прямые свидетельства об этом М. Б. Барклая де Толли, П. Х. Витгенштейна, А. П. Ермолова[5]. Только вероломство Пруссии, в последний момент из страха перед Наполеоном отказавшейся поддержать Россию, помешало тогда царизму выступить первым.

Как же выглядит Наполеон по разумению большинства наших писателей? Ничтожный и тупоголовый авантюрист, «проходимец, ничего собою не представляющий», «международный бандит», трус, который «в опасности становился жалок, презрен, почти гадок», «мазурик» с «задницей в грязной луже», способный только «в бешенстве», «с яростью кретина» изумляться военному искусству русских и дрожать перед ним от «ужаса ледяного», «страха животного» задолго до Бородина, даже в кампаниях 1805—1807 годов[6] (читатель, должно быть, узнал специфический стиль Валентина Пикуля).

Дабы представить Наполеона как можно более гадким, наши беллетристы приписывают ему деяния, прямо противоположные совершенным. Особенно преуспел в этом Олег Михайлов. Вот, к примеру, два его обвинения Наполеону: «взяв Тулон, хладнокровно расстрелял картечью 4 тыс. пленных — преимущественно портовых рабочих» (в действительности, освободил этих рабочих из английского плена[7]); «не задумываясь, приказал уничтожить больных холерой [? — писатель спутал здесь холеру с чумой] в Яффе» (в действительности, проявил о них редкую заботу и лично посетил чумной госпиталь; этот его жест воспет великими поэтами разных стран, включая нашего Пушкина)[8].

Чтобы опошлить романтическую историю любви Наполеона к польской графине М. Валевской, Михайлов сообщает читателю: «Валевская повиновалась в Варшаве первому же желанию Бонапарта». Кстати, точно так же «переживал» за честь Марыси Валевской В. Пикуль. А ведь на деле завоевание Валевской стоило Наполеону больших усилий, чем иные его победы над армиями Европы, и об этом можно прочесть с подробностями в десятках книг, среди которых есть переведенные на русский язык («Мария Валевская» М. Брандыса) или написанные по-русски («Наполеон Бонапарт» А. Манфреда).

Если Наполеон под пером наших писателей сверх всякой меры принижен, расплющен, то Кутузов превознесен до высот полубога. *«Спаситель России»* — так величает его Олег Михайлов[9], не осознающий ту великую истину, что спасителем России был ее НАРОД. Возвеличиваются все заслуги Кутузова — истинные и мнимые. Замалчивается все, что говорит не в его пользу: его участие в борьбе с крестьянскими «беспорядками» 1812 года, оставление в Москве, заведомо обреченной на сожжение, 22,5 тысячи сво-

их раненых, которые большей частью сгорели; просчеты в руководстве боевыми действиями при Бородине, Вязьме, Красном и особенно на Березине; придворное низкопоклонство[10], резко критические отзывы о нем П. И. Багратиона, Н. Н. Раевского, А. П. Ермолова, Д. С. Дохтурова[11], а подобный же отзыв А. В. Суворова («Я не кланяюсь Кутузову: он раз поклонится, а десять раз обманет!») О. Михайлов пытается обратить даже в пользу Кутузова как свидетельство такой его сверходаренности, в которой Суворов не мог разобраться.

В свое время корифей всех наук изрек: «Кутузов как полководец был бесспорно двумя головами выше Барклая де Толли». Развивая этот сталинский тезис, поэт Н. И. Рыленков «подсчитал», что Кутузов как полководец был выше Барклая «на расстояние между Тарутином и Нижним».

Среди домыслов, идеализирующих Кутузова, которые писатели заимствуют у таких историков, как П. А. Жилин и Н. Ф. Гарнич, есть и тезис о том, что Кутузов был назначен в 1812 году главнокомандующим «по требованию народа». Приходится напомнить общеизвестное и бесспорное: народ тогда о Кутузове не высказывался, царь следовал мнению дворянской верхушки, а назначить Кутузова главнокомандующим предложил царю чрезвычайный комитет из высших сановников империи по докладу и рекомендации А. А. Аракчеева[12].

Ход войны 1812 года наши писатели изображают ухарски: французы с первых же дней при малейшей неудаче бегут, а русские лишь в крайности отступают, чаще просто *отходят* — и вдруг те и другие, встретившись на Немане, через два с половиной месяца почему-то оказываются под Москвой. У Сергея Алексеева русский гренадер, *отступая* к Москве, один гонит в плен «послушным стадом» целую роту французов, а когда отступают французы, их ловят старики, дети и... животные. Рассказ об этом писатель назвал: «Небывалое бывает». Ведущий публицист «Военно-исторического журнала» времен «перестройки» Карем Раш формулировал этот феномен еще затейливее: «небываемое бывает». Именно так — «небываемо» — русский генерал Костенецкий в романе В. Пикуля один отражает при Бородине атаку французской кавалерии артиллерийским банником: замах — «и человек десять полегли под копыта своих лошадей. Еще замах — и образовалась просека во вражьих рядах». Столь же играючи «расколошмачивают» и «сметают» русские любого врага (включая гвардию Наполеона) под пером других советских писателей[13].

Так, например, Лев Рубинштейн в романе «Дорога победы» писательски *измышлял*, что солдаты наполеоновской гвардии обращались в бегство, едва заслышав клич русских солдат: «Москва!» А вот что *свидетельствовал* очевидец и герой событий 1812 года Денис Давыдов — не менее замечательный русский патриот, чем Л. Рубинштейн, В. Пикуль и кто угодно.

Ноябрь. Французы отступают уже к Смоленску. Их преследуют регулярные части русской армии, а казаки и партизаны, включая отряд Давыдова, атакуют противника с флангов и даже спереди. «Подошла Старая гвардия, посреди коей находился сам Наполеон <...> Мы вскочили на коней и явились у большой дороги. Неприятель, увидя шумные толпы наши, взял ружье под курок и гордо продолжал путь, не прибавляя шагу. Сколько ни покушались мы оторвать хотя [бы] одного рядового от сомкнутых колонн, они, как гранитные, пренебрегали все усилия наши и остались невредимыми <...> Я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сих всеми родами смерти угрожаемых воинов! <...> Гвардия с Наполеоном прошла посреди толп казаков наших, как стопушечный корабль между рыбачьими лодками»[14]. Денис Давыдов понимал, что чем сильнее враг, тем славнее над ним победа, и потому не боялся писать правду.

Разумеется, в центре внимания советских беллетристов, писавших о 1812 годе, Бородинская битва. Почти все литераторы почему-то считают, что подвиг русских солдат, которые *выстояли* при Бородине в сражении с лучшей армией мира, недостаточно впечатляющ и потому надо его обязательно приукрасить. Они утверждают, что Кутузов «блестяще выполнил свой план» на Бородинскую битву и одержал в ней «крупнейшую победу», а поскольку такой вывод не согласуется с задачей, которую при Бородине ставил перед собою Кутузов («спасение Москвы»), они и кутузовскую задачу перетолковывают, подгоняя ее под результат битвы: «сохранение твердости и веры». С другой стороны, писатели заключают, что Наполеон при Бородине «впервые проиграл генеральное сражение», причем будто бы сам признал это, заявив (далее они вслед за историками, вроде П. А. Жилина, «цитируют» сказанное Наполеоном на острове Святой Елены: «Из 50-ти сражений, мною данных, в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех»)[15]. Все это заключение — сплошь путаница и бессмыслица.

Во-первых, генеральное сражение при Бородине Наполеон не проиграл и даже занял после него древнюю столицу России, а если бы даже и проиграл, то уже не впервые, ибо общеизвестен факт (засвидетельствованный во всех энциклопедиях мира), что еще 22 мая 1809 года Наполеон был разбит австрийским эрцгерцогом Карлом в генеральном сражении под Эсслингом (Асперном). Наконец, Наполеон после Эсслинга, Лейпцига и Ватерлоо не мог сказать, что «наименьший успех» он имел при Бородине. Как явствует из первоисточника, на острове Святой Елены он сказал следующее: «Битва на Москве-реке была *одной из тех* (Курсив мой. — *Н. Т.*) битв, где проявлены наибольшие достоинства и достигнуты наименьшие результаты»[16].

Писатели держатся даже за стереотипы, давно опровергнутые историками: Наполеон напал на Россию «без объявления войны»; Москву сожгли французы — даже «по приказанию Наполеона»; П. И. Багратион — «ученик», а то и «лучший ученик» Кутузова; Денис Давыдов — «первый партизан» 1812 года и т. д.[17].

В действительности же историки мира всегда знали, что Наполеон за два дня до нашествия на Россию объявил ей войну в обычном дипломатическом порядке, а в 1962 году нота Наполеона с объявлением войны России была опубликована в советском издании и вот уже более 30 лет вполне доступна любому из наших писателей[18].

Версию о поджоге Москвы Наполеоном давно опроверг — по документам — В. М. Холодковский. Правда, сторонники этой версии ссылаются на придворный вариант публикации о переговорах Кутузова в Тарутино с посланцем Наполеона Ж.-А. Лористоном, где Кутузов обвиняет Наполеона в поджоге Москвы, но, как установил почти тридцать лет назад А. Г. Тартаковский, этот вариант — фальшивка. В подлинных известиях кутузовского штаба фельдмаршал признает (не без гордости), что сожгли Москву русские — из патриотических побуждений, по принципу «не доставайся злодею!». Эти известия тоже давно опубликованы[19].

Что касается Багратиона и Кутузова, то ведь уже сто лет известны письма 1812 года, в которых Багратион (буквально преклонявшийся перед своим учителем Суворовым) ругал Кутузова за ... бездарность: «его высокопревосходительство имеет особенный талант драться неудачно», «хорош и сей гусь, который назван и князем и вождем! Если особого повеления он не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет (Наполеона. — *Н. Т.*) к вам (то есть в Москву. — *Н. Т.*), как и Барклай <...> Теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабьи и интриги». Могут ли ученики, особенно лучшие, так низко ставить своих учителей? Для Багратиона, который, как известно, терпеть не мог Барклая де Толли, Кутузов был вторым Барклаем. «Руки связаны, как прежде, так и теперь», — жаловался Багратион Ф. В. Ростопчину 3 сентября 1812 года с Бородинского поля. Совсем иначе, с подобострастной восторженностью, воспринимает Багратион Кутузова под пером Г. Д. Мдивани: встретив Кутузова, только что назначенного главнокомандующим, говорит ему: «С вами мы победим, Михаил Илларионович!», а после Бородинской битвы раненный, чуть не на руках Кутузова, восклицает: «Друг мой, *хозяин* мой <...>» (курсив мой. — *Н. Т.*)[20].

Столь же оплошна популярная у наших писателей версия о том, что первый в 1812 году армейский партизанский отряд был «создан Кутузовым» под командованием Давыдова. Еще в начале XX века было доказано, что первый в России 1812 года отряд создан М. Б. Барклаем де Толли под командованием барона Ф. Ф. Винценгероде[21]. Конечно, для русского слуха сочетание «Кутузов и Давыдов» звучит приятнее, чем «Барклай де Толли и Винценгероде», но только ради этого извращать очевидный факт грешно даже художникам, склонным к вымыслу.

К сожалению, небылицы и анахронизмы невообразимо засоряют советскую художественную литературу о войне 1812 года. Здесь и анекдотическая трактовка планов Наполеона («не пошел на Петербург» потому, что «решил, что по дороге на Москву ему будет сытнее»), и поддельные надбавки к реестру его преступлений: «это по его приказу французские солдаты едва не погубили в Альпах армию Суворова»[22] (спрашивается, зачем Суворов привел свою армию в Альпы и при чем тут Наполеон, если от тогда был в Египте?).

Здесь и гротескно-«патриотические» тезисы. Цитирую Михайлова: «Не впервые встречался Кутузов с Наполеоном на поле брани. И всякий раз своей стратегией прославленный русский полководец расстраивал планы Наполеона» — *всякий раз*, включая, стало быть, и Аустерлиц, где, как известно, армия Кутузова потерпела от Наполеона одно из тягчайших поражений за всю историю России![23] Здесь, наконец, разгульная путаница (у историков школы П. А. Жилина — Н. Ф. Гарнича, кстати, не меньшая, чем у писателей) в событиях, фактах, людях. Например, у Г. Серебрякова и А. Маркова Наполеон к 1801 году, то есть на три года раньше, чем в действительности, «уже до императоров дошагал». М. Астапенко и В. Левченко объявили «последним воином Двенадцатого года» Ж. Б. Савэна, умершего в 1894 году, не зная о том, что «воин Двенадцатого года» Г. С. Котлов был еще жив в 1912 году. И. Мюрат у В. Пикуля и А. Маркова — «бывший конюх» и «вице-король Италии», тогда как в действительности конюхом был Ж. Ланн, а вице-королем Италии — Э. Богарне. О. Михайлов сообщает нам, что в бою под Лубино 19 августа 1812 года погиб «граф Цезарь Гюден — участник всех наполеоновских походов». Между тем Цезарь Гюден графом не был, во всех походах Наполеона не участвовал, Россию никогда в глаза не видел, а 1812 год провел в Испании. Под Лубино же погиб другой Гюден — Шарль Этьен.

Бесцеремонно, вслед за П. А. Жилиным, наши писатели путают наполеоновских маршалов. Говоря о 1812 годе, называют маршалами и Ю. Понятовского, и Ж.-А. Лористона, и А. Жюно и П. Дарю, и А. Коленкура, тогда как Понятовский стал маршалом лишь в 1813 году, Лористон — в 1823-м, а Жюно, Коленкур и Дарю вообще никогда не были маршалами. Даже Кутузов, получивший фельдмаршальский жезл за Бородинскую битву, ходит у некоторых писателей в фельдмаршалах еще до Бородина.

Столь кричащая неосведомленность в истории «Двенадцатого года» не мешает иным писателям выступать с претензиями на большие и малые *открытия*. При этом они опираются на творчество все тех же историков (Олег Михайлов величает поверхностно-конъюн-

ктурное сочинение Жилина «Фельдмаршал Кутузов» «классическим трудом»), а на зарубежные авторитеты (как на буржуев) смотрят свысока. Труды всемирно знаменитого Анри Жомини, включая его 6-томную монографию «Политическая и военная жизнь Наполеона», Г. Серебряков пренебрежительно называет «брошюрками».

А вот и примеры писательских «открытий». Тот же Серебряков отверг установленный мировой историографией факт, что в битве под Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года Наполеон принудил к отступлению русской армии Л. Л. Беннигсена. По версии Серебрякова, отступать от Эйлау начал во «все убыстряющемся» темпе Наполеон, а Беннигсен его преследовал. Того же Беннигсена, одного из главных убийц Павла I, С. Алексеев вопреки здравому смыслу объявил «любимцем» императора Александра Павловича.

Согласно В. Пикулю, даже в 1805—1807 годах, то есть во времена Аустерлица и Фридланда, «Наполеон не мог противостоять свирепой мощи русской артиллерии, *всегда* бывшей *лучшей* артиллерией мира» (курсив мой. — *Н. Т.*). В действительности же Наполеон — артиллерист по специальности — именно артиллерию использовал с невиданной до него мощью: факт, общепризнанный всеми авторитетами от Федора Глинки до Фридриха Энгельса. Даже при Бородине, где Наполеон имел лишь 587 орудий против 640 русских, его артиллерия действовала маневреннее и эффективнее (в чем, кстати, заключалась главная причина больших потерь оборонявшейся русской армии). «Пальба его могла вредить более нашей, — признавал герой Бородина Федор Глинка. — Он как зачинщик действовал откуда и как хотел и действовал *концентрически* (сосредоточенно); мы как ответчики действовали, как позволяло местоположение, и потому часто разобщенно, *эксцентрически*»[24].

Итак, с конца 40-х годов советские писатели, вслед за избранным кругом историков, старались изобразить 1812 год как можно «патриотичнее», хотя бы и в ущерб исторической правде. Конъюнктурщина, заданность, стереотипность мышления довлеют над ними до наших дней. Отсюда — большая претенциозность их сочинений при малой компетентности. Сегодня все это выглядит попросту глупо. Хочется буквально воззвать к писателям (как, впрочем, и к историкам): останемся патриотами, но станем умными. Вдумаемся в слова одного из умнейших патриотов России: «Прекрасная вещь — любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное — это любовь к истине»[25]. Закон истины требует изображать былое таким, каким оно было, а не превращать его в «небываемое»!

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Речь идет о произведениях, созданных до распада СССР. В посткоммунистической России «Двенадцатым годом» писатели уже не интересуются.
2. Голубов С. Н. Багратион. М., 1943; Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом. М., 1985.
3. Кондрияненко В. У последней черты.//Комсомольская правда. 1991. 19 февраля.
4. Михайлов О. Н. Суворов. М., 1984. С. 371; он же. Кутузов. М., 1988. С. 185, 186, 446; он же. Славный год войны народной. М., 1990. С. 7; Задонский Н. А. Денис Давыдов. Историческая хроника. М., 1968. С. 161; Серебряков Г. В. Денис Давыдов. М., 1985. С. 52; Астапенко М. П., Левченко В. Г. Атаман Платов. М., 1988. С. 76; Пикуль В. С. Этюды о былом. М., 1989. С. 208; Герои 1812 года. Сборник. М., 1987. С. 255.
5. Отечественная война 1812 г. Материалы Военно-ученого архива Главного штаба (далее — ВУА). СПб., 1904. Т. 5. С. 268—270, 302—304, 313—315; Т. 10. С. 109; Записка М. Б. Барклая де Толли//Военный журнал. 1859. № 1. С. 2; Ермолов А. П. Записки. С приложениями. М., 1865. Ч. 1. С. 123.
6. Рубинштейн Л. В. Дорога победы. М., 1954. С. 447; Раковский Л. И. Кутузов. Л., 1976. С. 326—331; Виноградов А. К. Три цвета времени. Минск, 1980. С. 43; Алексеев С. П. Небывалое бывает. М., 1980. С. 541; Михайлов О. Н. Генерал Ермолов. М., 1983. С. 177, 178; Марков А. Я. Когда листаешь книгу дней. М., 1986. С. 171; Пикуль В. С. Под шелест знамен. Л., 1989. С. 259, 394—395; Задонский Н. А. Указ. соч. С. 275; Герои 1812 года. С. 255.
7. Михайлов О. Н. Кутузов. С. 48. Расстреляны же были по приговору революционного трибунала (без участия Наполеона и независимо от него) 200 горожан за сотрудничество с англичанами. Наполеон этот расстрел осудил (Наполеон. Избр. произведения. М., 1941. Т. 1. С. 19).
8. Михайлов О. Н. Кутузов. С. 514; Пушкин А. С. Герой//Собр. соч. в 10 т. М., 1981. Т. 2. С. 191.
9. Михайлов О. Н. Кутузов. С. 432. См. также: Раковский Л. И. Указ. Соч. С. 662; Астапенко М. П., Левченко В. Г. Указ. соч. С. 102; Соловьев В. А. Исторические драмы. М., 1956. С. 28; Петров (Бирюк) Д. И. Сыны степей Донских. М., 1959. С. 135; Рыленков Н. И. На Старой Смоленской дороге. М., 1969. С. 232.
10. В 1795 году, будучи заслуженным, уже 50-летним генералом, Кутузов собственноручно готовил по утрам и подавал в постель последнему екатерининскому фавориту, 27-летнему ничтожеству Платону Зубову, горячий кофе. Об этом с возмущением писал А. С. Пушкин//Собр. соч. в 10 т. Т. 7. С. 276, 387.
11. Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. СПб., 1882. С. 101; Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1887. С. 388 (отзыв Н. Н. Раевского); Письмо Д. С. Дохтурова к его супруге//Русский архив. 1874. № 5. С. 1098; Ермолов А. П. Характеристика полководцев 1812 г.//Родина. 1994. № 1. С. 56— 60.
12. М. И. Кутузов. Сборник документов. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 71—73.
13. Алексеев С. П. Указ. соч. С. 473, 575; Пикуль В. С. Под шелест знамен. С. 259; Его же. Этюды о былом. С. 188, 209—210; Рубинштейн Л. В. Указ. соч. С. 583; Серебряков Г. В. Указ. соч. С. 58; Марков А. Я. Указ. соч. С. 182; Михайлов О. Н. Славный год войны народной. С. 32.
14. Давыдов Д. В. Сочинения. М., 1962. С. 370—371.
15. Михайлов О. Н. Кутузов. С. 469—470; Рубинштейн Л. В. Указ. соч. С. 448; Задонский Н. А. Указ. соч. С. 199; Петров (Бирюк) Д. И. Указ. соч. С. 203.
16. Las-Cases E. Memorial de St. Helene. Paris, 1840. Vol. 6. P. 141.
17. Помимо уже многократно цитированных трудов см. Рыкачев Я. С. Великое посольство. Исторические повести. М., 1960. С. 310; Мдивани Г. Д. Петр Багратион//Избр. произведения. М., 1974. Т. 2. С. 414, 468; Григорьев С. Т. Двенадцатый год. М.; Л., 1941. С. 110.
18. Внешняя политика России XIX — начала XX в. Документы Российского мин-ва иностранных дел. Сер. I. М., 1962. Т. 6. С. 756.
19. Холодковский В. М. Наполеон ли поджег Москву?//Вопросы истории. 1966. № 4; Тартаковский А. Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967. С. 147; Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 47.
20. ВУА. Т. 5. С. 74; Дубровин Н. Ф. Отечественная война в письмах современников. С. 101, 109; Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников. М., 1911. Ч. 2. С. 53; Мдивани Г. Д. Указ. соч. С. 435, 468.
21. ВУА. Т. 17. С. 155, 157; Волконский С. Г. Записки. СПб., 1901. С. 175—182; Бумаги П. И. Щукина. СПб., 1908. Т. 7. С. 249—256.
22. Пикуль В. С. Под шелест знамен. С. 389; Корольченко А. Ф. Атаман Платов. Ростов н/Д., 1986. С. 107; Михайлов О. Н. Бородино. М., 1982. С. 56.
23. Михайлов признает, что Кутузов был при Аустерлице, но якобы «только наблюдал, а распоряжался всем Александр I» (Михайлов О. Н. Славный год войны народной. С. 162). Между тем, заглянув в любое из описаний Аустерлицкой битвы, легко понять, что распоряжался русской армией ее главнокомандующий Кутузов, а царь «только наблюдал».
24. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера. М., 1987. С. 321.
25. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего//Статьи и письма. М., 1989. С. 147—148.

ОЛЕГ МИХАЙЛОВ,
доктор филологических наук

В ЧУЖОМ МОНАСТЫРЕ

Н. А. Троицкий — известный советский историк, исследователь народничества, работы которого, как правило, тщательно документированы, фактографичны, основательны. И вот ученый решил применить свой опыт для переоценки исторической беллетристики о войне 1812 года.

Из всего, что было написано на эту тему в советское время, от Л. Раковского до В. Пикуля, Троицкий выделяет со знаком плюс лишь романы Сергея Голубова «Багратион» и Булата Окуджавы «Свидание с Бонапартом». Все же остальное, по его убеждению, лишь «небылицы и анахронизмы», «большая претенциозность» «при малой компетенции». Доктор наук балансирует, можно сказать, на грани фола, и, безусловно, нет смысла подражать его стилистике, порожденной, очевидно, чересчур горячим, хочется сказать — комсомольским, задором.

Выстраивая литературный ряд «небылиц и анахронизмов», Троицкий назначает их авторам в учителя военных историков сталинской и послесталинской поры: П. А. Жилина, Н. Ф. Гарнича, Л. Г. Бескровного, И. И. Ростунова, В. Д. Мелентьева, В. Г. Сироткина, О. В. Орлик (хотя я убежден, что, скажем, Валентин Пикуль, широко пользовавшийся редкими архивными документами и уникальными мемуарными свидетельствами, даже не знал по фамилиям многих из перечисленных здесь лиц). Одновременно ученый осуждает этих литераторов за неприятие, а подчас и прямое пренебрежение к таким авторам, как Е. В. Тарле, А. З. Манфред и др.

Весьма примечательно, что при этом Троицкий напрочь «забывает» об опыте дореволюционной исторической школы. Речь идет в первую очерèдь о таких трудах, как «Описание отечественной войны 1812 года» генерал-лейтенанта А. И. Михайловского-Данилевского, о работах Н. К. Шильдера, Д. Н. Бантыш-Каменского, великого князя Николая Михайловича и многих других. Не оттого ли, что они носят патриотический характер, возвеличивают войну 1812 года как народную и показывают Наполеона без обязательного, по Троицкому, героико-романтического ореола?

В трактовке ученого-историка Франция Наполеона и Россия Александра I — это две хищницы, готовые напасть друг на друга («Только вероломство Пруссии... помешало тогда царизму выступить первым — Наполеон опередил его»). Здесь уже видится прямая и, увы, конъюнктурная аналогия с противостоянием гитлеровской Германии и сталинского Советского Союза к лету 1941 года, которая вполне может в наше супердемократическое время принести ученому лавры новатора («алчность» царизма также вела к войне 1812 года, как и «алчность» Наполеона»). Тем самым вся Отечественная война окрашивается принципиально новым и неприятным цветом.

Впрочем, не все мастера «подлинно научного исследования темы» могли бы разделить такую точку зрения. Ограничусь одним примером.

«Из всех войн Наполеона война 1812 года является наиболее откровенно империалистической войной, наиболее непосредственно продиктованной интересами захватнической политики Наполеона и крупной французской буржуазии...

Заставить Россию экономически подчиниться интересам французс-

кой крупной буржуазии и создать против России вечную угрозу в виде вассальной, всецело зависимой от французов Польши, к которой присоединить Литву и Белоруссию, — вот основная цель. А если дело пойдет совсем гладко, то добраться до Индии, взяв с собой уже и русскую армию в качестве «вспомогательного войска».

Для России борьба против этого нападения была единственным средством сохранить свою экономическую и политическую самостоятельность, спастись не только от разорения, которое несла с собой континентальная блокада, уничтожившая русскую торговлю с англичанами, но и от будущего расчленения...

Отсюда и общенародный характер великой борьбы, которую так геройски выдержал русский народ против мирового завоевателя».

И это написал не П. А. Жилин, а Е. В. Тарле в своей книге «1812 год» (М., 1959. С. 415—416).

Однако дело не в следовании какой-то концепции и не в неточности конкретных оценок. Хотя и в этом плане Троицкий порой прибегает к прямым натяжкам. Так, скажем, он упрекает меня в том, что в своих книгах я грубо ошибаюсь, полагая, будто Кутузов «всякий раз своей стратегией» «расстраивал планы Наполеона». «...*Всякий раз*, — возмущается ученый, — включая, стало быть, и Аустерлиц, где, как известно, армия Кутузова потерпела от Наполеона одно из тягчайших поражений за всю историю России». К этому дается примечание: «Михайлов признает (!), что Кутузов был при Аустерлице, но якобы «только наблюдал, а распоряжался всем Александр I». Между тем, — комментирует он, — заглянув в любое описание Аустерлицкой битвы, легко понять, что распоряжался русской армией ее главнокомандующий Кутузов, а царь «только наблюдал».

Как-то неудобно напоминать ученому-историку, *как* и *для чего* создаются официальные «описания». Не буду цитировать многочисленные мемуарные свидетельства на этот счет, а снова ограничусь авторитетом Е. В. Тарле: «В 1805 г., как известно, он (т. е. Александр I) потерпел позорнейший разгром под Аустерлицем, и притом решительно ни на кого нельзя было свалить вину: *все знали*, что сам царь вопреки воле Кутузова повел армию на убой и, когда все провалилось, расплакался и убежал с кровавого поля». (Там же. С. 420).

Теперь о самом главном. Н. А. Троицкий подходит к художественным и беллетристическим произведениям с линейкой историка. И горе литераторам, если мерки не совпадают: он тогда пускает ее в ход на манер гимназического учителя Передонова. Но в таком разе ему следовало бы начать прямо с «Войны и мира».

В самом деле, ведь одним из главных обвинений, предъявленных советским литераторам, является якобы карикатурное изображение Наполеона и идеализация Кутузова. Но кто первым дал, пожалуй, самый острый шарж на французского императора? Кто показал Кутузова воплощением народной мудрости? Конечно, Лев Толстой. Но «лук звенит, стрела трепещет» лишь в направлении скромных исторических беллетристов, которых Троицкий хладнокровно отправляет за ненадобностью на помойку.

Между тем ученому должно быть хорошо известно, как Лев Толстой, подчиняя все и вся своей сверхзадаче, расправлялся с историческими фактами. Это, в частности, подробно разобрано в исследовании Виктора Шкловского «Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». «Мнение об исторической достоверности «Войны и мира», — пишет он, — современниками не поддерживалось» (С. 44). Потому что современники подходили к художественному произведению как к сумме документов.

Однако и великий писатель, и рядовой литератор вправе делать свой отбор. И если в книге о Кутузове мне было необходимо использовать мемуарное свидетельство о поведении Марыси Валевской и пройти мимо того, что пятидесятилетний Кутузов мог подавать юному фавориту Екатерины Великой кофе в постель, то я имел на это полное право. Более того, литератор, беллетрист (в отличие от историка) волен использовать для достижения своей специфически художественной цели легенду, предание, миф и может — в определенных, конечно, пределах — прибегать к художественному домыслу.

Н. А. Троицкий, разумеется, прав, когда «ловит» писателя на незнании или искажении исторических фактов (непростительно путать холеру с чумой или за Наполеона «назначать» маршалом генерала Жюно). Но если говорить в целом, «устав» историка мало подходит для «монастыря» литературы. Понятно, что каждому из пишущих дана своя мера дарования, чувства художественного такта и фантазии (в этом отношении Валентин Пикуль оставляет большинство прочих «за флагом»).

Но, независимо от масштаба литературных способностей, всех перечеркнутых Троицким беллетристов объединяла сверхзадача: на примере войны 1812 года доступными средствами пробудить у читателя патриотическое чувство. Вот это, как мне кажется, и не нравится строгому критику всего более. И не отсюда ли его крайнее, удивительное для ученого, раздражение и ловля блох по мелочам?

Принято считать, что в спорах рождается истина. Замечательный искусствовед М. А. Лифшиц сказал, что чаще истина в спорах умирает.

В наше сложное, больное время делается попытка, с помощью либерального террора, отвергнуть все и вся, отбросить все прежние ценности, не давая, по сути, взамен ничего, кроме отрицания. Мастером такого отрицания и выступает Н. А. Троицкий, имеющий, очевидно, свои ориентиры. Что же, их волен выбирать себе каждый. А для меня (как, наверно, и для большинства моих коллег по теме 1812 года) такими безусловными ориентирами могли бы служить слова Ф. М. Достоевского, занесенные им в «Дневник писателя»: «А между тем без лучших людей нельзя... Лучшие люди пойдут от народа и должны пойти. У нас более чем где-нибудь это должно организоваться. Правда, народ еще безмолвствует и называет кроме Алексея — человека Божия — Суворова, например, Кутузова, доктора Гааза...»

ДОМ ДЕТСКОЙ ПЕЧАЛИ

ФОТОГРАФИИ ВИКТОРА ВАСЕНИНА

В старинном двух-этажном здании сконцентрировались горе и боль нашего общества. Преступники, бродяжки, брошенные на произвол судьбы, бездомные скитальцы. Объединяет их всех одно — несовершеннолетие.

Детский приемник-распределитель Томского областного УВД рассчитан на двадцать человек. В иные дни здесь собирается до 40—50. Впритык стоят кровати и раскладушки. Но нередко спят в одной постели по два человека. Не рассчитывали при организации детприемника, что наступят такие лихие времена. Что родители будут выбрасывать детей на улицу, отказываться от них. Что такие масштабы примет преступность среди несовершеннолетних.

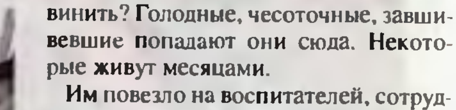

Здесь коротают время перед отправкой в спецшколы и училища юные правонарушители и даже преступники. Кто бы мог подумать, что симпатичная тринадцатилетняя Л. с книгой в руках совершила убийство.

Шестилетний Пашка — старожил. После очередного загула забирает его мамаша... до ближайшего гастронома. К вечеру голодный мальчишка снова здесь.

Пятеро ребятишек мал мала меньше — это одна семья. Ждут оформления документов в детский дом. У каждого из этих ребят исковерканные судьбы. Мало кто из них ел дома досыта, спал в чистой постели. В десять-одиннадцать лет многие не умеют играть. Кукла или машина за час-два превращается в кучу обломков. Их ли в этом винить? Голодные, чесоточные, завшивевшие попадают они сюда. Некоторые живут месяцами.

Им повезло на воспитателей, сотрудников, учителей. И многие, попав в детский дом, со слезами просятся обратно. Никто не заставлял, например, взрослый коллектив приемника-распределителя готовить своим временным питомцам подарки на Новый год. Но была елка, новая красивая одежда, праздничные наборы от Союза ветеранов Афганистана.

Покидают детприемник одни, приходят другие. И трудно надеяться, что когда-нибудь навсегда опустеет этот дом детской печали.

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЫХ

Томск

ВЛАДЛЕН ИЗМОЗИК,
кандидат исторических наук

ПЕРЕПИСКА ЧЕРЕЗ ГПУ...

«Еврейский вопрос» в Российской империи имеет давнюю историю. Он возник в конце XVIII века в связи с разделом Польши и присоединением территорий, на которых проживали сотни тысяч евреев. Государственная политика по отношению к подданным-евреям до 1917 года неоднократно менялась: от стремления постепенно расширить их гражданские права при Александре II до жесткой линии с ограничениями и притеснениями при Александре III и Николае II. Уже первые акты второй российской революции в марте 1917 года отменили официальную дискриминацию еврейского населения. В последующие годы советская печать вела целенаправленную борьбу против антисемитизма и одновременно против сионизма. Все это, однако, не означало исчезновения «еврейского вопроса» из реальной жизни советской России 20-х годов, как, впрочем, и в последующие времена.

После страшных кровавых погромов гражданской войны тысячи евреев эмигрировали в Палестину. Отъезд продолжался в 20-е годы. Одновременно советская власть, выступавшая под лозунгами интернационализма, преследовала сионистские организации или казавшиеся ей таковыми. В первых рядах борцов против сионизма выступали еврейские коммунистические секции. Как ни странно, именно они особенно настойчиво требовали от руководства страны запрета даже таких организаций, как «Гехолуц», «Маккаби» и другие[1]. Изучение иврита, географии Палестины, внимание к еврейской культуре воспринимались как политические атрибуты сионизма. Одновременно власть пыталась решить вопрос переизбытка рабочих рук в бывшей «черте оседлости» путем наделения евреев землей и приобщения их к сельскохозяйственному труду.

Наконец, в бытовом сознании старые антисемитские представления, культивировавшиеся многими десятилетиями, подкреплялись новыми реальностями. Для многих из числа «социально обиженных» революцией (эмигрантов, «внутренних эмигрантов», просто разочарованных в политике большевиков) все происшедшее легко объяснялось версией «жидовско-большевистского заговора», «засильем евреев»... Они не задумывались над несомненным фактом участия многих евреев в антибольшевистских движениях, над тем, что евреи-большевики всегда выступали с позиций интернационализма, осуждая любое национальное еврейское движение. Забывали они и о том, что основная масса еврейского населения, как и любого другого народа России, жила как все. Наконец, немало евреев, особенно молодых, теперь приезжало в крупные города, составляя конкуренцию, особенно в сфере образования и управления. В обстановке острой безработицы 20-х годов это, естественно, не способствовало преодолению антисемитизма.

Все эти настроения нашли отражение в секретных отчетах партийных комитетов, органов ВЧК — ОГПУ, в частной переписке того времени. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляет именно частная переписка. Главная «заслуга» в ее сохранении принадлежит Политконтролю ОГПУ. Продолжая вековую практику самодержавия, этот отдел занимался перлюстрацией писем. Поскольку население страны, как показывают письма, не догадывалось об этом, эти материалы, собранные вместе, позволяют достаточно объективно судить о настроениях граждан, их отношении к тем или другим проблемам.

Одной из тем был «еврейский вопрос». Заметим сразу: таких писем сравнительно немного. Волновала эта проблема прежде всего российскую эмиграцию, жителей городов советской России, особенно крупных, и ... самих евреев.

Пожалуй, наиболее остро обсуждали эту тему эмигранты. Эмигрантская пресса освещала все происшедшее в России с позиций «всемирного жидо-масонского заговора». Людям, в большинстве своем оказавшимся в тяжелейшем материальном положении, без реальных надежд на скорое возвращение домой, успешно внушали, что в их бедах виноваты прежде всего «жиды-комиссары». Юра (Юри) Эртен писал из Эстонии в 1924 году своему родственнику И. В. Бурбо в Троцк (Гатчина): *«Сейчас в СССР русских нет, ею правят жиды и немцы, все русские за границей. ...Ты не можешь даже и говорить о России, так как ты коммунист-интернационалист-жидомасон, германофил и все, что хочешь, но не русский. ...Вы свергли самодержавие, а разве у вас не самодержавие сейчас. Разница лишь в том, что правит вместо одного русского царя тройка жидов. Лучше самодержавные Романовы, чем самодержавные жиды. ...Как вам не стыдно называть себя русским, будучи коммунистом?»*[2]

В антисемитских письмах внутри России, кроме общих обвинений в адрес евреев за все происходящее в стране, заметно стремление обосновать свою вражду на конкретном материале. В чем же обвиняли евреев российские антисемиты?

Прежде всего в революции.

Раздражало и то, что в руках евреев *«в данное время все: что торговля, что служба, у них большие связи и в их руки попадает все самое лучшее»*. Житель Ленинграда писал в Сербию в октябре 1924 года: *«Еврейское засилие абсолютное. Они всюду — в партии, на фабриках, на службах — всюду, где тепло и не дует, а где не платят месяцами жалованье, там их нет, там публика попроще — интеллигенция. ...Россия — это Палестина»*.

Евреи-торговцы обвинялись в тяжелом положении крестьян. Житель Киева писал в Кронштадт в марте 1925 года: *«Теперь живут жиды, как в Евангелии написано: «Как птицы небесные, не сеют, не жнут, а лучше вас живут». А через что так жиды хорошо живут? А через то, что... осенью хлеб очень дешевый, а крестьянина заставляют продавать, а кому продает? Известно, жиду. А потом, как станет хлеб дорогой, то жид сколько хочет, столько и возьмет с бедного крестьянина»*[3]. Евреев-служащих упрекали в том, что они отнимают работу у своих коллег: *«...опять произведено сокращение служащих. И все это Иваны да Петры, Матрены да Акулины, но Оцек и Срулек, Этек и Реввек нет среди сокращенных. А между тем ими наполнена вся канцелярия»*.

В 1924 году по решению партийного руководства проводилось значительное сокращение числа студентов. Во главу угла были поставлены социальные принципы и политическая благонадежность. Но антисемитская молва охотно подхватила тезис об особых преимуществах евреев при получении образования. В письме в Сербию в апреле 1924 года читаем: *«Павел и все его приятели ждут своей участи. Ну ясно, иерусалимские академики останутся, коммунисты, вообще партийные. У, проклятые, они все знают»*[4]. Из Калуги утешали родственника в Ленинграде: *«Узнали, что тебя не допустили до экзамена. Наплюй на эту консерваторию жидовскую. Очевидно, теперь только им дорога открыта. Конечно, предпочтение отдали жидовину, чем тебе. Теперь их царство»*[5].

Авторы таких писем утверждали, что при общей скудости лишь евреи *«живут хорошо... жены их разряжены в пух и прах»*[6]. В подобных посланиях сквозила убежденность, что *«жид ведь никогда не будет физически работать, разве только по недоразумению»*[7]. И даже присутствие евреев в армии все равно вызывало раздражение. Т. Петрусевич, служивший в 8-м радиобатальоне в Новочеркасске, писал курсанту I Ленинградской военно-инженерной школы П. Казекину: *«А сколько жидов у нас теперь в батальоне! Куда ни посмотришь, всюду рожу этакую увидишь, что поневоле досадно станет. А ходят-то, как ходят, а, между прочим, какие они все заносливые. Выше всех себя ставят»*[8].

Все эти материалы наводят на мысль, что в 20-е годы для некоторых людей слово «еврей» отражало не столько определенный национальный тип, сколько, в первую очередь, социальный слой, занявший теперь господствующие позиции в управлении, науке, торговле и других «теплых» местах. Поэтому понятие «еврей» нередко ассоциировалось с начальниками, чиновниками, бюрократами. В представителях этой национальности аккумулировался «образ врага», ответственного за все невзгоды и неустройства жизни.

В этом смысле весьма интересны сообщения, связанные с откликами населения на смерть Ленина. Сводки ГПУ по Тверской губернии отмечали распространение слухов, что Ленина *«отравили жиды, стремящиеся захватить власть в свои руки, так как Ленин якобы говорил, что необходимо отменить единый налог для крестьян и налоги для торговцев, но что Троцкому и всем жидам этого не хотелось»*, что *«Ленин отравлен врачами-евреями»*[9] (это за 29 лет до сообщения о «деле врачей»!). Из Белоруссии сводка ГПУ сообщала о разговорах крестьян, что *«не надо сдавать продналог, т. к. после смерти тов. Ленина он поступит евреям»*.

Особенно часто в письмах звучит мотив об изменении облика городов России, прежде всего столичных, из-за наплыва евреев. Вот как изображал Ленинград автор письма в Югославию в ноябре 1925 года: *«На панелях публика в кожаных тужурках и серых шинелях, плюющая тебе в лицо семечками, и масса жидов, словно ты в Гомеле, Двинске или Бердичеве, с длинными пейсами и чувствующих себя совершенно дома»*[10]. Раздражение вызывало не только само присутствие евреев, но и то, что они становились конкурентами, в частности, в жилищном вопросе. В ноябре 1925 года в письме из Москвы сообщалось: *«Проклятый квартирный вопрос так и не могут разрешить... Все переполнено евреями. Для нас помещения нет, а для них моментально готова комната»*[11]. Через несколько десятков лет советский горожанин, по-прежнему живущий в крайней тесноте, будет нередко винить в этом приезжающих

из деревни и вызывающих к себе родственников.

Письма и сводки рассказывают об атмосфере антисемитизма в некоторых учебных заведениях, о случаях избиения евреев хулиганствующей молодежью. Рассказывая о жизни в Ростове, автор письма в Ленинград в октябре 1925 года замечал: *«А в Университете еще хуже... антисемитизм такой, что к этому я никак не могу привыкнуть».* В это же время житель Псковской губернии описывал, как проходил у них набор в армию: *«Пока они ехали в уездный город, много сделали погрому, везде почти били евреев и грабили»*[12]. В докладе о состоянии петроградских вузов в конце 1923 года ГПУ отмечало, что во 2-м Политехническом институте студенты 2-го курса Д. Насонов и В. Наумов создали «Союз борьбы против евреев» с целью *«не пропускать на ответственные посты Института евреев»*[13].

Антисемитские настроения, как отмечают все источники, усилились во второй половине 20-х годов. По требованию руководства партийные комитеты и органы ОГПУ готовили специальные секретные сводки об антисемитизме. В них отмечалось, что *«антисемитские настроения больше всего имеют место среди служащих в довольно скрытой форме»*, но *«среди рабочих это проявляется более открыто».* В подтверждение, в частности, приводился такой факт: на заводе «Красный выборжец» в Ленинграде выступление антисемитского характера на общем собрании было встречено бурными аплодисментами. Суть обвинений носила тот же социальный характер: *«евреи пользуются особыми привилегиями», «все они пройдохи», «большинство* (евреев. — *В. И.*) *так и метят пролезть на хорошие места»*[14]. Представляется, это было связано с растущим общим недовольством жизнью, которая оставалась крайне трудной и тяжелой. Революционные лозунги, обещавшие счастливую, сытую жизнь, становились все более призрачными. Сводка Западно-Татарского обкома ВКП(б) от 13 мая 1927 года сообщала о разговорах среди рабочих завода № 40: *«Пора делать вторую революцию, свернуть башки коммунистам и восстановить настоящее рабочее правительство».* В многочисленных письмах руководству страны, в редакции газет звучал простой и четкий мотив: *«Мы хотим работать и быть сытыми».* В этой обстановке, как уже говорилось выше, образ «еврея», с учетом его активного участия в революционном движении и органах новой власти, наряду с фигурами «спецов» и «нэпманов» для многих становился образом «внутреннего врага».

Вместе с тем нет оснований и преувеличивать степень сознательного антисемитизма, в частности в рабочей и крестьянской среде. В тех же материалах Ленинградского ГПУ сообщалось, что на Металлическом заводе *«в отношении дискуссии о тов. Троцком* (имеется в виду дискуссия 1923—1924 гг. — *В. И.*) *часть рабочих стояли за тов. Троцкого, мотивируя тем, что тов. Троцкий идейный», «симпатии значительной части беспартийного студенчества склоняются на сторону Троцкого»*[15].

Антисемитские настроения существовали не только в беспартийной или антисоветски настроенной среде, но и среди членов партии, комсомола, несмотря на официальное суровое осуждение этого. Из Киргизии женщина сообщала: *«Моя соседка, идеалистка-партийка, начинает пропитываться моими юдофобскими идеями. Обидно в таких углах нашей родины видеть на ответственных местах лишь евреев. Даже в таких глухих городишках, где их обычно очень мало. Ведут за собой толпу, они же и руководят. Меня до сих пор все это коробит и злит»*[16].

Столь же откровенно высказывались комсомольцы. Демобилизованный красноармеец жаловался из Москвы: *«Я еще не устроился. Райком ничего не может сделать, только знакомство и больше никаких гвоздей. Да плюс к тому иметь нахальство «жида», да быть хорошим карьеристом, тогда что-нибудь выйдет. Походил я по всей Москве, и что же ты думаешь, на каждом шагу еврей да жид. У, проклятые! Ты скажешь, комсомолец, а так смотрит на нацию, да приходится так смотреть»*[17].

Наличие таких настроений среди комсомольцев и коммунистов не было секретом для руководства. Выборгский РК ВКП(б) Ленинграда докладывал в марте 1927 года: *«Антисемитские настроения среди комсомола проявляются более открыто, чем у партийцев»*[18]. В сводке Московско-Нарвского РК ВКП(б) приводились тексты стихотворений комсомольца В. Стрелкова «Бей жидов» и члена партии слесаря чугунно-литейной мастерской завода «Красная Вагранка» Кингеева «Современная Москва». Вот какой виделась столица автору последнего стихотворения:

«Смотри туда, смотри сюда,
Всегда увидишь ты жида,
Вот революции плоды:
Одни жиды, жиды, жиды...
Жид-доктор, инженер, артист,
Жид-спекулянт и жид-чекист. ...
Жид-председатель в каждом тресте,
Всегда лишь на командном месте.
Но не увидишь никогда за плугом иль сохой жида.
...Зачем трудиться на земле,
Коль можно заседать в Кремле»[19].

В действительности жизнь российских евреев была весьма непохожа на ту, какой ее изображали сознательные или бессознательные антисемиты. Безусловно, был слой достаточно состоятельных евреев, занимавшихся коммерцией, служивших в концессионных предприятиях. Большинство же, как и все население страны, искало работу, заработка, чтобы прокормиться.

Даже наличие места не освобождало от боязни сокращения, заставляло проводить на службе дополнительное время. Вот как описывала свою семейную жизнь жена одного служащего из Ленинграда: *«Абрам получает на службе 100 р. Занят не так, как у вас пишут о нас — 8 часов, а 12 и 14 ч. Работа адская. Все службы теперь государственные. Приходится работать сверх сил, чтобы как-нибудь существовать. У нас ведь все безумно дорого. Как видишь, не все так блестяще на Руси, но мы все, видно, так намучились в Советской России, рады покою душевному»*[20]. Некоторые пытались заниматься мелким бизнесом, получая посылки из-за границы или из столичных городов и распродавая их содержимое. Заработок был неплохой, но связан с риском, поскольку нарушались существующие законы — такого рода деятельность считалась спекуляцией. Не случайно на копиях подобных писем содержится пометка о направлении их в Экономический отдел ГПУ.

Но особенно тяжело приходилось основной массе еврейского населения в бывшей «черте оседлости». Обстановку там передает письмо из Могилева: *«Дела кошмарные. Город населен нищими. Пограничный город лишен всякой промышленности, и вся торговля заключается в том, что несколько евреев торгуют селедкой, которую режут на маленькие кусочки и таковую продают на местном рынке. В общем, жуть»*[21]. Попытки же властей организовать наделение евреев землей для сельскохозяйственного труда не решали проблему.

Позволю себе привести большое письмо на эту тему из Ленинграда в Германию в октябре 1925 года: *«Сообщаю тебе, что тебя интересует, о деятельности «Комиссии землеустройства евреев» при ЦИКе СССР. Общее количество евреев, нуждающихся в организации* (так в тексте. — *В. И.*), *определяется в 225 тыс. семейств, для них требуется в среднем 27 тыс. десятин. Из этого количества только часть, зарегистрировавшаяся в Евсекции, получит землю. Но общее количество аграрированных евреев очень ничтожно. Чем же объясняются эти «громадные» успехи еврейской колонизации? ...Во-первых, недоверием масс к самой работе евсекции, вследствие частых непрекращающихся до сих пор «чисток», которые выливаются в изгнание из коллективов часто весьма нужных и здоровых элементов коллектива, т. к. «чистка» производится по принципу политической неблагонадежности, а также и за бюрократизм в учреждениях. Еврейская секция часто назначает комсомольцев в переселенческие коллективы против их воли. Производится усиленная борьба с проникновением в переселенческие коллективы всякого рода сионистов. В члены ОЗЕТа фактически принимаются «честные беспартийные», никакой критики не дозволяется под страхом административных мер. ...И, наконец, недоверие масс к работе вызвано также тем, что евр. секция ведет борьбу с палестинизмом* (т. е. эмиграцией в Палестину. — *В. И.*), *используя все органы для этой цели. Несмотря на все, необходимо подчеркнуть внимание высших органов Совласти к мероприятиям по аграризации: так, отпущено 200 тыс. рублей. Для успешной же работы необходимо добиваться организованности еврейства ОЗЕТа с целью превращения их в демократические самоуправляющиеся организации. Необходимо устроить переселенческие союзы. Необходимо создать переселенческий банк, куда должны вливаться заграничные капиталы. Необходимо усиленно бороться против антипалестинской ориентации, для чего необходима* ШИРОКАЯ ФИНАНСОВАЯ ПОМОЩЬ *(так в тексте. — В. И.), которая несомненно прекратит антипалестинский характер ОЗЕТов»*[22].

Кроме этих общих причин существовало вполне объяснимое нежелание местного крестьянского населения делиться землей с новыми претендентами на нее. В письме из Белоруссии в Ленинград говорилось: *«Земли нам не дают. Каськовцы говорят, что жиды нам не нужны, а там, где наш огород и сарай, отбили* (т. е. отвели. — *В. И.*) *другим. Нам оставили только клинок в 1 1/2 десятины. Это они сделали с целью выжить нас. Жаловаться некому, округ далеко, чем кончится, неизвестно»*[23].

Российских евреев волновали не только экономические, но также духовные и политические проблемы. Житель Ленинграда в письме от 18 июня 1925 года стремился убедить брата в США, что *«не нужно было уезжать, еврей теперь имеет все права, как и все граждане. Нет городовых, нет черты оседлости»*[24]. Но были и другие точки зрения. В августе того же года цензор анализировал письмо из Витебска в Палестину: *«...отправитель... очень недоволен тем, что Советская власть изгоняет из школ древнеевр[ейский] язык, что способствует, по его мнению, полнейшей ассимиляции евр[ейских] масс»*[25]. Схожая точка зрения высказывалась и в других письмах: *«У нас жизнь в материальном отношении становится все легче... Только вот в отношении духовном положение остается таким же. Нет еврейских беспартийных журналов, газет. Ничего не узнаешь, что делается в еврейской жизни на Западе, в Палестине, в Армении»*[26].

Наиболее ярко идейное противостояние различных политизированных групп в среде российских евреев проявлялось в деятельности сионистских организаций и в том преследовании, которому они подвергались со стороны властей в эти годы. Сионистские организации весьма различались по провозглашаемым лозунгам, методам деятельности. Большинство из них придерживались социалистической ориентации. Объединяла их, пожалуй, идея переселения евреев в Палестину и создания там «еврейского национального очага». Так, листовка «Ко всей еврейской трудящейся молодежи г. Минска», выпущенная сионистско-социалистическим союзом молодежи, заканчивалась призывами: *«Свободу трудящимся в СССР! Нет свободы еврейских трудящихся без трудовой национально-персональной автономии! Да здравствует еврейская социалистическая Палестина! Да здравствует верная защитница еврейских трудящихся — сионистско-социалистическая партия!»*[27]

В борьбе с сионистским движе-

нием, пожалуй, наибольшую активность проявляли еврейские коммунистические секции. В мае 1924 года неизвестный автор писал из Псковской губернии в Швейцарию: *«Я националист-сионист... Меня возмущает, когда 18-летн[ие] мальчишки и девчонки, ни черта не знающие о сионизме, ни об истории евреев, когда эта коммунистическая молодежь, стремящаяся к унижению национальности, презрительно фыркает на сионизм, как на «мелкобуржуазное течение»*[28].

Но идейной борьбой дело не ограничивалось. Хотя ряд организаций сионистской направленности легально существовал в СССР до конца 20-х годов, в том числе Еврейская коммунистическая рабочая партия «Паолей-Цион», имевшая в Москве свой ЦК, все они находились под постоянным наблюдением органов ОГПУ. Информотдел ЦК готовил регулярно для руководства партии сводки о сионистском движении. В 1925 году в справке на имя Сталина отмечалось: *«В материалах Киевского, Подольского, Черниговского, Гомельского и некоторых других парткомов (апрель—июнь) имеются указания об оживлении деятельности сионистских организаций. ...Аналогичные указания имеем из ряда других районов... Основной базой для распространения сионистских идей служит еврейская молодежь и мелкий разорящийся местечковый торговец. ...Попадается и рабочая молодежь»*[29]. Это же подтверждает и письмо из г. Любар Волынской губернии: *«Наша ячейка перешла на еврейский язык, потому что в Любаре организовалась довольно сильная сионистская организация, которая привлекла большую часть еврейской рабочей молодежи»*[30].

Постоянно происходили аресты работников сионистских организаций, в том числе легально существовавших. Секретный отдел ОГПУ в марте 1923 года докладывал в ЦК РКП(б) об обысках, произведенных у активных членов сионистских организаций, и аресте 49 человек из них[31]. По данным начальника Секретного отдела Т. Д. Дерибаса, в 1924 году имелось *«12 агентурных групповых разработок»* сионистских организаций, *«по коим проходят 372 чел.»*, *«одиночных агентурных дел за 1924 год — 986. На учете... на 1. 01. 24 г. — 750 чел. Взято вновь на учет по данным 1924 г. — 1520 чел. Групповых дел — 55»*[32].

О том, как это происходило на местах, рассказывают письма. И. К. Давыдович из Минской губернии писал 15 июля 1924 года своему другу, курсанту Ленинградской школы подводного плавания Г. Стельмашенку: *«Есть сионистская организация, хотя сионисты уже были арестованы и посидели в допре* (дом предварительного заключения. — *В. И.*), *но все-таки еще не перестают работать. Я эту ночь ходил в конспиративный караул для раскрытия сионистской организации»*[33]. О судьбе одной из таких арестованных писала женщина из белорусского города Рогачева во Францию в апреле 1925 года: *«Мою дочь, которая учится в Ленинграде, арестовали. Она, видите ли, не коммунистка. А раз не коммунистка, то значит сионистка, и за это ее в числе 60 человек осудили на поселение в Оренбурской губ. У нее нашли сионистскую литературу. Подумаешь, какое преступление. Даже при Николае не могло быть таких случаев. Они хотят, чтобы все были с ними, с их идеями, а не против их»*[34].

Некоторые сионистские легальные организации пытались протестовать против преследований, обращаясь в ЦК РКП(б). В письме от 1 июля 1925 года руководители ЕКРП «Паолей-Цион» обвиняли властные структуры в том, что *«последнее время взят курс систематических преследований и удушения нашей деятельности. ...Материалы нашего центрального ежемесячного органа — «Еврейская пролетарская мысль» — задерживаются Главлитом по нескольку месяцев. ...Редактирование наших материалов Главлитом носит характер либо полного запрещения, либо совершенно произвольного оперирования... искажающего мысль автора и его формулировку»*, и делали вывод, что *«такую систему травли по отношению к другой легальной* (выделено авторами письма. — *В. И.*) *советской партии, которой не дается возможность не только дискутировать, но даже просто опровергать возводимую на нее ложь и клевету, вряд ли можно считать допустимой»*[35]. Комментируя по просьбе секретаря ЦК А. А. Андреева эту жалобу, руководители ОГПУ Г. Г. Ягода и Я. С. Агранов доказывали полную правомерность действий чекистов. Они, в частности, писали: *«Считаем, жалобы ЦК ЕКРП неосновательны. Советские органы относятся к ним гораздо более корректно и терпеливо, чем этого* (сохранена орфография подлинника. — *В. И.*) *бы следовало. ...Политика запрещения антикоммунистических произведений в изданиях ЕКРП ПЦ и других стеснений в области массовой работы... проводилась согласно директивы совещания при Орготделе ЦК РКП в прошлом году в том смысле, что ЕКРП ПЦ ликвидировать не следует, но не нужно давать ей возможности широкого распространения»*[36].

Но репрессивные меры не могли подавить ни одно идейное течение. Это подтверждает и письмо, пришедшее в апреле 1925 года из Полтавы в Ленинград, — своего рода психологический автопортрет сознательной участницы сионистского движения: *«Я мечтала и мечтаю о медицине, но это напрасно. У нас принимают членов союза и членов комсомола, а себя не могу продавать за чечевичную похлебку. Ты наверно слыхал, мы — ярые сионисты. Да, я ярая сионистка. До 2-го сентября я работала, но идеологически была не очень укреплена. Но с того момента, в день крестовых походов, т. е. арестов в СССР, куда и я попала, хотя сидела не в допре, а в ГПУ, как несовершеннолетняя, я задавала себе вопрос, за что я сижу, за что томятся мои братья в Советских тюрьмах, за то, что мы евреи и*

хотим улучшить их положение, так они страдают экономически, духовно и морально т. е. создать правохраненное убежище в П-не (Палестине. — *В. И.*), *я дала себе клятву перед бело-голубым знаменем быть верной дочерью своего народа и буду всегда этим, но знай сколько нас не преследуют, арестовывают хороших работников, но им смена есть, я лично сейчас работаю в детском движении и готовлю будущих борцов за П-ну, есть пословица, сколько не коси траву, но скоро вырастет другая. Так и с нами, нас хотят Евсекция и ГПУ своими репрессиями уничтожить и забирают кадры хороших работников, но наши дети нас заменят, эмиграция теперь в Палестину колоссально большая, даже на время приостановили визы выдавать, я наверное скоро уеду в П-ну; виза можно сказать есть у меня»*[37].

Все эти материалы, на наш взгляд, показывают, что в 20-е годы *«еврейский вопрос»* оставался одной из сложных, болезненных тем в повседневной жизни для немалой части населения СССР, особенно его центральных районов. В декабре 1927 года Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин говорил в отчетном докладе XV съезду партии: *«У нас имеются некоторые ростки антисемитизма не только в известных кругах средних слоев, но и среди известной части рабочих и даже среди некоторых звеньев нашей партии»*. В резолюции съезда «антисемитизм» упоминался как одно из проявлений враждебного «пролетарской диктатуре» влияния частнокапиталистических слоев на трудящихся в *«культурно-политической и идеологической»* области[38]. Таким образом, эта проблема рассматривалась лишь в контексте «классовой борьбы». Между тем секретные материалы, как мы уже убедились, указывали на самые различные ее аспекты.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Всероссийская трудовая организация «Гехолуц» занималась организацией сельскохозяйственных коммун и производственно-технических артелей в районах компактного проживания евреев; ликвидирована постановлением НКВД СССР от 25 января 1928 г. «Маккаби» занималась организацией физкультуры и спорта среди еврейского населения.
2. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД). Ф. 16. Оп. 5. Д 5911. Л. 140.
3. Там же. Оп. 6. Д. 6937. Л. 166.
4. Там же. Оп. 5. Д. 5911. Л. 108.
5. Там же. Оп. 6. Д. 6942. Л. 140.
6. Там же. Д. 6945. Л. 77.
7. Там же. Д. 6946. Л. 88.
8. Там же. Оп. 5. Д. 5915. Л. 283.
9. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 708. Л. 15, 17.
10. ЦГАИПД. Ф 16. Оп. 6. Д. 6945. Л. 148.
11. Там же. Д. 6946. Л. 80.
12. Там же. Д. 6943. Л. 180, 131.
13. Там же. Оп. 5. Д. 5919. Л. 11—12.
14. Там же. Оп. 7. Д. 8493. Л. 1, 2.
15. Там же. Оп. 5. д. 5907. Л. 71, 104, 115.
16. Там же. Оп. 6. Д. 6944. Л. 226.
17. Там же. Оп. 6. Д. 6947. Л. 182.
18. Там же. Оп. 7. Д. 8493. Л. 4.
19. Там же. Л. 20.
20. Там же. Оп. 6. Д. 6944. Л. 133.
21. Там же. Д. 6945. Л. 181.
22. Там же. Д. 6944. Л. 201—202.
23. Там же. Л. 250.
24. Там же. Д. 6940. Л. 58.
25. Там же. Д. 6942. Л. 27.
26. Там же. Д. 6947. Л. 187.
27. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 901. Л. 165—165 об.
28. ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 6. Д. 5911. Л. 97.
29. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 907. Л. 17—19.
30. ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6947. Л. 323.
31. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 643. Л. 4—5.
32. Там же. Ф. 76. Оп. 3. Д. 306. Л. 168.
33. ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 5. Д. 5913. Л. 69.
34. Там же. Оп. 6. Д. 6938. Л. 3.
35. РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 1015. Л. 1—1 об.
36. Там же. Л. 8.
37. ЦГАИПД. Ф. 16. Оп. 6. Д. 6938. Л. 167.
38. Пятнадцатый съезд ВКП(б). Декабрь 1927 года. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1961. С. 74.

ПИСАТЕЛЬ КОНСТАНТИН БЕЛОВ:

«Жажда самопознания остается в народе неутоленной...»

Обращение к истории оказалось в наше время одной из самых насущных потребностей человека. Тому есть причины, понять которые интересно и поучительно.

В прошлом нет ничего, что исчезает бесследно и не имеет отображения в современной жизни, а в современной жизни нет ничего, что не имело бы зародыша и развития в прошлом. Любое событие, как в фокусе, как в перекрестье, собирает причины свои из прошлого и уходит в будущее в виде своих многочисленных и разнообразных последствий. И нет исключений ни для «застойной» эпохи Николая I, ни для «революционной» эпохи Александра II или Петра, ни для «понятной» эпохи Александра III или Павла.

С удивительным постоянством и настойчивостью современный человек, желающий понять свое время, возвращается мыслями вспять. От Петра и Екатерины отвыкли, Пушкин и декабристы наскучили, события нашего века оболганы и запутаны в тугой узел партийных интересов. В этих условиях особенно привлекательной становится эпоха Александра III, особенно для тех, для кого история началась в 1895 году, то есть уже после его смерти, а закончилась через 90 лет, когда наши историки и писатели, побросав изолгавшиеся перья, занялись сведением счетов, выясняя, кто из них более и кто подлее нагадил в душу своему народу.

Стыдно выслушивать пререкания и наблюдать сведение счетов — народу это скоро опротивело. Он ответил, как плевком в лицо, могучим явлением «самиздата» и ушел в фантастику, детектив, порнографию, секс, как в отхожее место, чтобы облегчить желудок от их недоброкачественной литературной продукции, вызывающей тошноту.

В то же время жажда самопознания остается в народе неутоленной, душа его голодает, народ изнывает в тоске по живому, целебному слову, теряет вес, и энергию, и веру в свое великое историческое предназначение.

Здоровье народа расшатано, и теперь для поправки его нужна простая и здоровая пища, не испорченная пряностями идеологии, не отравленная злобами дня, приготовленная не наспех, не походя и не жульем литературным, а серьезными литературными мастерами, наследниками идейных традиций, заложенных в золотом XIX веке.

И еще есть причина, возвращающая нас вспять на столетие.

Реформы Александра II вызваны были застоем николаевской эпохи. Преобразования экономической, общественной и государственной жизни, заявленные ими и осуществленные едва наполовину, испугали Россию, прошли по живому, исторгли исступленный протест радикалов, с одной стороны, консерваторов — с другой, и у всех — чувства боли, ужаса и негодования, выражением которых явилась понятная эпоха Александра III.

Это была реакция естественная и непроизвольная: так отдергивают обожженную руку, так отступают перед внезапно открывшейся пропастью, так свергают кумиров, не оправдавших надежд. Далее начинаются размышления, и анализ, и поиски компромиссов, и открытие новых путей, и воздвижение новых кумиров. Наступает «очередь мысли и разума», как характеризовал эпоху Александра III ее гениальный современник.

И вот оказалось, что нет в истории нашей периода более подходящего для аналогий и сравнений, потому что и мы переживаем в настоящее время такую же понятную эпоху.

В предлагаемой читателям книге нет назиданий и нарочитых сопоставлений, автор по возможности избегал их. Тем не менее, ввиду сказанного, сближения естественны — без них изложение могло показаться надуманным и фальшивым. Прошлое не изжито, в нем содержится много поучительного для нас. Почему и кажется мне, что работа, проделанная мною, небесполезна.

О ее достоинствах и недостатках отныне будут судить читатели, в то время как мне остается надеяться на их благосклонность и снисхождение.

Наследие

Неизвестные рассказы И. Шмелева

Любовь великой актрисы

Путешествие к святым местам

У первых христиан был такой обычай: они спрашивали не про то, как брат их жил, а — как умер. Писатель Иван Шмелев мог бы перед Господом достойно ответить на оба вопроса.

Но теперь, когда скрывать как будто нечего, можно раскрыть и несколько вещей, бывших до последнего тайнами. Ведь писательская судьба неминуемо ими обрастает. Еще в блаженные времена глаголемого застоя Олег Михайлов, издавая в «Худлите» двухтомник Шмелева, ловко как поступил: в ссылках вместо Белграда и Парижа поставил Москву с Ленинградом, а потом, уже на стадии сверки, пользуясь невежеством редакции, пришел и поменял липовое указание на истинное. Ему возмущенно возразили только: «Но это будет за ваш счет!» Он махнул рукою: «Ладно». А когда книги вышли в свет, поднялась суета — да поздно. Правда, ему наказали больше никогда в том учреждении не появляться. Однако время судило иначе.

Мне довелось поместить в журнале «Москва» в прошлом году одно из самых, наверное, пронзительных творений Шмелева — повесть «Няня из Москвы», чрезвычайно любимую русскими изгнанниками и не вошедшую в шмелевский двухтомник. Но и тогда еще нельзя было сказать о тайне смерти ее создателя.

Иван Шмелев.

Дело в том, что в годы войны он, оставаясь в Париже, однажды посетил панихиду по убиенным от большевиков, отслуженную в русской церкви. Причем уж кто-кто, а этот человек имел на то право: единственный его сын был злодейски расстрелян в Крыму Белой Куном. А потом, многократно посылая запросы в американское посольство на право въезда, постоянно получал отказ. Лишь много после кончины выяснилось, что в личном деле Шмелева они из-за этого навсегда поставили крест. И это при том, что прославлявшая Гитлера Нина Берберова вполне легко перебралась профессорствовать за океан.

Но подлинный крест поставил в его судьбе Создатель. Иван Шмелев вместо Америки отправился в русский православный монастырь, расположенный в местечке Бюсси-ан-От. Был радушно принят настоятельницей и насельницами, сел за стол — и скончался. Нам всем рано или поздно это предстоит, но такой смерти удостаивается только праведник.

Предлагаем отечественному читателю рассказ из его посмертной книги, вышедшей во Франции и практически неизвестной нашей публике, зна́ково озаглавленной «Свет вечный».

В будущем «Родина» предполагает опубликовать еще несколько вещей из этого уникального сборника.

ПЕТР ПАЛАМАРЧУК

ИВАН ШМЕЛЕВ

У ДЬЯВОЛА НА ПИРУ

— А какая она, правда?
— А круглая. Как хошь верти — все одна, куда хошь кати, все одна.

РАЗГОВОР В НАРОДЕ

Круглая правда выкатилась на свет Божий, такая круглая, такая простая, ясная, что и слепой, если не увидит, так все же поймет, наощупь. Правда эта была — «все одна», как ее ни вертели, как ни катали и ни закатывали в пестрые лоскутки, как ни закрашивали, как ни глушили ее рокотом громких слов. Выкатилась таки кругло и жестко, шаром. Правда, сущая правда «народной воли».

На погосте былой России, в СССР, отпраздновали — под подвальный салют убийц — пятидесятилетний юбилей рождения «Народной Воли» — той партии террора, которая убила бомбой Императора Александра Николаевича, 1 марта 1881 года, — убила Царя-Освободителя, воистину освободителя русского народа и освободителя Славянства.

Так пристало большевикам вспомнить своих предшественников, торивших для них дорожку, — отблагодарить посильно: кровью одною мазаны. Там, в прошлом юбиляра, сотни трофеев террора, трофеев «из-под полы», и между ними — истерзанный бомбой труп Царя-Освободителя; здесь у большевиков, — миллионы трупов, из всех русских сословий и родов, и в подавляющей массе, *крестьянских* трупов! — и между ними, как венец завершения убийств, истерзанные трупы всей царской семьи, родителей и детей, и слуг их... — трофеи открытой бойни, продолжающейся двенадцать лет и поныне еще незавершенной.

Большевикам пристало отпраздновать и почтить. Но как же... идеалистам и героям... — а они, юбиляры, русским образованнейшим обществом всегда почитались за таковых, а иными и по сей день почитаются, — как же «идеалистам и героям» пристало оказаться на этом пиру у дьявола? И не только оказаться, а и сказать такое, что... вся круглая правда и выкатилась на свет Божий! Выкатилась, — и сплошь залитыми кровью всего народа, мученической кровью всего трудового люда русского, во имя которого и шли на террор, оказались эти прославленные «идеалисты» и «герои». Не силой привлекли их на пир у дьявола, а пришли они сами и вспомянули радостно «геройство-идеализм», при звуках подвального салюта, и были безмерно счастливы, «что дожили до такого дня»!

Да кто же это пришел на пир, и до *какого* дня дожили?!

Пришел старый народоволец, герой-шлиссельбуржец — и писатель еще! — Н. А. Морозов, считавшийся русским передовым обществом за героя и страдальца, за человека не от мира сего, своего рода святым в революционерах, с мистическим уклоном духа, изыскателем и вскрывателем сокровенных тайн Апокалипсиса, — тот Н. А. Морозов, который писал когда-то в «воспоминаниях»: «не народу надо учиться у нас, а нам у него», «Власы» спасут себя и нас... А?! «Власы», некрасовские Власы... те «Власы», которые уходили от дьявола и шли по Руси собирать на церковь Божию, которые жизнь свою отдали Богу до конца. И вот, этот самый Морозов, этот народолюб, этот Власо-люб, — стоя на краю могилы, приплелся-таки на пир у дьявола и заявил, глубоко взволнованный, хозяевам дьяволова праздника: «Я глубоко счастлив. Я счастлив, что дожил до этого дня. Вы закончили дело, начатое нами». И круглая правда выкатилась: счастлив, что «дело завершено». Какое дело, Морозов прекрасно знает. Не может же не знать, что убийство Царя-Освободителя, самое громкое дело их, нынешних юбиляров, убийство Царя-Освободителя, давшего народу волю и землю, ныне завершено хозяевами пира убийством *всей* Царской Семьи, убийством и пытками всего стапятидесятимиллионного русского народа и полной кабалой, полнейшим закрепощением на отнятой у народа земле, такой кабалой, перед которой древнейшие виды рабства отступают, ибо в этой дьявольской кабале все человеческое отнято и стерто, и миллионы народа обречены на медленное умирание голодной смертью. «Начатое дело — завершено». Вот она, какая правда выкатилась — невольно? — из «взволнованных» слов Морозова.

Была на пиру и В. Н. Фигнер. Очаровательная, *святая* — тоже святая — Фигнер. Какое прекрасное лицо, глаза какие! Иные называли ее — мадонной. Прочтите ее «воспоминания». Какой идеализм, какая строгость к себе, какая чуткость к чужой боли! Сама чистота. Героиня-идеалистка. Кто не был ею очарован? И она пришла на пир к дьяволу. Пришла, и круглая правда выкатилась опять. Пришла и она праздновать «завершение». Пришла *зная все*. Пришла — и плюнула на свое «святое». Пришла, ибо не могла не прийти к... товарищам. Пришла, и этим своим приходом заявила: мы одним... одной кровью мазаны: царско-народной кровью. Она должна бы сказать: «мы купаемся в одной крови».

Да выкатилась круглая правда, и все ее увидят. Выкатилась на пиру дьявола, быть может, даже случайно выкатилась, из... «молодости седин» (выражение Пушкина), выкатилась, быть может, — и страшным светом вдруг осветила прошлое. И видишь на пиру всех: и подлинно неприкрытых хищников, и «сантиментальных тигров», — тоже словечко Пушкина.

Попировали и вспоминали былое...

Былое? «Идеализм» свой вспоминали, «геройство». И устанавливали «родство». Да как же не родство? А вот:

«Наше национальное чувство облюбовывало в России один элемент — трудовую народную стихию, от которой надо было отшелушить или даже отсечь облепившие ее социальные наросты. Духовенство, купечество, двор, военщина, чиновничество, — все это, как короста, как чужеядные растения, отталкивалось нашим сознанием, не входило в состав «родины». (Зап. соц.-рев. Чернова).

Отшелушили. Отсекли. И теперь — можно праздновать. Не только отшелушили «чужеядное», а и весь народ разгромили родственнички. И юбиляры «очень счастливы».

«Нужно, как в Македонии! По всей России разгорится пожар, и будет у нас своя «Македония». Крестьянин возьмется за бомбы, и тогда — революция!» (Слова Каляева, по Савинкову).

Сожгли Россию и с ней — крестьянина. И теперь — можно попраздновать и помянуть.

«Вы дали мне возможность испытать нравственное удовлетворение, с которым ничто в мире несравнимо!»

Слова убийцы Плеве, Сазонова, после взрыва.

Вспомнили и это, празднуя. И испытали «нравственное удовлетворение», с которым ничто в мире несравнимо. Вспомнили, может быть, и это... философское изречение:

«Боевая организация всегда умела давать должные ответы на запросы жизни!» (Письмо Сазонова).

И как же было не вспомнить чудесного «Гроньяра» — Н. К. Михайловского!

«Вами я любовался», — писал он в «Народной Воле», — «борцы этого периода местами и временами поднимали нашу жизнь чуть не до уровня первых христиан». «Из этого периода я запасся святыми воспоминаниями на всю свою жизнь».

Вспомнили на пиру и «все святое», завершенное ныне так успешно. Вспомнили заповедь Михайловского — «боль за боль» и пили заздравный кубок, под подвальный салют чекистов? Почтенные, старые идеалисты. И неужели никто из них не почувствовал, — если не увидел — *правды*? Не заметил, что кровь своего *народа* выпил, заздравным кубком?

Правда выкатилась, и ее не скроешь. Выкатилась в народ, и не обманешь его теперь. Не подойдешь, не шепнешь как бывало: «Засел дворянин — белоручка на престол, надел корону, помазал его поп по лбу накрест, раз два — и готово! Заставил бы я его у меня поработать — узнал бы, как свои законы подмахивать!» — (из революц. матер.). Теперь хорошо знают, кто и как засел на престол, и как законы подмахивают, и как весь народ «махнули»!

Знает народ *всю правду*. Знает и откровенных хищников, и «сантиментальных тигров». Пусть же хорошенько *все* познает и во всем разберется поколение молодое, новое. Подумает над «правдой». А народ... — он ее всегда чувствовал. Но был обманут. Теперь он скручен, закован, ведом на бойню. Если бы *все* узнал! Если бы заглянул на «пир», послушал тосты! Если бы оглянулся в прошлое...

История перевернется. Народ ждет Освободителя. Дождется. И новое поколение уже не будет слепым: правда выкатилась — во всем. Вольные и невольные маски падают...

Народ — чуток. Правду, ясную нам теперь, он чуял.

И я, семилетка, чуял ее по-своему... Вот, из воспоминаний.

...Сегодня во всем доме ходит жуткий, неопределенный страх. За чаем не говорили ни слова, часто подходили к окнам и смотрели на улицу. Вызывали кучера Антипушку, спрашивали:

— Ну, как... ничего?

— Да, вить, как сказать... опасаются. Дворников в часть скликали.

— Ворота запереть!

Все вздыхают, боятся из дому выйти. Дворник с бляхой стоит у ворот и сторожит. Что же это все значит? Наша няня поминутно вытаскивает из кармана тряпочку и вытирает глаза. Я спрашиваю ее.

— Царь-батюшка преставился, царство небесное. Без него всем погибель.

Домна плачет и причитает. В меня проникает ужас. Что теперь будет без царя? Всем нам грозит беда. Оттого-то все шепчутся и ждут. А вдруг придут «враги» и всех нас... перережут? «Царствуй на страх врагам!» Какой же теперь врагам страх? Царь умер.

— А могут *они* прийти? — спрашиваю я Домну.

Она не отвечает, плачет. Я слышу, как по городу плавает звон, печальный, постный, будто плачут колокола, как Домнушка. Кучер Антипушка возится в сарае. Моет пролетку. Я взбираюсь на козла, гляжу на сумрачного Антипушку, на его волосатые руки, и спрашиваю: правда ли, что царь умер.

— Помер, царство небесное... — вздыхает Антип, — убили вчерась в Питере.

— Как — убили? — вскакиваю я на козлах, — врешь ты... его нельзя убить, он царь.

— Не ори, глупый... — говорит Антипушка пугливо и почему-то глядит во двор. — О н и убили, проклятые... мигилисты!

Я не понимаю, но мне еще страшнее, что я не понимаю.

— А где о н и?..

— Где... везде!

— А... теперь нас будут... резать?..

— А ты почем знаешь? Теперь в с е будет...

У меня покалывает в волосах. Значит, верно... значит?..

— О н и теперь та-а-кую резку зачать могут... — Он вздыхает и смотрит на волосатые свои руки в жилах. — Ну, да уж... все пойдем! Сказывают вон, землю отнять грозятся, и всех господ порезать. А нас гады голыми руками и м взять, известно... Будет та-кой обман!.. Как же нам без головы-то?

Я не знаю их, но и я готов идти со всеми.

— Я шкворень возьму... можно, Антипушка? — шепчу я, чувствуя дрожь в животе и слезы в носу и горле.

— Я буду шкворнем?.. А ты что возьмешь?

Антипушка показывает кулак.

— Вот. А то оглоблей.

— А о н и придут?

— Кто знает. Ежели успеют присягу поцеловать — может, и обойдется. А не успеют...

Я не понимаю. А присяга где? И что такое «присяга». И зачем ее целовать!

Дворник кричит в воротах:

— В церкву зовут, присягу целовать!

— Ну, Слава Богу... — крестится Антипушка. — Итить надо в церкву. А тебе не надо... ты еще младенец. Теперь, значит, обойдется. А то бы так закрутил... беда!

А звон все плавает, не засыпает, — звон и страх.

Вот оно, далекое предчувствие далеких с т р а х о в. Сбылось. Закрутили. Празднуют над кровью...

Роковая повязка упала с глаз — т е п е р ь все видно. Круглая правда — катится. Правда не может не катиться. Как хошь верти — все одна. Куда хошь кати — все одна.

Январь, 1935 г.
Севр.

ПРИЯТНАЯ ПРОГУЛКА

Помню, в конце Страстной попалось мне объявление в газетах о продаже, «в верные руки», библиотеки, до четырех тысяч томов, в отличном состоянии, главным образом — классики, русские и иностранные, — есть и редкостные издания, — все книги в переплетах. Перепродавцов просят не являться. Единственный день для осмотра — вторник на Пасхе. Телеграфировать: ст. «Лопасня», Курской д... «Злая Сеча»: к первому московскому поезду будут высланы лошади.

Я мечтал о пополнении тощей моей библиотечки, но куда же — четыре тысячи томов! Свободных денег у меня только до пяти тысяч, но чем же я рискую? Ну, прокачусь, погода теплая, конец апреля, весна в разгаре... — и я тут же послал депешу. Я только что вступил в адвокатуру, хорошая библиотека очень кстати, внушает уважение клиентам. А, главное, я был молод, и весеннее возбуждение толкало меня из Москвы проветриться и набраться впечатлений.

Ехал на Курский вокзал под веселый трезвон пасхальный. На вокзале было празднично-будоражно. Ехали на «маевку», больше в «Царицыно», с запасами всякой снеди, в поезде было полно, даже во 2 классе. В «Царицыне» наполовину опустело, в окошки вливалась свежесть распускавшихся берез; на станциях, в солнечной тишине весенней, слышалась веселая трель скворцов, праздновавших весну; с близкой церкви лился ликующий трезвон; цветистые девчонки совали в окошко букетики русской «примавера», — золотистых баранчиков, — и пучки синих подснежников; с зазеленевших откосов веяло душистым, свежим теплом новой травки, и все это, празднично-будоражное, смешивалось во мне с щекочущим ожиданием чего-то особо-радостного, волнующего в предстоящей встрече с таинственно-незнакомой и почему-то уже манящей своим названием «Злой Сечей». Историческое, должно быть, именование...

Против меня весело играли «в ладошки» студент с прелестной девушкой, в весенней кофточке с букетиком подснежников. Потом стали кокать красные яички и принялись закусывать. В «Бутове» их встретили пожилой военный с важной дамой, раздались восклицания — «зеленые щи сегодня, да?..» «Вот, мама посылает пирог, от Флея!..» Поцелуи, христосованье...

На станции «Подольск» я прошел в буфет, наполненный горожанами, парадный. Стол был украшен по-пасхальному, на стойке — окорок ветчины, в бумажных розанах, веселили глаз пасхальные крашенки в плетушке. Я выпил, в радости, ледяной водки, взял пирожок...

— Далече изволите ехать? — услыхал я будто знакомый голос и увидал книготорговца с Моховой. — До «Лопасни»... Не за библиотекой ли охотитесь?.. Вон и Алексей Иваныч!..

Тоже знакомый, букинист от Проломных Ворот, известный книголюб и эксперт, вызывавшийся для оценки библиотек, «неоспоримый». По Москве кличка его была — «горбатенький» и «мороженый»: его щеки были багрово-сизые, лет за шестьдесят. Всегда, бывало, видишь его в «Проломе», в его ларьке без двери, с поднятым воротником, мерзнущего за книгой, или в выгоревшем драповом пальтишке. Но сегодня он был парадный, в сюртуке, в котелке, летнее пальтецо на руке, — совсем франт. Я заметил — «а букинистам не беспокоиться»..?

— Я — статья особая. С князем... — назвал он громкое историческое имя, — мы старые знакомцы, не раз бывал у него в «Злой Сече», доставлял книги, оценивал... Да и не для себя я, а... — он назвал известного миллионера, собирателя редкостных изданий, — ну, потягаемся.

И тут я узнал, что библиотека князя, на плохой конец, тысчонок на 20—30. Нечего и мечтать. Ну, что же, прогуляюсь...

Второй звонок.

Дальше мы ехали вместе, во 2 классе. Алексей Иванович недоумевал, почему князь решился продать свою чудесную библиотеку. Уж не заболел ли, хочет прижизненно распорядиться?.. Последней доставкой ему от Алексея Ивановича был «остаток погодинской библиотеки», тысяч на 5.

Книготорговец с Моховой, знавший князя, тоже недоумевал. Но и ему тягаться было не под силу, хотя он — по поручению московской городской управы, от просветительного отдела, для пополнения книжного городского склада: предполагается к существующим читальням — Островского и Тургенева — основать еще две: Гоголя и Пушкина: а идти он может, самое большее, до 12 тысяч. Нечего и мечтать — тягаться. Он знал меня студентом, почти бедняком. Спросил, не разбогател ли я. Я смутился и признался, что, конечно, мне мечтать о покупке нечего. Знал меня и Алексей Иваныч, сказал:

— Вы начинающий адвокат, библиотечка вам необходима, для закраса. А мы с вами составим реестрик, тысечек на полторы-две. Вот Даль вам нужен... вы уже печатались, помнится. Может и опять запишете. Ничего, духом не падайте... — ласково похлопал он меня по плечу.

Он был сегодня особенно ласков почему-то, — от Праздника? И лицо его, сумрачное всегда, сегодня почти светилось. Оживленный его добрыми словами, я с чувством пожал ему руку.

— Помните, бывало, учебники приносили на обмен?.. А теперь — адвокат. Библиотечку я вам составлю. Удивительный человек князь... воспитанный человек! — сказал он, с чего-то одушевившись. — Увидите, какая это библиотека!.. И ка-ак он расстается, не понимаю. Право, не заболел ли? Два года не видались. А то, бывало, зайдет, побеседуем. Сколько он всего знает!.. прямо — энциклопедист! Да и все в доме у него... не в доме, а во дворце!.. А какой у него народ... Да вот, увидите, пригодится, может, для вашей практики. Библиотека для него — почти священное. Какая обходительность, воспитанность... а уж без обеда не отпустит. И музыкант замечательный. Такие люди теперь на редкость.

На ст. «Лопасня» нас встретил парадный кучер, в плисовой безрукавке на синей шерстяной рубахе, с павлиньим перышком в шапочке. Только нас трое вылезло, можно ехать. Мы сели в шикарную коляску, тройкой вороных.

— Ну, как князь?..

— Да что-то сдавать стали, поослабели. И не все кушать могут. Доктора не велят хлеба есть, сахарная болезнь, говорят.

До «Злой Сечи» было верст двадцать. Дорога пообсохла, но в тенистых местах еще оставалось снегу, после великих снегопадов. На встречавшихся малых речках вода еще не вошла в русло, и мужики, в веселых рубахах, стоя в ботничках, ловили наметкой рыбу. В-полдороге остановились на полчасика, отдохнуть лошадям. Кучер, уже пожилой, Фома Васильевич, лошадей жалел, а мы были рады прогуляться. И тут ловили наметкой рыбу. Трактирщик встретил нас очень предупредительно, похристосовались. Это было село, трезвонили. В трактире шумел народ. Хозяин приказал молодцу принести бадейку: — «Их сиятельству рыбки на ушицу, на выздоровление». Когда отъезжали, бадью с деревянной крышкой поставили под сиденье: пара налимчиков, и так, мелочишки разной — ершей, пескариков...

— Скажи, Иван Гаврилыч христосуется! ушицы живорыбной очень хорошо их милости!..

— Любят нашего князя... — сказал кучер. — Да как его и не любить-то... Народишко вот избаловал, по доброте, порубливают у него лесок, хоть и у самих лесу невпроворот. — «С меня хватит», смеется. Конечно, лесничишки тоже охулки на руку не кладут. Как-то захватил князь мужика, у самой дороги сосну свалил. — «Да ты бы, дурак, поглубже въехал, на самом виду рубишь!» — говорит ему наш князь. — «Да ваше сиятельство, поглубже-то и не вывезешь». Князь сейчас ему записочку, на спине его и писал: «с моего, мол, позволения». Так эта записочка и пошла по рукам. Жалеет народ. Это вот кня-азь!..

Не жалел я, что еду понапрасну. Князь в моем вооб-

Рассказ опубликован в пасхальном номере газеты «Русская мысль» 7 апреля 1950 года. Он стал последним творением певца Великой Православной России. — *Прим. ред.*

ражении рисовался пасхально-празднично, — остатком знатного рода, известного в истории. Я уже знал кое-что о его предках, из примечаний к «Истории Государства Российского». Алексей Иванович начал рассказывать о «Злой Сече», но тут она и сама явилась, в полугоре, на солнце, в блеске зеркальных окон Дворца.

— Ну, что за красота!.. — воскликнул, опять воодушевившись, Алексей Иванович, — таким я его никогда не видал.

Сияла церковь, и оттуда доливался веселый трезвон пасхальный. Празднично было на душе. Почему-то тянула меня к себе эта «Злая Сеча», обещая раскрыться и показать чудесное... — нужное мне такое, заманное — историческое, р о д н о е, — славу нашу. Я знал наверное, что найду здесь что-то необходимое, и это меня светло воодушевит, укрепит во мне волю, веру... Во что веру? Этого я не знал, но предчувствовал радостно. Вполгоре блистали полноводные пруды — запруды. Дворец закрывался длинной березовой аллеей, старой, но уже светло одевшейся впрозелень. Мы сложились и дали кучеру рубля три. Он едва согласился взять: «у нас это не полагается, обеспечены».

Объехав великий круг газона, с черными еще клумбами, мы подкатили к парадному, массивному по-дворцовски. Швейцар, в ливрее, распахнул перед нами двери и поклонился с достоинством. Я напомнил Фоме Васильевичу про рыбу, не забыл бы.

— Князя-то да забыть!.. — сказал он, с ласковой улыбкой, и велел зевавшему на нас праздничному парнишке нести рыбу на кухню.

В огромной прихожей, уставленной, по углам, статуями из мрамора, швейцар принял от нас пальто и шляпы. Появившийся почтенный человек, во фраке и белом галстуке, попросил нас, с достоинством, следовать за ним. Это был старый слуга, в длинных бакенбардах, похожий на Григоровича, приятный манерой и чистотой. Он повел нас по широкой лестнице, по мягкому ковру, на первую площадку. Там тоже стояли статуи — Аполлон, Диана... Лестница расходилась надвое. Книготорговец с Моховой тоже был в сюртуке, только один я — пиджачник, и потому, должно быть, чувствовал себя смущенно.

Мы прошли обширным двусветным залом, в люстрах, с хорами для музыкантов, с колоннами, — совсем зал Дворянского Собрания в уменьшенном виде. Блистали паркетные полы, с новенькими дорожками. Прошли малиновую гостиную, карточную, биллиардную, — все образцово чисто, парадно, в большом солнце. Наш проводник отворил массивную дубовую дверь, взял визитные карточки, предупредил, что сейчас две ступеньки, и попросил присесть:

— Его сиятельство сейчас будут... — и удалился, притворив дверь.

Мы остались в обширной, высокой библиотеке, залитой солнцем, приятно мягким сквозь зеленые тюлевые занавески. Пол был затянут серым сукном. Посередине стоял большой круглый стол, накрытый зеленым сукном, удобный, низковатый, с тяжелыми канделябрами темной бронзы, в толстых, кубастых свечах, крутящийся, как оказалось после, с люстрой из хрусталя, в зеленых и розовых свечах, — пасхальных. Вокруг были низкие кожаные кресла, в углах — мраморные статуи. Все стены — в книгах, до потолка. В простенке образ св. Николая, с теплящейся лампадой. Все блистало лачком переплетных корешков, тисненьем. Не книжные шкапы, а полки мореного дуба, приставные. У меня глаза разбежались, и стало стыдно, что я имел дерзость мечтать. «Одни переплеты больше пяти тысяч...»

— Не укупишь..? — подмигнул Алексей Иванович. — И в квартирке, небось, не уместится.

— Какое там... — махнул я, и тут отворилась дверь.

Входил князь, в сопровождении двух дымчатых догов, в стоячих ушках-рожках.

Крепкий, высокий, стройный: красивая голова, впроседь. Ни следа болезненности в лице, в движеньях. Князь шел уверенно, радушно улыбаясь, приветливо-барственно кивнул, и его синеватые глаза не без живости оглянули нас. Только слабая желтизна висков намекала на его недомогание, но она едва чувствовалась в свежести выбритых щек, в ровно подстриженной бородке. Приятное, мягкое выражение лица, располагающее. К нему очень шел мастерской покрой платья, цвета вороненой стали, подчеркивая его слаженность. Подумалось: «какая свободная простота, в платье даже».

Пожав нам руки, он указал на кресла у стола и предложил высказаться. Чуть тронул, и лежавшая на дальнем конце тетрадь в кожаной обложке оказалась как раз передо мной. Я стал перелистывать ее. Это был каталог, с пометкой цен. Я нашел много редчайших изданий, иногда с автографами, и тут же сказал, что мне это не по средствам. Князь благосклонно кивнул.

Алексей Иваныч доложил о желании москвича-книголюба — «выбрать по списку».

— Отпадает, — сказал суховато князь, — я не хочу распылять свое собрание. Вы..? — обратился он к книгопродавцу с Моховой.

Тот объяснил поручение московской городской управы: купить для запасного склада, в виду предполагаемой постройки еще двух читален — Гоголя и Пушкина: ассигновка в пределах 10—12.000.

— Маловато, правда... — досказал он.

— И это отпадает, но мысль мне нравится. Теперь, господа, я могу с облегчением сказать: вы видите, что сделка не состоится не по моей вине. Я все же побеспокоил вас... сейчас объясню и мою «вину».

Он дал объявление о продаже и скоро понял, что не может расстаться с библиотекой: отменить было уже поздно.

— Да, я поступил опрометчиво... но вы, думаю, эту мою ошибку извините. Неблагоприятный диагноз моего профессора толкнул меня скорей все вырешить, и я распорядился... но не мог покуситься на ценнейшее для меня, на библиотеку. В конце концов, все же дал объявление. Судите — вина или ошибка? Деньги мне не нужны. Я определил вырученную сумму отдать земству на просвещение: на эти деньги можно устроить десятка два народных читален.

Мы одобрительно покивали.

— Теперь, зная благую цель московской управы, я напишу моему поверенному. Библиотеку я не продам, а передам по дарственной, выговорив условия: мое книжное собрание должно целиком влиться в состав будущей читальни имени Пушкина, как самостоятельный отдел, и носить наше родовое имя. До дня моей смерти, — кажется, уже не очень далекой, — библиотека останется при мне. Вы вывели меня из затруднения, лучшего я не представляю... — и он ласково поглядел на нас.

И тут же предложил нам выбрать из книг что-нибудь, по вкусу. Мы отказались.

— Ну, хорошо, оставим: вы не хотите преуменьшать мой дар. Пусть он поможет мне светло завершить служение рода нашего, прекращающегося со мною. Сегодня для меня праздник.

Я спросил, почему поместье называется — «Злая Сеча».

— Это — историческое именование. Земля числится за нашим родом около пятисот лет. С конца шестнадцатого века она по писцовым книгам значится уже «вотчиной», с добавлением — «Злая Сеча». К сожалению, я не могу показать вам остаток сохранившегося пергаментного списка, найденного лет пятьдесят тому в рухлядной Высотского монастыря: я дал его списать и сфотографировать моему другу Барсову, знатоку летописей, грамат... исследователю «Слова о полку Игореве»...

Я сказал, что знаю Ельпидифора Васильевича, моего соседа в Замоскворечьи.

— Чудаковат он, живет в башне, со своими сокровищами...

— Это от пожара. Самоотверженный изыскатель наших исторических корней, хранитель русской славы. Редкостный русский человек! Мы, ведь, так мало знаем и так мало ценим н а ш е, ценнейшее, чем должны бы гордиться. Мы чуть ли не стыдимся нашей величественной истории... «ленивы и нелюбопытны». Иные из нас находят даже некое больное услаждение в ложном надрыве-выводе, что мы — «хуже всех», и эту больную ложь пытаются почему-то привить народу. Разве неправда это? Можно назвать тысячи примеров. А народ... я это знаю по м о е м у народу, по моим успенским мужикам, по моим с л у г а м!.. — народ несет в себе, бессознательно-стихийно, веру, что он никак не хуже других народов, что он, со своими князьями и царями, творил Россию — Святую Русь. Этого нельзя вытравить из его недр душевных. В этом я неоднократно убеждался. Это никак не моя идеализация, а жизненная достоверность.

— Так вот, в этом куске пергамента, писанного одним из моих предков, вписано — и с какой же простотой! — о «Злой Сече». Мой... как это определить... ну, мой прапращур, князь-рюрикович, был пылкий воин, напоминающий мне Мстислава Удалого... помните, «битва при Калке»?.. Верный долгу, но непокорливый. В один из последних набегов Орды ему было указано стать на рубеже, у Серпухова, нащупать главные силы вражеские, отходить с легким боем, пропустить Орду и в подходящий час ударить ее в тыл. С ним был только один конный полк. Он не удержал своего боевого пыла, не разобрал, что перед ним главные татарские силы, лихо ударил в центр, прорвал и разбил наголову, взял ставку, большой полон, побил больше десятка тысяч отборной татарской гвардии, но упустил очень важное: не укрепил свои фланги, был обойден и пал на реке Наре. Остаток его дружины пробился и вынес из этой сечи тело любимого своего князя. Подошедшие московские полки начисто разнесли остатки кочевников. В пергаменте этот бой именуется «Злой Сечей». Там же сказано, что тело моего предка предано было земле «у дуба высока», в родовой вотчине. Вам покажут в парке. Лесоводы смотрели дуб и утверждают, что ему лет шестьсот. Величественный свидетель прошлого. Лет полтораста тому поставлена там часовенка. Народ чтит это место, молится князю, молится и за князя... На Успенье вокруг дуба поют и песни, и молитвы, поминая по-своему. Вот одно из доказательств кровной связи с историческими корнями. По старым записям моих предков я мог установить, что среди моих верных слуг... так они себя называют, а я именую их — «други мои»... Чудесное *наше* слово — д р у ж и н а!.. — Да, так вот, среди моих верных слуг есть потомки участников той сечи. Они хранят в себе высокие качества своих предков... Да, многое у нас — от славных семян минувшего. Если бы сберечь их!..

Появился почтенный слуга, встречавший нас, и доложил князю, что кушать подано. Князь пригласил нас пройти в столовую. Мы миновали ряд новых покоев и оказались в великолепной столовой светлого дуба, украшенной художественной росписью — охота на вепря, лося и медведя.

Обед был тонкий и празднично обильный. Князю подали тарелку налимьей ухи. Он выразил явное удовольствие.

— Вася, дай-ка сухарик мне... — мягко сказал он стоявшему за его креслом почтенному слуге.

— Ваше сиятельство... — почтительно отозвался тот, — доктор наказали напоминать вашему сиятельству... — и в его голосе почувствовалась почти мольба.

— Дай, Вася!.. — сказал князь твердо.

— Не смею, ваше сиятельство! — решительней отвечал слуга.

— Ка-коа?!..чувствуете дерзанье?.. — не без удовольствия сказал князь, потянулся и взял с блюда сухарик.

Вася понурился. Князь посмотрел на него и положил на блюдо.

— Отличная уха. Послать Ивану Гаврилову поросенка... — сказал он Васе. — Единственно один изо всей дворни вышел из нашей вотчины, отщепился... Бог с ним. Остались все после Манифеста, продолжают с л у ж е н и е. Остались не из-за выгод: они еще не знали тогда, да и теперь только предполагают, моего распоряжения о них...

И князь рассказал любопытную историю.

Как-то был у него министр, дальний родственник. Все ему тут понравилось, но особенное внимание обратил он на точность и выдержку «лакеев».

— У меня нет «лакеев»! — возразил князь. — У меня слу-ги, а не «лакеи»... слу-ги!.. — повторил он, — меньшая братия. Воспитаны ли так, или это по чуткости, от сознания личного достоинства? Это вы, т а м,

выделываете «лакеев», прививаете народу чуждое понятие. «Лакей» звучит различно — на западе и у нас. Наш народ умеет хранить достоинство. Это проходит во всей нашей истории, — вчитайтесь! Это заверено и иными, не совсем глупыми, иностранцами. Наш народ, несмотря ни на что, — народ свободный.

Когда мы снова перешли в библиотеку, князь продолжал:

— У меня служат поколениями. Вот, Вася... его сын Фома привез вас. Его внук отбывает службу в Петербурге, в кавалергардах. И не смотря на великие выгоды, уже предлагаемые ему, к осени возвращается сюда. И так все. Что их влечет? Воспитанное веками чувство... р о д и н ы..? Вася — бывший мой вестовой, вынес меня из огня на Инкерманских высотах, в 55 году, и тут же был ранен в грудь навылет. Вы, конечно, не раз замечали в русском человеке его исключительное качество: независимость, чувство личного достоинства. Это отмечено Пушкиным. Мои старики в Успенском говорят мне — «ты, князь», держат себя на равной ноге со мной, спорят и даже наставляют. Ни татарское иго, ни крепостное право не оставили и следа в характере народном, не придавили его: он слишком закален, упруг. Почему? что за чудеса?.. — я часто об этом думал. И объясняю это у народа сознанием своего «образа и подобия», вложенного нашим Православием. Это — общее наше, племенное. Этого было в народе больше, теперь слабеет: видят меньше примеров служения и долга... народ слишком отделен от лучших людей у нас, и дурно его воспитывают. Но закваска еще жива, не втуне свершались подвиги, не могли бесследно пропасть жертвы исторических родов, творивших Святую Русь... эти роскошнейшие цветы духовные нашей истории, назначенный нам удел — «душу свою положить за други своя»... может быть за целый мир положить..? Читайте историю, вникайте в нее, и вы уверитесь в этом. Народ знает эти жертвы и принимает их, как законное... мало говорит об этом: «так надо», вот и все рассуждение его. Он — заметили это? — не кичится «славой», он выполняет свой подвиг, как службу, как работу. Он не вспоминает о подвигах своих предков: «Воля Божия, свое отбыли». Мы, высшие классы, помним, и тоже не кичимся. Вспоминать отрадно, да... Из девяти поколений нашего рода шестеро представителей сложили головы на поле брани, вместе со своими дружинами, своими с л у г а м и. Прадед пал при Бородине, дед под Ватерлоо... отец был тяжело ранен на Малаховом Кургане, но выжил и отдал свои силы Комиссии по освобождению крестьян. Я обязан жизнью моему верному Васе. Видите, какая спайка! сколько братского общения с народом!.. Клевещут на нашу аристократию, на наш народ. Наша аристократия, может быть, лучшая из всех аристократий, и наш народ как-то хранит в себе врожденный аристократизм духа...

Юный совсем тогда, я упивался словами князя. Князь говорил спокойно, с полной искренностью и простотой, не чувствовалось даже тени идеализации: все в его рассказе было исторически обосновано, будило в сердце горделивые чувства, что я — русский, и мои предки тоже творили историю, вязали жилами и скрепляли кровью великую отчизну. Помню заключительные слова князя:

— Дивная история творческих страданий! Помните слова Пушкина об «истории»? Я так рад, что ваш приезд всколыхнул лучшее во мне. История наша — дана нам Богом, и мы никогда не откажемся от нее.

***

Вася показывал нам парк. Недалеко от прудов, на обширной поляне, стоял могучий, широко раскинувшийся дуб. Он был в полной силе, с нетронутой грозами вершиной. Под ним покосившаяся часовенка. Теплилась синяя лампада. Образ Успения. Памятная сеча, по записям, пришлась на Успеньев день. Под иконой — наполовину стертое изречение: «...душу свою положит за други своя».

— Никогда не копали, не тревожили... — сказал Вася. — Точного места не означено. Не пожелали тревожить прах.

Я долго смотрел на дуб — символ русской силы, доблести.

На станцию вез нас другой кучер, помоложе, на паре серых, в легкой пролетке. Катили лихо, переполненные чудесными впечатлениями: проступали звезды. Не остановились у трактира, шумевшего народом. Говорить не хотелось. Я чувствовал себя обновленным, укрепленным. То, что предчувствовал я, исполнилось: я обрел прилив веры, воли... почувствовал, может быть, впервые в жизни нерасторжимую связь с р о д н ы м, слышал в себе токи вдохновенья, порыв творческой силы... Эта прогулка, как бы видение, не прошла бесследно: она открыла мне неведомые раньше исторические корни, вязавшие меня с недрами. Я не мог удержать восторга и воскликнул:

— Какое счастье — коснуться живых истоков!..

Кучер мчал, нахлестывая коней, боясь опоздать к последнему поезду. Прощаясь под фонарем станции, я дал ему рубль, но он решительно отмахнулся:

— У нас не полагается, все обеспечены.

Мне хотелось его обнять, высказать все, что во мне светилось. Он, должно быть, почувствовал мое волненье и сам протянул мне руку:

— Счастливого пути, сударь.

***

Я не раз побывал у князя: ездил за душевным укреплением. Он наполнял меня чудесным давним, что жило в нем. Диагноз профессора не оправдался: уже через год князь был в полном здравии. Скончался он года за три до первой мировой войны, почти через десять лет, от сердечного припадка, читая Пушкина, редкостного смирдинского издания.

Я был на похоронах. Плакали все: и его верные слуги, и успенцы. Он еще загодя распорядился положить его, как полагали его предков, — на сельском погосте, «среди своего народа».

Апрель, 1950.
Париж

ИВАН ФРОЛОВ

ГРИША + ЛЮБА = !!!

Л. Орлова и Г. Александров на съемках фильма «Русский сувенир».

Кинорежиссер Григорий Александров и актриса Любовь Орлова появились на свет (Орлова 29 января 1902 года, Александров через год — 10 января 1903-го) одновременно со становлением кинематографа, — именно тогда стали возникать специальные, стационарные «электротеатры» — «иллюзионы». Возможно, в этом простом совпадении заключена некая магическая связь — не случайно кинематограф оказался тем волшебным средством, которое соединило Орлову и Александрова в семейный дуэт. Однако кино в то время еще не было зачислено в хоровод обольстительных муз, оставаясь занятным аттракционом. А малолетние Гриша и Люба, стремясь служить искусству, как бы начали двигаться навстречу друг другу.

Гришу Александрова (настоящая фамилия Мормоненко) еще с отроческих лет приворожил Екатеринбургский оперный театр, а подростком он уже перепробовал там все околосценические профессии, и всюду в должности помощника: костюмера, декоратора, электротехника... Потом учился на курсах режиссеров Рабоче-крестьянского театра при губернском управлении Наробраза. 18-ти лет приехал в богатую театрами Москву. А пристрастие к революционному искусству заставило поступить в актерскую труппу центральной арены театра «Пролеткульта», отличавшегося особенно смелыми сценическими новациями, где он стал осваивать на практике сценическую биомеханику молодого Эйзенштейна.

Когда тот организовал при «Пролеткульте» Передвижную труппу («Перетру»), туда перешел и Александров. На афише спектакля «Мудрец, или Всякого довольно» (по пьесе А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты») значилось: «Вольная композиция текста С. М. Третьякова, монтаж аттракционов С. М. Эйзенштейна».

Чего только не было в этом буффонадном калейдоскопе! Разодетые в невиданные эксцентрические костюмы, персонажи, эпатируя зрителей, расхаживали между рядами по залу, балансировали на проволоке и перше, распевали злободневные куплеты, пускались в необычные танцы, проделывали акробатические кульбиты.

Александров играл роль Голутвина — человека без определенных занятий. «У меня была черная полумаска с зелеными электрическими глазами, — вспоминал Григорий Васильевич, — я летал на трапеции, исчезал, как цирковой иллюзионист, играл на концертино, стоял на голове на проволоке и делал еще множество подобных номеров, оправдывая название спектакля «Всякого довольно».

Когда Эйзенштейн перешел в кино, Александров, как верный оруженосец, последовал за ним и вскоре стал помощником во всех делах маэстро: писал под диктовку Эйзенштейна статьи и сценарии, снимал как оператор второй камерой, работал актером и каскадером, руководил группой ассистентов, организовывал сложные массовые съемки, нередко заменял постановщика, снимая или переснимая кадры и сцены...

В съемочной группе даже существовала поговорка: никто не придумает лучше Эйзенштейна, никто не сделает лучше Александрова. Он не чурался никакой работы — ни творческой, ни административной. В результате из секретаря Эйзенштейна скоро превратился в соавтора. Из ассистента — в режиссера и сопостановщика. Александров оказался до того незаменимым, что Эйзенштейн взял его с собой в поездку по Западной Европе и Америке. Видимо, энциклопедическая образованность одного дополнялась неиссякаемой энергией и завидными деловыми качествами другого. Говорят, что кино — это 95 процентов организации, изматывающей нервы и силы художника, и лишь пять процентов творчества. Какую долю отнести на счет Александрова, если он выполнял основную организационную часть по замыслам Эйзенштейна? Шипы и тернии доставались Эйзенштейну, лавров хватило обоим.

Как бы то ни было, Александров не только не затерялся рядом с Эйзенштейном, признанным в мире постановщиком номер один, но, верой и правдой помогая ему, сумел завоевать всеобщее признание. Порой Александров вынужден бывал зажать в кулак свое самолюбие, выполняя все поручения (а иногда и капризы) Эйзенштейна. Но Григорий Васильевич превозмог все и добился своего. Теперь начинал возвращать долги заработанный им авторитет. Так Александров подошел к постановке своей самостоятельной картины. Председатель тогдашнего Государственного Управления кинофотопромышленности (ГУКФ) Борис Захарович Шумяцкий предложил ему снять на пленку спектакль Л. Утесова «Музыкальный магазин» в Ленинградском мюзик-холле. Александров же с Утесовым предложили написать для кино оригинальный сценарий, который под названием «Джаз-комедия» был написан Н. Эрдманом и Массом.

Родители Любы Орловой хотели видеть свою дочь великой пианисткой, и семилетняя девочка поступила в детскую музыкальную школу. Несколько лет было отдано роялю, однако Любовь Петровна стала лишь тапером, сопровождавшим игрой немые киноленты.

Смириться и влачить жалкую жизнь неудачницы? Ни за что! Не принесло желанного успеха фортепиано — она поступила в балетную студию, где проучилась более трех лет. Но и здесь дальше миманса не пошло. Люба и это выдержала, не пала духом. И... стала заниматься вокалом. Вскоре ей удалось поступить в музыкальный театр В. Немировича-Данченко, но только хористкой. Судьба, казалось, испытывала ее на прочность. В хоре,

без намеков на выдвижение, она проработала несколько лет. В свободное время стала брать уроки у театрального педагога К. И. Котлубай: сценическое движение, пластика, дикция, актерская техника. А потом также частным образом начала разучивать партию Периколы из одноименной оперетты Оффенбаха. В итоге выдвинулась в ведущую группу артистов театра и очень скоро стала мечтать о кино. Сыграла небольшую роль в фильме «Любовь Алены». Потом начала сниматься в роли певицы Грушеньки в фильме Г. Рошаля и В. Строевой «Петербургская ночь». Заглянув однажды на «огонек» юпитеров в соседний павильон, попала на кинопробу, где увидела красивого, золотоволосого бога-кинорежиссера. И, еще не окончив съемки в картине Рошаля, начала сниматься в «Веселых ребятах».

Озорная простушка домработница, оказавшись по воле случая на сцене, вдруг словно переродилась и предстала перед зрителями в совершенно ином облике — ослепительной женщины и талантливой артистки. Александров уловил дарование Любови Петровны — эффектно демонстрировать перевоплощение — и в последующих постановках старался так или иначе использовать этот прием. В «Цирке» из униженной американки — жертвы расовых предрассудков она становится счастливой, уверенной в себе советской гражданкой. В «Волге-Волге» скромная письмоносица, проявив неистощимую энергию и изобретательность, добивается триумфа на Всесоюзном смотре самодеятельности. В «Светлом пути», продвигаясь от домработницы до члена правительства, воспроизводит вариант советской Золушки, причем обыгрывается он здесь до того откровенно и драматургически назидательно, что эффект перевоплощения Орловой оказывается исчерпанным: повторять его было уже невозможно. Дальнейший успех актрисы мог проявиться лишь при «раздвоении» ее личности. Александров понимал это, и в «Весне» Любовь Петровна убедительно создала два противоположных образа: веселой, непосредственной актрисы и суровой, самоуверенной ученой, «сушеной акулы», как прозвали ее сотрудники.

Не менее настойчиво Александров заботился о раскрытии музыкально-артистического дарования Орловой, утверждая жанр музыкальной комедии даже в том случае, когда сюжет упорно противился этому, как, например, в «Цирке».Такая трогательная забота режиссера продиктована не только и, пожалуй, не столько семейными отношениями, но главным образом интересами дела: ведь ведущая актриса «делала» успех всего фильма.

Гордая доверием, Орлова никогда не подводила своего «бога-режиссера», готова была выполнить любое, самое трудное его задание. Участвуя в рискованных съемках, Орлова предпочитала обходиться без дублеров: «оседлала» буйного, страшного быка; съезжала со второго этажа по перилам лестницы с горой тарелок в руке; рискуя оступиться, лихо отбивала чечетку на ограниченном пятачке пушечного жерла...

Актерские возможности Любови Петровны, естественно, не исчерпывались лишь музыкально-артистическими данными и способностью к перевоплощению. Но Александров уловил чутьем, что советское государство нуждалось именно в этих двух кинопропагандистских факторах, счастливо соединенных в одной актрисе. Бодрые, жизнерадостные песни и танцы вселяли в народ оптимистические чувства: праздничность, веселье, нечто вроде иллюзии счастливой жизни; а перевоплощение являлось как бы материализацией пропагандистского лозунга «Кто был ничем, тот станет всем» и давало уверенность в завтрашнем дне. Здесь невольно вспоминаются знаменитые строчки: «Если к правде святой мир дорогу найти не умеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой!»

Можно сказать, что режиссер и актриса активно помогали «безумцу» и в какой-то степени в этом преуспели. Поэтому неудивительно, что лишь пять одноплановых «музыкально-артистических» ролей из перечисленных фильмов 30—40-х годов стали для Орловой «звездными». Именно благодаря им она сделалась идолом массового сознания, своеобразным символом эпохи.

Кажется, творчество, общественная деятельность и личная жизнь Орловой и Александрова были у всех на виду, и тем не менее в их жизни имелась некая «запретная зона», куда не допускались даже близкие люди. В большей степени это относится к Орловой.

Мало кто знает, что насквозь со-

Автошарж Ф. Раневской с дарственной подписью Л. Орловой и Г. Александрову: «Люблю грозу в начале мая», — и в декабре люблю «Весну». Любочке и Гришеньке с нежной любовью. Ф. Раневская — фея. Москва 3 мая 45 г. Ф. Р.»

ветская кинозвезда, убедительно переводившая на образный киноязык пропагандистский лозунг «Кто был ничем, тот станет всем», была столбовой дворянкой. Биографы Орловой обычно утверждали, что она выросла в простой интеллигентной семье. И эта легенда кочевала по массовым печатным изданиям. Но в приватных разговорах нередко муссировались слухи о том, что ее происхождение было отнюдь не таким «простым».

И вот недавно стало известно, что Любовь Петровна принадлежала к старинным дворянским фамилиям. Ее отец Петр Федорович Орлов до революции, как рассказывали, имел высокое воинское звание. А после вроде бы шутливо оправдывался перед строгой супругой: «Видишь, Женечка, как хорошо, что я проиграл в карты те три имения до семнадцатого года. Представляешь, как сейчас было бы обидно».

Как и подобало в дворянских семьях, родители Любы были образованными, интеллигентными людьми, любили искусство, особенно музыку, поддерживали дружеские отношения со многими известными деятелями литературы и искусства. Коллеги Любови Петровны удивлялись автографу на книжке «Кавказский пленник»: «Любочке. Л. Толстой».

Всем своим друзьям и знакомым — Фаине Раневской, Рине Зеленой и другим — Любовь Петровна объясняла этот подарок великого старца одними и теми же словами:

«Не удивляйтесь. Я была совсем маленькой и как-то прочитала книжечку сказок Льва Толстого. Они мне так понравились, эти милые сказки, что я написала ему письмо, полное восторгов, и вдруг получила книжечку с надписью».

Трудно сказать, какие восторги умела и могла выражать «совсем

маленькая», скажем, пятилетняя девочка. Несомненно, что это объяснение имеет более позднее происхождение и свидетельствует о том, что по поводу автографа Толстого Орлова что-то недоговаривала. Истина же заключается в том, что ее родители находились в родстве, вернее — в свойстве — с выдающимся писателем. Мать Любы Евгения Петровна, в девичестве Сухотина, принадлежала к разветвленному дворянскому роду (как известно, дочь Льва Николаевича Татьяна Львовна была замужем за одним из Сухотиных и носила двойную фамилию — Толстая-Сухотина). Рассказы о том, как маленькая Любочка сидела на коленях хрестоматийного старца, передавались в семье Орловых из поколения в поколение.

С одной стороны, скрытность артистки легко объяснима. Но что бы опасаться родства с Толстым! Впрочем, Толстой носил графский титул...

Знакомство семьи Орловых с Федором Ивановичем Шаляпиным тоже не афишировалось. Даже в период хрущевского потепления Любовь Петровна не допускала никаких упоминаний о своем знакомстве с великим артистом и напрочь отказалась выступить по просьбе дочери Шаляпина Ирины Федоровны с воспоминаниями на юбилейном вечере. Сведения о былой близости Орловой к Шаляпину стали достоянием гласности лишь после смерти артистки.

В 1976 году вышла книга Александрова «Эпоха и кино», в которой автор приводил слова Орловой о ее «самом любимом воспоминании. Оно связано с именем замечательного артиста Федора Ивановича Шаляпина, с которым мне, — говорила Любовь Петровна, — довелось повстречаться и подружиться».

Нетрудно заметить, что Александров и здесь пишет о знакомстве Любови Петровны с Федором Ивановичем очень осторожно. Прежде всего, нет никаких сведений об истоках близости Орловых с Шаляпиным. А слова Орловой: «Мне довелось повстречаться и подружиться» — наводят на мысль, будто все началось со случайной встречи с «замечательным артистом» пятилетней девочки.

Дальше в рассказе Орловой говорится, что в доме Шаляпиных по случаю какого-то праздника ставили детскую оперетту «Грибной переполох». И маленькая Люба исполняла в ней роль Редьки. После спектакля Федор Иванович поднял Любочку и расцеловал. Потом добавил, что из нее выйдет актриса.

Можно предположить, что в Орловой, кроме внешней красоты и обаяния, было с младенческих лет

Фото Л. Орловой с дарственной надписью И. Дунаевскому.

заложено значительное внутреннее достоинство, которое, вместе с любованием, вызывало у окружающих удивительное для ее возраста преклонение. Шаляпин посвятил ей, малолетней девочке, стихотворение, на котором написал трогательные строчки: «Моему маленькому дружку Любочке».

А вот что писал о шестилетней Любочке кинодраматург И. Прут: «...и вдруг в дверях показался... ангел. Весь в чем-то розовом, воздушном... Я смотрел на нее, как завороженный... С Ирочкой — старшей дочерью Федора Ивановича, моей сверстницей — мы были на «ты», но к розовому ангелу я обратиться на «ты» не посмел, вот с тех пор мы и говорим друг другу «вы».

Впрочем, похвастаться обращением к Орловой на «ты» мог, пожалуй, только Сергей Образцов, принимавший некогда актрису в музыкальный театр В. Немировича-Данченко. На юбилейном вечере Александрова в Московском Доме кино Образцов, сообщив о своей привилегии, добавил, что здесь он имеет преимущество даже перед юбиляром, мужем Любови Петровны, который обращается к своей супруге только на «вы».

Впрочем, А. М. Сараева-Бондарь, связанная с этой парой многолетней дружбой, писала в книге «Радуга памяти», что они были на «вы» только прилюдно. С обеих сторон, видимо, была некая игра, позволившая создать имидж идеальной семейной пары. Как-то Григория Васильевича спросили: что он делает, когда ссорится с Любовью Петровной? И он опять-таки ответил возвышенно и с достоинством: «Я покупаю букет цветов и иду к ней с повинной».

Их брак покоился на уважении и... взаимозависимости. С. Фрейлих, например, писал, что Александров создал Орлову, а Орлова, можно сказать, создала Александрова. Не случайно проницательный и саркастичный Эйзенштейн, имея в виду работавших «в одной упряжке» с Любовью Петровной Александрова, Дунаевского и Лебедева-Кумача, как-то в шутку назвал их «орловскими рысаками».

Как рассказывали, неизлечимо больная Любовь Петровна, находясь в больнице, никого не принимала, пока не наводила тщательный макияж.

Ей было уже совсем плохо, когда она позвонила Григорию Васильевичу и попросила его немедленно приехать. Когда он вошел в палату, Орлова успела сказать: «Как вы долго...» — и больше не приходила в себя. «Это был первый упрек за всю нашу жизнь», — рассказывал Александров.

Так завершилась яркая жизнь подлинно народной артистки Любови Петровны Орловой. А Григорий Васильевич до последних дней выращивал на дачном участке незабудки. «В молодости, — говорил он, — у Любови Петровны были такие же голубые глаза».

СПЕШИТЕ ТВОРИТЬ ДОБРО!

Единственная оставшаяся фреска.

Преподобный Нил родился в Новгородской области. Кто были его родители — неизвестно. Известно только, что он был пострижен в Крыпецком монастыре, что в 20 верстах от Пскова. Из этого монастыря он ушел в лесную пустыню в Ржевский уезд, где поселился близ реки Черемхи. Питался здесь травами и желудями, проводя время в посте и молитве. Князь мира сего не оставлял преподобного, устрашая его различными привидениями, являясь в виде зверей и гадов, которые устремлялись на преподобного с диким свистом и воплем. Но святой молитвами, как мечом, отгонял все эти искушения, ограждая душу и тело свое крестным знамением и молясь непрестанно Богу. Так, во многих подвигах и трудах пустынных, Нил провел тринадцать лет.

Однажды, после долгой молитвы, Нил уснул и услыхал голос, пове-

левавший ему: «Нил! Выйди отсюда и иди на остров Столбное — на нем ты можешь спастись».

Преподобный исполнился великой радости, увидев, что Господь принял его молитвы. Он начал расспрашивать об острове приходивших к нему христолюбивых людей. Те рассказали ему, что остров находится на озере Селигер, в 15 километрах от города Осташкова. Добравшись до острова, преподобный был радостно поражен его красотой. На острове была гора и большой лес. Взойдя на гору, Нил благодарил Бога за указание ему сего места: «Се, Господи, покой мой, се жилище мое во веки веков».

Здесь подвижник выкопал себе в горе пещеру, в которой прожил первую зиму; после же устроил там келью и часовню. Молитва и пост, а также труд на возделываемой под овощи и плоды земле составляли его жизнь на острове. Но и здесь не оставлял его дьявол с полчищами бесов. Но бессильны были его попытки смутить подвижника, вооруженного святой молитвой. Бессильной оказалась против святого Нила и ненависть людей, а лишь послужила к большему его прославлению. Двадцать семь лет провел святой на острове Столбном. А когда почувствовал приближение кончины своей, то молил Господа удостоить его причастия Святых Тайн. По молитве святого, желание его исполнилось. На остров прибыл игумен Никольского монастыря Сергий и причастил Нила. После этого преподобный преставился. Было это 7 декабря 1554 года. На месте подвигов преподобного Нила в 1594 году иеромонахом Германом был основан Нилов Столобенский монастырь.

К сугубым подвигам святого относилось то, что в течение всех 27 лет подвижничества на острове он не сидел и не лежал, лишь изредка отдыхал, опираясь на два деревянных крюка, вбитых в стену кельи. Так его изображают до сих пор, так он и скончался.

Мощи преподобного были обретены 27 мая 1667 года, и день этот было постановлено праздновать каждый год. На праздник святого совершался крестный ход на лодках из Осташкова в Нилов Столобенский монастырь, собиравший порою больше народа, чем любой другой праздник в России.

Возвращенный недавно Русской Православной Церкви, монастырь сегодня представляет трагическое зрелище. Бывший лагерь, бывшая детская тюрьма, бывшая база отдыха туристов, он нуждается в нашей помощи и поддержке. Сегодня в обществе много говорят о покаянии. Возрождение Нилово-Столобенской пустыни, носительницы духовной сущности русского народа, и есть это самое покаяние.

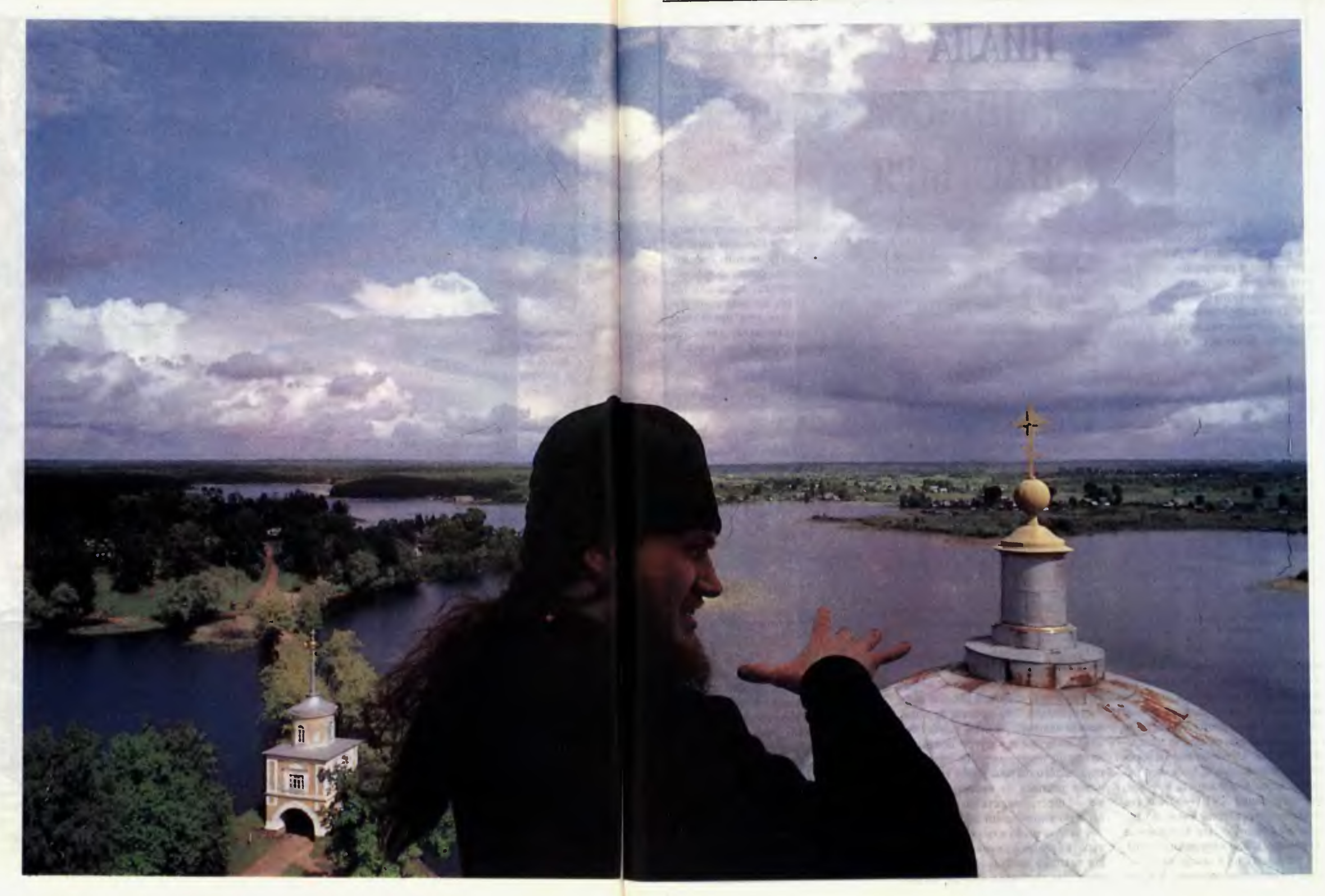
Спешите творить добро!

ФОТОГРАФИИ ВИКТОРА ГРИЦЮКА

Уважаемые читатели! Если у вас есть желание помочь возрождению Нилово-Столобенской пустыни, вы можете перечислить деньги на следующий счет: Нилова пустынь р/с 701701

Осташковский филиал Тверьуниверсалбанка корр.счет 700161967 РКЦ г. Осташков МФО 131429

ПИАЛА ИЗ ДАНИЛОВА МОНАСТЫРЯ

В 1983 году на территории Данилова монастыря в Москве, только что возвращенного церкви, начались спешные реставрационные работы (средняя обитель и новые сооружения должны были отстроиться к 1988 году, тысячелетию принятия христианства Русью). В числе других работ вели и археологические исследования, вызванные общим понижением уровня почвы. При этом затрагивались останки погребений самого разного времени — от легендарного XIII века до совсем недавних, начала нынешнего столетия. Останки перезахоронили в специальной часовне, находки же по возможности изучали. Для погребения XVIII—XIX веков особенно характерны были погребальные сосуды — так называемые «елейницы», или «слезницы» (обычай помещать их в захоронения — один из самых интересных в истории православного обряда погребения, и ему следует посвятить отдельную статью). Среди них чаще всего встречаются сосуды для питья или для хранения жидкости (бутылочки, аптечное и парфюмерное стекло, стаканчики). Особенно много, с конца XVII века, фарфоровых чашек — германских заводов или местных, российских. Все это, разумеется, вещи, продававшиеся в лавках Москвы и прочно вошедшие в быт горожан. Объяснимы и отдельные предметы экзотического облика — например, фарфоровая чашечка с люстровой (переливчатой) поливой и росписью в «резервах» в китайском стиле. «Китайщина» («ши-нуа-зери») была очень модной весь XVIII век и часть XIX-го, фарфор из Китая считался самым «настоящим». Ему могли подражать европейские или русские мастера, но скорее всего столь совершенное изделие привезено с Дальнего Востока, где китайские ремесленники давно настроились на удовлетворение европейского спроса. Так что китайскую чашку тоже вполне можно было найти в модном магазине.

Керамическая пиала. XIX в. Северный Кавказ (?)

Фарфоровая пиала. XIX в. Китай (?)

Но в одном из погребений встретилась вещь, какими в Москве вряд ли торговали. Это простая керамическая чашечка розовой глины (пиала), снаружи и изнутри покрытая непрозрачной эмалевой глазурью глуховатого голубого тона. Незатейливая роспись на внешней стороне — шестилепестковый цветок (красно-коричневый абрис и желтое заполнение) в окружении желтых полупрозрачных листьев. Ни техника изготовления, ни роспись, ни тип предмета не имеют аналогов в керамическом производстве Москвы или Подмосковья, да и вообще Центральной России. Вещь смотрится, среди фарфоровых и стеклянных, пришелицей из другого мира, по-видимому мусульманского, где она предназначалась первоначально для елея и была использована при помазании умирающего как дорогой ему сувенир — возможно, память о далеком путешествии или опасном походе. Использование в качестве елейниц любимой посуды покойного не раз отмечалось.

На вопрос же о конкретном месте изготовления вещи — Кавказ? Средняя Азия? — вероятно, смогут ответить наши коллеги-востоковеды. Тогда можно будет проследить и дальний путь, каким чашечка пришла с Востока.

ЛЕОНИД БЕЛЯЕВ

Дом

ФОТО СЕРГЕЯ СКУРАТОВА

Таинство венчания

Дух и плоть Духова дня

Моды нэпа

ТАТЬЯНА ЛИСТОВА,
научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН

«ПОД ЗЛАТ ВЕНЕЦ ВСТАТЬ...»

После совершения всех обрядовых актов приготовительного характера наступал торжественный момент отправления жениха и невесты в церковь к венчанию. Церковный обряд соединял две важнейшие для создания семьи функции — религиозное освящение и юридическую регистрацию. За своевременным исполнением обряда следили и церковь, и государство. Во второй половине XIX — начале XX века церковный обряд являлся частью народного ритуала и, как это часто бывало с каноническими церковными обрядами, за длительное время своего существования приобрел этническую специфику.

В народном ритуале русской свадьбы в различных эпизодах — словах напутствий и взаимных приветствиях, одевании и благословении, атрибутике и символике — в той или иной степени чувствуется влияние христианского мировоззрения ее участников. Вот, например, сцена приезда поезда жениха к невесте. Дружка, после положенных переговоров, поднимается к двери избы и произносит: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас», затем: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». После чего отец невесты отвечал три раза «Аминь», и дружка входил в избу (Владимирская губерния). Эта форма обращения, характерная для свадебных обычаев разных регионов, как бы символизировала отсутствие дурных помыслов у приехавших и соответствовала постоянно звучавшим обращениям к святым с просьбой оказать покровительство жениху и невесте. На свадьбе Никольского уезда Вологодской губернии дружка жениха, стуча в дом невесты, произносил следующее приветствие: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Есть ли в дому домовитый, большой упресвитель? Есть ли кому аминь отдать? Аминь человека спасает, на добрые дела наставляет». В Мценском уезде дружка жениха, первым входя в дом невесты, приговаривал: «Я по улице иду, Иисусову молитву творю. Господи Иисусе Христе, помилуй нас. По синецкам иду, Иисусову молитву творю...»

Войдя в дом, дружка прежде всего спрашивал: «Кто хозяин?» — на что отец невесты отвечал: «Первый Бог, а потом я». Та же тема звучала и в загадках, которые задавали девушки дружке жениха во время традиционных выкупов. В одной из загадок спрашивалось: «Что краснее солнца и светлее месяца?» — на что дружка отвечал: «Бог» или же просто подавал образ, который ставили на Божницу.

Среди народных представлений, определяющих поведение на свадьбе, одно из основных — боязнь порчи жениха и невесты и стремление избежать ее. Обычно большое внимание уделялось применению широко известных оберегов нехристианского происхождения. Естественно желание автора обратить внимание на экзотические, необычные эпизоды народного обряда. Между тем на протяжении всей свадьбы мы постоянно видим предохранительные действия, имеющие христианскую основу. Наиболее распространенные христианские атрибуты, выполнявшие роль оберегов, — иконы и святая вода. Кропление святой водой совершалось во время различных свадебных актов: ею кропили лошадей, постели молодых. При одевании жениха и невесты произносили молитвы, прятали переписанные тексты им под одежду, особенно популярен был апокрифический текст «Сон Пресвятой Богородицы». В Меленковском уезде Владимирской губернии рукопись с этим текстом не только брали к венчанию, но носили затем в течение 40 дней на груди от порчи. Кроме нательных крестов, которые носили постоянно, жениху и невесте надевали кресты на верхнюю одежду. Невесте такой крест надевался иногда поверх большого платка, которым она была покрыта от сглаза. Для защиты новобрачных постоянно прибегали к изображению креста: дружка крестил кнутом три раза дверь помещения, в котором должны были ночевать новобрачные, крестил каждое кушанье: крестообразные движения хлебом-солью над женихом и невестой делали все благословляющие; даже солома, которой были покрыты полы в день свадьбы, посредине избы, в переднем углу и у двери настилалась крестообразно — с целью предохранения от прихода злых людей. Интересно, что даже суеверный обычай обвязывать молодых рыболовной сетью от порчи, имеющий явно дохристианское происхождение, получал иногда христианское толкование. Как говорили, «сеть имеет предохранительные свойства, так как узлы ее связаны крестообразно». Перед повиванием после венца священнику подавали женский головной убор, который предстояло надеть молодой, с тем чтобы он прочел над ним молитву и окропил святой водой. Во избежание порчи перед отправлением поезда дружка три раза обходил его с иконой, с той же целью часто просили священника вывести молодых из церкви и проводить их до дома с крестом.

Кроме молитвенного обращения к святым с просьбой о защите и помощи, постоянно звучавшего на свадьбе, в определенные, принятые по ритуалу данной местности моменты отдельными лицами или всеми присутствующими читались молитвы. Обычно это известные, любимые в народе молитвы. Например, часто встречается упоминание о коллективном исполнении молитвы «Достойно есть» («Похвала Пресвятой Богородице»). Часто для чтения выбирались молитвы, содержание которых, по мнению исполнителей, наиболее соответствовало конкретному моменту. Например, считалось, что от порчи надежно защищала молитва «Да воскреснет Бог» («Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящие Его...»). Ее читал от «лихова глаза» дружка, обходя свадебный поезд, ее нашептывал «сторож» над поясом, которым подпоясывали невесту, или же пояс с текстом молитвы надевали ей на голое тело. Местные традиции рекомендовали читать определенные стихи из Псалтыря. Так, при отправлении к венцу, как считали жители Острогожского уезда Воронежской губернии, нужно было прочитать 123-й псалом, а чтение 31 стиха 67-го псалма должно было помочь «совершению удачной свадьбы».

В целом рассматривая весь комплекс средств защиты новобрачных, можно сказать, что предохранительные действия включали как христианские средства (ладан, крест, молитва), так и дохристианские (втыкание в платье жениха и невесты иголок без ушек, опоясывание сетью и т. д.). В то же время помощи просили и ждали лишь от Спасителя, Богородицы и православных святых. О б р а щ е н и е к н и м з а п о д д е р ж к о й, з а щ и т о й, б л а г о с л о в е н и е м — л е й т м о т и в р у с с к о й с в а д ь б ы.

На свадьбе венчание происходило в первый день и предшествовало основному свадебному пиру и первой брачной ночи. Автор очерков об обычаях Кирсановского уезда Тамбовской губернии писал: «Народ при заключении брака приписывает большое значение свадебному пиру, но не настолько, чтобы допускать вступление в сожительство после пира до венчания...» Второе положение не столь безусловно для русской традиции. Например, в южной части Макарьевского уезда Костромской губернии и Семеновского уезда Нижегородской губернии венчание происходило за неделю—две до свадьбы, причем, как писали: «Все это время между молодыми не существует никаких супружеских отношений и они называются женихом и невестой». Но при всем многообразии свадебной традиции не встречалось случаев, когда бы венчание следовало за свадьбой и узаконивало совместное проживание до венца.

Таинство венчания не просто вошло в свадебный ритуал; среди разнообразных обрядов первого дня, назначение которых — постепенный перевод жениха и

невесты в новый половозрастной и социальный статус, венчание заняло место кульминации перехода. Все акты довенчального периода как бы подготавливали молодых людей к предстоящему событию, поэтому, например, одевание, причесывание, провожание сопровождалось плачем и причитаниями. После венчания причитания прекращались и начинались обряды, символизировавшие совершившийся переход. Одним из доказательств этого может служить постепенность изменения прически новобрачной. До венца происходило обрядовое расплетение косы — прощание с девичеством. К венцу невеста ехала (и венчалась) с распущенными волосами. Необычность этой прически — ведь ни девушки, ни женщины с распущенными волосами не ходили — свидетельствует об отношении к венчанию как к обряду переходному. После венца, часто сразу же в церкви (в притворе, в сторожке), совершался обряд повивания, то есть заплетение волос «побабьи», и надевание головного убора замужней женщины. Подчеркнем, что одевание женского головного убора по русской традиции происходило после венчания, но до брачной ночи. Таким образом, по народным представлениям, венчания было достаточно для признания перехода девушки в половозрастную категорию женщин. Совершившийся переход фиксировался и свадебной терминологией: после венца жених и невеста назывались «молодыми».

Определенной спецификой отличался и костюм, в котором невеста венчалась. По обычаю многих мест, его отличали две особенности — скромность отделки, цвет (большое место занимал белый) и традиционность. На венчание жених и невеста часто надевали костюм, уже вышедший из употребления в данной местности. По прибытии в дом жениха его меняли на более праздничный. Особое отношение к венчальной одежде сказывалось и в том, что именно венчальную рубаху (а не одну из свадебных) берегли часто всю жизнь — «на смерть».

Рассматривая место венчания в народном ритуале свадьбы, мы обратимся вновь к фольклорным текстам, складывавшимся многими поколениями, и поэтическим языком выразившим взгляд народа на церковное таинство венчания. Надо признать, что функция венчания как одновременной регистрации, установленная государством, не нашла отражения в фольклоре. Зато совершенно очевидным становится глубокая религиозно-нравственная оценка таинства.

Вот несколько текстов, которые произносит дружка, обращаясь к присутствующим с просьбой дать благословение на отъезд в церковь: «Благословите, люди добрые, нашему новобрачному князю к суду Божьему ехать, у суда Божьего постоять, золот венец принять, святой водой перелиться, кресту-Евангелию поклониться и в отеческий дом возвратиться»; «Благословите ехать нам путем-дороженькой со своим суженым со своим ряженым, и приехать нам к Божьей церкви, Спасову образу поклониться, к отцу духовному подойти, благословения попросить, под злат венец встать, Закон Божий принять».

Нельзя не отметить то обстоятельство, что только в крестьянской среде неукоснительно придерживались древнего правила воздержания от пищи перед венчанием. По уставу Святой Церкви, записанному в 50-й главе Кормчей книги и в старых требниках, венчание должно было происходить утром после литургии, причем особое внимание обращалось на то, что жених и невеста не должны были до этого принимать пищи. «И никак же да не дерзает иерей под правильною казнию и под грехом смертным венчать по обеде ниже вечери, но пораню, ничтоже ядущих, ниже пивших, предуготованных и уже исповеданных», — говорится в «Руководстве для сельских пастырей», изданном в 1862 году. Во второй половине XIX века, как отмечалось в церковной литературе, эти правила «не поставляются уже в строгую необходимость и более предоставляются благочестивому расположению брачующихся». Если в городах, особенно среди высших сословий, входило в обыкновение венчаться во второй половине дня и даже вечером, то в сельской местности сохранялся прежний порядок венчания и подготовки к нему жениха и невесты. До венчания они лишь присутствовали на общих трапезах, но не ели совсем. Как знак запрета употребления пищи, ложки жениха и невесты во время обеда переворачивали ручками к центру стола. В некоторых местностях не только жених и невеста, но и их родители не ели и не пили до венчания. Воздержание от еды перед венчанием, совершавшимся после литургии и причащения, требовалось правилами церковной обрядности, но соблюдение запрета достигалось не церковным контролем (делать это было бы довольно трудно), а народными религиозно-нравственными взглядами. Как вспоминает пожилая женщина, «жених и невеста до венца не ели, это ведь грех какой — есть перед венчанием, ведь причащаться нужно». По представлениям крестьян, воздержание влияло и на будущую семейную жизнь. Так, в Порховском уезде Псковской губернии считали, что жених и невеста до венчания не должны есть и пить «для счастья и супружеской верности».

Народные представления наделяли таинство венчания широким спектром мистического действия. В крестьянской среде постоянно прибегали к использованию элементов христианской атрибутики в качестве оберегающих и исцеляющих средств. Так, берегли венчальные свечи и зажигали их во время родов; снимали с концов свечей воск, лепили комок и прилепляли к Божнице, что гарантировало новобрачным «на всю их жизнь согласие и взаимную любовь». Заболевших младенцев лечили водой, спущенной с благословенной иконы. Но, как считали, такие же свойства приобретали и обычные, то есть не сакральные предметы, находившиеся с молодыми во время венчания. Эти представления вызвали, например, обычай брать с собой в церковь хлеб, который после венчания должны были съесть вместе. Так, в Вельском уезде Вологодской губернии дружка, отрезав по горбушке от караваев жениха и невесты, клал их себе за пазуху «для увоза к венцу с тою мыслию, что эти горбушки, пробывши в пазухе во время венчания и согретые его телом, получают особенную силу, именно сохранять союз, если после венца будут вместе съедены». Чаще этот хлеб клали за пазуху невесте. В Судогодском уезде Владимирской губернии брали на венчание пресную лепешку без соли, специально испеченную. Распространен был также обычай класть невесте за пазуху мыло. Видимо, в силу очищающего действия, мыло в сфере мистических представлений наделялось свойствами оберега. Венчальное мыло, как верили, приобретало целебные свойства, им широко пользовались при купании детей. Жители Ярославской губернии приписывали магические свойства и «подножью» — полотенцу или коврику, на которые становились жених и невеста. Его клали новобрачным в первую брачную ночь под перину — чтобы не могла подействовать никакая порча. В некоторых же случаях его забирали свахи, считая священным.

В отношении к таинству венчания мы видим убежденность в том, что венчание не только соединяет молодую пару «вечно-навечно», но и в целом обладает мистической фиксирующей силой. Это свойство, как верили, давало возможность повлиять положительным образом на будущую жизнь молодой пары. Поэтому возникали и соответствующие рекомендации: «Когда надевают венцы, должны взглянуть друг на друга, чтобы согласно жили»; после венчания молодые должны были вместе подуть на венчальные свечи, «чтобы вместе жить и умереть». Им также рекомендовалось во время венчания делать поклоны одновременно «для согласного житья». Подобные суеверия влияли определенным образом и на поведение поезжан. Так, в Судогодском уезде Владимирской губернии поезжане старались креститься вместе, «чтобы молодым жить дружнее».

Фиксирующее свойство венчания обладало, по поверьям, и способностью воздействия на физическое состояние молодых. Поэтому, например, им рекомендовалось, в то время когда священник обводил их вокруг аналоя, говорить: «Хвори, боли, не привенчайтесь, а доброе здоровье привенчайся». Под ноги жениху и невесте сваха клала новую деревянную ложку — чтобы «раздавить все болезни молодых, не завенчать их». Во время венчания, как иногда считали, можно было избавиться от болезни. Например, если во время обручения после слов священника: «Раба Божия обручается», сказать: «А у меня болезнь кончается», то болезнь не возобновится, так как будет «завинцена».

Здесь приведены примеры суеверий, родившихся на основе христианского учения, с которыми сама церковь, как и с любыми суевериями, постоянно боролась. Тем не менее они служат дополнительным доказательством проникновения христианства во все сферы духовной жизни народа, даже в такую консервативную область культуры, как мир суеверий и примет.

Бывали случаи, когда церковное запрещение разводов оборачивалось трагедией для супругов. Но важно то, что народный идеал семьи совпадал с христианским учением о нерасторжимости браков. Весь ритуал бракосочетания ставил целью не только санкционировать создание семьи, но подвести каждого из венчавшихся к осознанию взятой отныне на себя «перед Богом и людьми» ответственности за созданную семью. Весь ход венчания, полные священной силы акты, чтение соответствующих глав из Евангелия и Апостола, в которых говорится о нерушимости супружеских уз, взаимной любви и заботе друг о друге, неоднократное испрашивание благословения на венчавшихся и их детей, прекрасное пение и молитвы способствовали восприятию происходящего именно как священного таинства соединения, о чем говорят и народные характеристики венчания: «На суд Божий пойти», «Суд Божий принять», «На Божий суд, на страшный час, на святое венчание идти».

ФОТО ГЕННАДИЯ БОДРОВА

ЕЛЕНА МИНЁНОК

«ПОГУЛЯЕМ НА ДУХОВ ДЕНЬ!»

Всего в 350 километрах от Москвы и в 40 минутах езды от крупных промышленных центров, а именно — на юго-западе Калужской области, можно еще услышать многочасовое застольное пение. Человек двадцать старух с отчаянным задором и почти со слезой выводят:

Эх-ы, не в пиру ж я была, не в беседушке,
Да была я, молода, у милого дружка,
У милого у дружка, у сердечного,
Я не мед же ела, не сыту пила,
А пила я, молода, горьку водочку,
Горьку водочку пила да наливочку,
Я не рюмочкой пила, не стаканчиком,
Да пила я, молода, из полна ведра...

Духовская суббота. Поминание.

Здесь еще ходят в гости на второй день свадьбы в поневах, расшитых фартуках-занавесках и в играющих разноцветным стеклярусом повойниках. А про зажиточную соседку, у которой к тому же и муж не пьет, и дети все при деле, до сих пор говорят, что она «накрыла русалку», то есть встретила в лесу «бабу голу с волосами до пят» или ее ребеночка и подарила им что-то из одежды, и за это добро наградила ее та русалка и хозяйством богатым, и мужем до нее милостивым, и детками разумными. Здесь что ни село — то заповедник, что ни сундук — то кладовая, что ни человек — то художник. Работы для этнографов, фольклористов, этномузыковедов — непочатый край. И народ в этих местах чрезвычайно открытый и любознательный. Стоит зайти в сельский магазин, поздороваться с очередью, как тут же обступят «чужака» со всех сторон, станут расспрашивать: кто, откуда да зачем. А если сказать, что приехал за песнями, так через час собирается хор.

Маршрут ежегодной экспедиции кафедры фольклора филологического факультета Московского университета проходил через село Троицкое Куйбышевского района. Там на все просьбы петь мы постоянно слышали: «Чего ж вы к нам на Духов день* не приехали? Вот бы вам духовских наиграли — всех ваших тетрадок да пленок не хватило бы!» Стали расспрашивать о духовских песнях. А в ответ смеются да отнекиваются: «Что вы?! Сейчас зима, начну духовскую играть — скажут, с ума старуха сошла! Да и стыдные они, их только на Духов день и можно играть!» — «А как это стыдные?» — «Да так вот и стыдные — срамные!» С обещаниями не включать магнитофон записали мы тогда несколько духовских песен. Да и не песни это были, а одно мучение: где смех душил наших старушек, где внезапно замолкали они, стесняясь произнести «стыдное» слово, а где останавливались — «все, дальше забыла!» Зато рассказов о самом Духовом дне — хоть отбавляй! И каждая изнутри светится, как только заговорит о нем: «Что ты! Мы Духова дня целый год ждем!» — «А что же за праздник это такой?» — «Все село гуляет, старухи скачут! Как с куклой по деревне пойдем, так все на улицу — и старый, и малый!» — «А что за кукла?» — «Да такая вот кукла — как женщина голая!» — «И кто же делает такую?» — «Мы и делаем, а Маня Линькова командует!»

Да простит мне дорогая Мария Федоровна Линькова, что я упомянула ее без отчества. Но не было дома, где бы не вспомнили о ее песнях и шутках в связи с Духовым днем. Рассказывали даже такой случай.

Годах в шестидесятых назначили в троицкий колхоз нового председателя, человека пришлого, местных обычаев не знавшего. Духов день — а он народ в поле определил! Какой, мол, такой Духов день, работать надо, продукцию государству давать! А Маня Линькова все равно куклу сделала, и пошли бабы с этой куклой скакать. Проезжает председатель на машине мимо, проверяет, как бабы в поле работают. И вдруг видит — а бабы-то куклу треплют да гогочут. Разозлился он, из машины вышел, и прям на Маню идет. А та не сробела да и говорит:

— А послушай-ка, человек хороший, песенку нашу духовскую!

И запела:

Ох ты, парень, паренек,
Схватил девку поперек,
Понес ее у лесок,
За пень, за колоду,
За белу березу.
— Ой, стой, парень, не валяй,
Сарафана не марай!
Сарафан мой синий,
Сама, девка, скину,
Под себя подкину!

И пропела всю песню до самого конца. Председатель тут еще больше рассердился, а она ему — другую духовскую. Тот обижался, обижался, а потом вслушался, слова начал разбирать, а как понял все, так и покатился со смеху. А потом шапку об землю — гуляйте, бабы, Духов день и еше два дня даю!

После той зимней экспедиции загорелись ее участники идеей отснять на кинопленку обряд Духова дня. Написали письмо-заявку во Всесоюзный институт кинематографии. И нашлись два студента с операторского отделения, которых заинтересовал обряд в качестве материала для курсовой работы. Так родился документальный фильм «Духов день», «кадры» из которого предлагаю вниманию читателя.

Накануне Духова дня, в Духовскую субботу, идут жители села на кладбище. Идут всей семьей, с грудными детьми. Когда мы подходили к березовой роще, скрывающей кладбище, в воздухе висел странный монотонный гул. Звук производил жутковатое впечатление, казалось, что от какого-то непонятного напряжения гудят сами березы. Время от времени раздавались резкие вскрики. Уже на кладбище стало понятно, что ощущение непрерывно ноющего гула создавала разноголосица поминальных плачей. Каждая семья на могиле своего родственника расстелила скатерть и выложила нехитрое поминальное угощение — яйца, печенье, конфеты. Это был приснопамятный 1986 год, время борьбы с алкоголизмом, и люди, увидев кинокамеру, снимающую поминальную трапезу, прятали ста-

Наряжание куклы.

С куклой по деревне.

В вальсе с куклой.

* В данной местности, в отличие от церковной традиции, пятидесятый день после Пасхи называют Духовым днем, а пятьдесят первый — Троицей.

каны и бутылки с водкой. Но одна женщина не постеснялась и демонстративно перед камерой налила себе полную стопочку... Три старушки ходили мимо могил, кадили угольком из консервной баночки и тихонько тянули: «Святый Боже, Святый крепкий, помилуй нас»...

Но прошла Духовская суббота и наступил Духов день. Как назло с утра зарядил дождь. Мы боялись, что никто не выйдет на улицу и Духов день не придет, как не пришел он в прошлом, 1985 году, когда из-за дождя никто не отправился в лес делать духовскую куклу...

После полудня дождь стал утихать и к дому Марии Федоровны Линьковой пошли три старушки. Некоторое время они пробыли у нее — должно быть, собирали все необходимое: топор, веревки, уголек. И вот они вышли, в синих сарафанах, белых кофтах, повязанные цветастыми подшальниками. Прошли метров десять и запели:

Приглашал Ваня Дуняшу с собой ночку ночевать:
— Поночуй-ка, Дунюшка, поночуй, голубушка!
Я куплю тебе сережечки серебряные,
А другие золотые, подзолоченные!

Раньше «до куклы» озорные песни не пели, но сейчас — кто разбирает? Главное — привлечь народ. И правда, открываются двери на крылечках, из калиток выбегают ребятишки и собаки. И те и другие пристраиваются к поющим сбоку. Постепенно народ подтягивается, и к лесу уже подходит человек двадцать-двадцать пять.

У опушки леса Мария Федоровна гнет то одну березку, то другую. Все — не то. Потом — вот, найдено! Командует: «Рубите!» Рубит молодая дородная женщина, с косой ниже пояса. Потом рубят вторую березку, связывают их вместе и делают что-то наподобие туловиша, причем стараются придать особую пышность женским «формам» будущей куклы. Другие ломают ветки берез и одним движением ловко заплетают венки. Повесив на руки пять, шесть венков, они надевают их всем подряд: и зрителям, и тем, кто непосредственно занят куклой. Постепенно не остается никого без пышного, мокрого, дивно пахнущего венка. А «голову» куклы тем временем оборачивают белой материей и начинают рисовать на ней лицо. Уголек под дождем размок и не чертит. Кто-то протягивает шариковую ручку.

— Вот поглядите, в Москве не увидели бы такую чуду!

Потом начинается самое главное — наряжают «барышню». Это оказывается делом нелегким: дождь не перестает ни на минуту, и мокрая юбка не лезет на куклу. Кто-то предлагает пойти в крайнюю избу и уже там нарядить ее. Так и делают. Толпа зрителей также направляется в дом.

— Эй, все не влезем, хата не резиновая!

— Кукла поместится, проходи!

И, обращаясь к самой «барышне»:

— Летний дождик, — ничего, вырастешь побольше!

Мокрая юбка так и не налезла на куклу, и хозяйка избы отдала свой халат:

— Только глядите, как куклу будете в речку бросать, халат мой снимите!

— Ладно, халата пожалела, все зальем! — смеются женщины.

Хозяйка грозит полушутя-полусерьезно:

— Я тогда вас залью!

— Не бойсь, не зальем!

—А я вот боюсь, давайте-ка, я ее с Евсеихой понесу!

Перемерив «барышне» с десяток платков, женщины, наконец, повязывают ее платком с алыми цветами, а сверху надевают березовый венок.

Готовая «барышня» стояла на крыльце, и дождь стал утихать. Мария Федоровна запела:

Ой, вы, девки-молодки, полно горе горевать,
Полно горе горевать, идемте на улицу гулять!

И толпа во главе с куклой, которую несли две женщины, направилась по дороге к другому концу деревни. Не успевала заканчиваться одна духовская песня, как сразу подхватывали следующую. Случалось, что запевалы — две лучшие песельницы села — Мария Федоровна Линькова и Елизавета Николаевна Тимохина (Царствие Небесное этой удивительной, прекрасной женщине. В тот дождливый Духов день она простудилась, потом долго болела и осенью умерла) перебивали друг друга, спеша запеть свою духовскую. А «барышню» под песни поворачивали во все стороны, трясли — «раз люди пляшут, значит, и она плясала!»

По деревне шли около часа, к шествию с куклой присоединялись все новые и новые люди, пока процессия не подошла к мосту над небольшой речкой под названием Ручей. Здесь все остановились и «барышню» поставили на землю. Многие протискивались поближе к кукле, чтобы лучше ее рассмотреть. Елизавета Николаевна Тимохина повела вокруг «барышни» хоровод:

На горушке роща березовая,
Березовая, рассоженная,
Как по этой роще девка гуляла,
Девка гуляла — пела, играла...

Сама пошла за «девку», а «молодца» вывела в круг из числа зрителей. Поначалу тот сильно стеснялся, но потом — почувствовал плавный ритм песни, неспешное движение хоровода и вошел в «роль». Хороводных песен пели мало — замерзли. Медленное кружение в хороводе не давало возможности согреться. И тогда стали сетовать, что нет гармони: раньше на Духов день собиралось до пяти гармонистов, а сейчас и одного нет. И решили немедленно привести. Кто-то из зрителей наблюдал за праздником аж из «Жигулей» (это чтобы не намокнуть). Он-то и поехал за гармонистом. Минут через десять такового доставили. С первыми аккордами в круг выскочили женщины разных возрастов, пошла пляска под частушки.

Неожиданно для всех гармонист заиграл вальс, закружилось несколько пар. В хорошую погоду на Духов день гуляют до полуночи, но сегодня все, мокрые до нитки, решили разойтись до вечера. Запели последнюю духовскую:

Смирена беседушка, где батюшка пьет,
Он пить не пьет, разголубчик мой,
За мной, младой, шлет,
А я, млада, младешенька, замешкалася,
За утями, за гусями, за зорюшкою...

Невыразимо печальная мелодия этой песни удивительно соответствовала происходящему: с куклы сняли фартук, халат, платок с алыми цветами, а две березки, связанные друг с другом, с палкой поперек стволов, которая только что была «руками» барышни, с белым куском материи, который только что был «лицом» барышни, бросили в речку. «Туловище» медленно поплыло по течению. Затем каждый кинул в воду свой венок и остался стоять на мосту, наблюдая, как он плывет. Если венок потонул — к скорой смерти, плывет под водой — к болезни, прибился к берегу — к отъезду из села, а если плавно плывет по поверхности воды — к долгой, спокойной жизни. У одной старушки березовый венок кружится на одном месте, а потом идет ко дну:

— Ох, не доживу до следующего Духова дня, последний раз плясала!

И она еще долго стоит на мосту, надеясь, что ее венок вынырнет из темной воды.

А на другой день, в понедельник, ходят жители села далеко в лесную чащу на Монахов колодец. Рассказывают, что жил здесь когда-то монах-отшельник. Молился за грехи рода человеческого, постился и стал почти святым. Как-то раз пришли к нему разбойники и стали требовать, чтобы он указал им, где клад зарыл. А у него и не было никакого клада, но не поверили ему разбойники. Раскололи они пень, да в расщелину заложили бороду святого старца, а сами ушли. Стал отшельник по волоску бороду выдергивать, а когда вырвал последний волосок, то в ту же минуту отдал Богу душу. В память о нем и выкопали люди Монахов колодец, который до наших дней почитается за святое место. Каждый раз после Духова дня полагается прийти сюда, помолиться от всей души, чтобы Бог простил «срам», какой творили день назад, бросить мелочь на дно и взять воду на случай болезни, оставив рядом с колодцем поминальную еду.

Мы расспрашивали о том, зачем делают эту куклу, зачем пляшут с ней и поют «срамные» песни, зачем топят ее в реке? Потому как не из монографий и научных статей нам хотелось услышать объяснение этого интереснейшего обычая. Но на все наши вопросы нам отвечали: «Не нами заведено, не нам знать об этом и не нам бросать. А даст Бог, будем живы, так и опять погуляем на Духов день!»

Мария Федоровна Линькова.

Духовское гуляние.

«Туловище» куклы падает в речку.

НАТАЛЬЯ ЛЕБИНА,
кандидат исторических наук

ОКСФОРД СИРЕНЕВЫЙ И ЖЕЛТЫЕ БОТИНОЧКИ...

ФОТО АЛЕКСАНДРА РОДЧЕНКО

На первый взгляд кажется, что более легкомысленной и аполитичной темы, чем мода, не существует. Но впечатление это обманчиво. Еще в 1909 году немецкий исследователь Э. Фукс писал: «Мода является не только эротической проблемой, но и важным средством классового обособления». Особенно ярко это проявляется в период острых социальных катаклизмов. Достаточно вспомнить эпоху Великой Французской революции. Люди, носившие башмаки а ля Франклин, длинные холщовые штаны, красный фригийский колпак и чепцы с трехцветными лентами, могли рассчитывать на лояльное отношение новой революционной власти. А вот за пристрастие к атрибутам аристократической моды — кюлотам (коротким панталонам), шляпам а ля бонне нотабль, парикам, юбкам на обручах — можно было прослыть врагом революционного народа и поплатиться головой.

Не менее выразительно социальные аспекты моды проявились и в России, в период становления тоталитарного общества. Попробуем восстановить внешний облик среднего горожанина, например жителя Ленинграда и Москвы, в 20—30-е годы.

КАК «ОПАНТАЛОНИТЬ» ТАЛОНЫ

В последние месяцы, отделившие эпоху гражданской войны от нэпа, город на Неве посетил Герберт Уэллс. В книге «Россия во мгле», написанной после поездки в Совдепию, он отмечал: «*Люди обносились... Вряд ли у кого в Петрограде найдется во что переодеться...*»[1] Это впечатление у великого фантаста сложилось не только под влиянием общего вида петроградской толпы. На встрече в Доме искусств он воочию убедился в том, что горожанин, даже принадлежащий к творческой элите, разут и раздет. Уэллсу пришлось выслушать почти истерическое выступление А. В. Амфитеатрова: «*...многие из нас, и может быть более достойные, не пришли сюда пожать вашу руку за неимением приличного пиджака и что ни один из здесь присутствующих не решится расстегнуть перед вами свой жилет, так как под ним нет ничего, кроме грязного рванья, которое когда-то называлось, если я не ошибаюсь, «бельем»...*»[2] Подобными деталями изобилуют дневники и воспоминания многих деятелей искусства, литературы и науки.

Плохо были одеты представители и других городских слоев, в том числе и класса победителей. Правда, в начале 1921 года по талонам рабочим выдавались разнообразные промышленные товары, причем не только обувь и одежда, но и простыни, полотенца, носовые платки, мыло, а иногда даже гвозди и рыболовные крючки — в общем все, что было на складах города в данный момент. Практически до конца 1921 года представители пролетариата получали одежду и предметы домашнего обихода бесплатно. В январе 1921 года металлистов, химиков и текстильщиков попытались обеспечить нижним бельем. Специально для этого из особых запасов пряжи изготовили 17 тысяч трикотажных комплектов. Летом того же года среди рабочих города бесплатно распределили более 5 тысяч пальто, 1,5 тысячи курток, около 12 тысяч хлопчатобумажных костюмов, 19,5 тысячи блузок, 6 тысяч брюк. Если учесть, что только в крупной промышленности города было более 80 тысяч рабочих, то получается, что одно пальто приходилось на 16 человек. В условиях разрухи и нищеты никакая система распределения не могла обеспечить нормального существования. Попытки же отрегулировать ее лишь усиливали ощущение неравенства в «пайковом» обществе. Чаще всего натуральную часть заработной платы рабочие и служащие меняли на продукты питания. К. И. Чуковский писал в своем дневнике в сентябре 1922 года, что большинство детей школьного возраста, отвечая на вопрос о месте работы родителей, писали: «Мальцевский рынок».

В середине 1922 года прекратилась систематическая выдача обуви и платья рабочим. В результате многие из них, особенно молодые, по воспоминаниям наборщика типографии № 4, «*ходили в гимнастерках с «разговорами» (так в шутку называли поперечные клапаны), носили ботинки с обмотками, а на голове — буденовки-шлемы*»[3].

Нередко на заседаниях фабкомов обсуждались ходатайства о выдаче материальной помощи на покупку платья и обуви. Весьма характерно заявление, поступившее в 1923 году в завком Обуховского завода Петрограда. В документе отмечалось: «*Из одежи у него (рабочего.* — Н. Л.) *ничего нет, кроме того, в чем ходит на работу, а на работу ходит в рваном. То, что есть, порвано и поношено*»[4]. Бедно одевалась основная масса студенческой молодежи. В. Кетлинская вспоминала: «*В обиходе у меня была одна юбчонка и две фланелевые блузки — по очереди стираешь, отглаживаешь и надеваешь в институт и на вечеринку, дома и в театр*»[5]. Те же трудности испытывала и петроградская творческая интеллигенция, ученые и писатели. Н. Мандельштам совершенно серьезно писала: «*Женщины, замужние и секретарши, все мы бредили чулками*». Сама она к моменту приезда в Ленинград в середине 20-х годов имела «*одно пальто на все сезоны и туфли с проношенной подошвой, подшитые куском шелка от юбки*»[6]. Достаточно сказать, что починка обуви и платья занимала у петроградцев в начале 20-х годов очень много времени. По данным С. Г. Струмилина, в декабре 1923 года в будний день служащие тратили на уход за одеждой 0,89 часа, рабочие — 0,7 часа, то есть больше, чем на различного рода развлечения.

И все же на петроградских улицах можно было видеть прилично одетых людей. Это были представители новой партийно-государственной элиты. О качественных вещах, имевшихся в распоряжении работников Петросовета, губкома РКП(б) и прочих инстанций, часто упоминается в записках Ю. П. Анненкова и К. И. Чуковского. Однако всеобщей известностью пользовались знаменитые бальные платья Л. Рейснер. В 1920 году на маскараде в Доме искусств она была в роскошном белом туалете с кринолином, сшитом по рисункам Л. Бакста к балету «Карнавал» на музыку Шумана.

Для масс подобная одежда, конечно, была недоступна.

ГОД НОВЫХ ВЕЩЕЙ

Самым модным и престижным атрибутом внешнего вида в годы гражданской войны являлась кожанка. Любопытно превращение своеобразной форменной одежды шоферов и летчиков в некий знак причастности к социальным переменам в России после 1917 года. Кожаная куртка как бы подчеркивала принадлежность человека к слою революционных преобразователей, служила своеобразным пропуском в любое советское учреждение. На петроградских вещевых рынках она была самым ходовым товаром, приобрести который стремились прежде всего начинающие карьеру партийные работники и комсомольские активисты. В их среде самой модной одеждой для девушек считалась также черная юбка, белая блузка, красный платок (по ассоциации с красным фригийским колпаком).

Тянулась к внешней революционной атрибутике и молодежь. Молодая москвичка, дочь мелких служащих, в 1924 году записала в своем дневнике: *«Я видела одну девушку, стриженую, в кожаной куртке, от нее веяло молодостью, верой, она готова к борьбе и лишениям. Таким, как она, принадлежит жизнь, а нам ничего»*[7]. Такие настроения бытовали и в среде молодежи города на Неве, особенно в начале 20-х годов.

С середины 20-х годов кожанка в советской России вышла из моды. Знаковое содержание этого предмета одежды, конечно, свидетельствовало об определенном стиле жизни, принадлежности к некой касте, постоянно готовой к борьбе. Общество стало уставать от психологического напряжения. Появилось стремление выбирать иные, более соответствующие мирному времени, виды одежды. Об этом, в частности, ярко свидетельствуют материалы дискуссий, разворачивавшихся на страницах периодической печати во второй половине 20-х годов. Так, молодая работница писала в журнал «Смена» (орган ЦК ВЛКСМ): *«Теперь, если ходить в кожаной куртке, девчата фыркают... Они увлекаются прическами и фильдеперсовыми чулками»*. А молодые текстильщицы Ленинграда, развивая эту тему на страницах «Комсомолки», сообщали: *«Посмотрите, с кем больше всего проводит досуг комсомолец, что обиднее всего — активист. С накрашенными девицами, зачастую чуждыми его взглядам на жизнь. Что иногда говорит комсомолец? — Раз ты в кожанке — мне с тобой какой интерес?»*[8]

Действительно, ленинградцы, и прежде всего молодежь, уже тянулись к иной одежде, тем более что материальный уровень населения города во второй половине 20-х годов возрос. К. Чуковский записал в дневнике 1 апреля 1925 года: *«Этот год — год новых вещей. Я новую ручку макаю в новую чернильницу. Передо мною тикают новые часики. В шкафу у меня новый костюм, а на вешалке новое пальто...»*[9] О явном оживлении писал и В. В. Шульгин, тайно посетивший СССР в 1925 году. Он заметил даже *«богато, по-советски одетых людей»*. В магазинах, по наблюдению В. В. Шульгина, можно было спокойно купить «толстовку» — вид одежды, получавший все более широкое распространение[10].

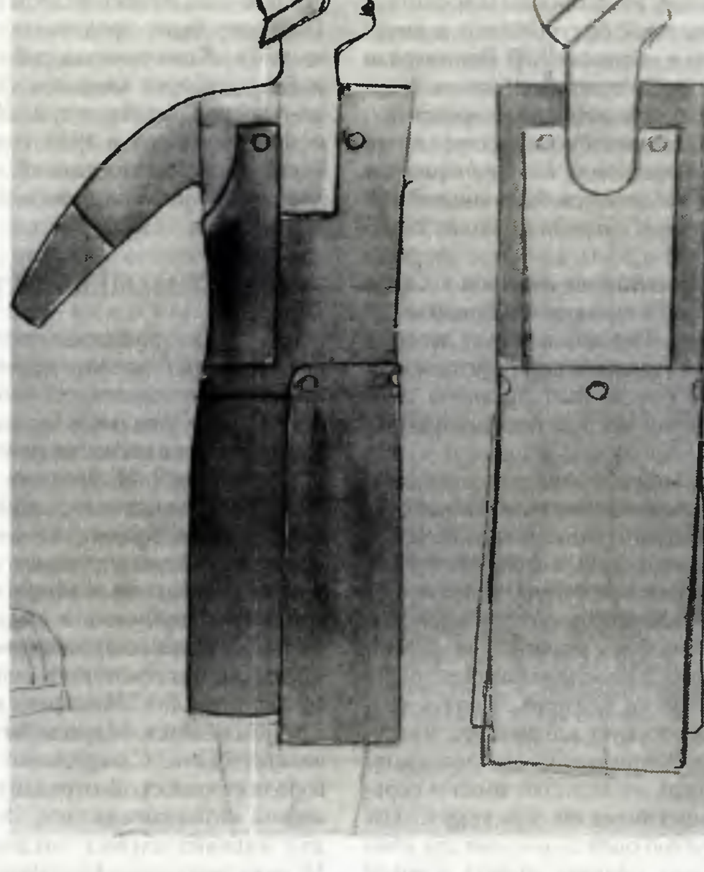
Ультрамодным стал так называемый «птичий» покрой платьев — с летящими, как бы оборванными подолами. Популярными были также короткие юбки в сочетании с длинным верхом, ботинки на шнуровке, лиса или песец на плечах, недлинный каракулевый жакет-«сак», маленькие, надвинутые на глаза шапочки. Появились и новые прически — стрижка «буби-кофф». В мужском костюме особым шиком считались ботинки «шимми» или «джимми» и брюки «оксфорд» — короткие, до щиколотки, и узкие. Д. Хармс — человек, весьма небрежный к деталям повседневного быта, — и тот записал в своем дневнике 26 сентября 1926 года: *«Купил сапоги «Джим» в Гостином дворе, Невская сторона, магазин № 28»*[11]. А молодежь в это же время вдохновенно распевала песню такого содержания:

Я Колю встретила на клубной вечериночке.
Картину ставили тогда «Багдадский вор».
Оксфорд сиреневый и желтые ботиночки
Зажгли в душе моей негаснущий костер.

Формировался и новый престижный набор одежды. Опрос молодых ленинградских рабочих, проведенный в 1928 году, показал, что большинство юношей и девушек считали старомодное платье свидетельством бедности, а человека, его носящего, называли *«мокрой шваброй»* и *«паршивым скупердяем»*. Молодая работница мечтала иметь *«крепдешиновое платье, пальто, обтягивающее формы, лакированные или бежевые лодочки, шелковые чулки с яркой стрелкой, яркий, кокетливый джемпер, пузырчатый чемоданчик вместо сумки»*. Юношей привлекали *«пиджак с обхваткой в талии, коротенькие дудочки с манжетами, клетчатая английская кепи с огромным прямоугольным козырьком, остроносые желтые ботинки, полосатые носки и кашне «а ля апаш»»*[12].

Вещи эти были вполне доступны в Ленинграде второй половины 20-х, но относительно дороги, и иметь их, конечно, в первую очередь могли представители нэпманской буржуазии. Большевикам же фасон платья или обуви с идеологической точки зрения казался таким же опасным, как труды мелкобуржуазных философов и политических деятелей. Партийные и комсомольские органы объявили настоящую войну приверженцам «мелкобуржуазной, нэпманской» моды. В пристрастии к хорошей одежде, а следовательно, в «буржуазных замашках», пытались обвинить Г. Е. Зиновьева в ходе дискуссии по проблемам строительства социализма в СССР в 1925—1926 годах. Неудивительно поэтому, что приехавший в Ленинград для разгрома зиновьевцев С. М. Киров имел сугубо пролетарский вид. Один из партийных активистов вспоминал о приезде Кирова на завод им. Егорова: *«Он был в осеннем пальто, в теплой черной кепке и выглядел настолько заурядно и просто, что егоровцы даже говорили, что многие рабочие представительнее его по внешности»*. Думается, что подобный камуфляж, которого лидер ленинградских коммунистов придерживался до трагической гибели, одновременно имея шикарную квартиру, проводя досуг на охоте и т. д., был своеобразным пропагандистским ходом. Тем более что в это время властные и идеологические структуры активно начали вновь проповедовать аскетизм в одежде. Этим занимались бытовые коммуны. Во многих из них, согласно уставам, девушкам запрещалось носить туфли на каблуках. В одной из ленинградских коммун в 1926 году дисциплинарным нарушением объявили приобретение комсомолкой синего суконного пальто. Довольно традиционным вопросом на комсомольских собраниях тех лет было осуждение галстуков, косметики, украшений.

В 1926 году на страницах молодежного журнала «Смена» С. Смидович, заведующая отделом работниц при ЦК ВКП(б), гневно клеймила девушек в шелковых блузках, заявляя, что лишь развращенные буржуазки ласкают свою кожу прикосновением шелка. У нашего современника это вызывает лишь улыбку. Вот еще факт из этого же ряда: специальное решение бюро ВЛКСМ Балтийского завода Ленинграда, принятое в 1928 году, приказывало одной из комсомолок *«срочно снять дикие цыганские украшения — серьги»*[13].

Далеко не веселым было дальнейшее развитие подобных решений. Исключение из комсомола грозило потерей работы. Бывший рабфаковец 20-х годов К. Л. Брук вспоминал, как его, члена РКП(б), направленного учиться в Петроградский университет на факультет общественных наук, исключили во время чистки 1924 года лишь потому, что по бедности гардероба он носил старую студенческую форму с чужого плеча. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы получить характеристику *«белоподкладочника»*[14]. Вероятно, такого же рода произволом было вызвано и письмо в «Смену» ленинградской комсомолки, с возмущением восклицавшей: *«Или вы думаете, что чем аскетичнее образ жизни, тем он коммунистичнее, и шелковая блузка — паспорт мещанки, за нее нас гнать из партии?»*[15] Своеобразные судилища над атрибутами моды проводились очень часто. В 1928—1929 годах; например, обрушились на лакированные туфли. Журнал «Смена» убеждал, что лакированные туфли стремятся носить только те, кто не собирается строить социализм.

Любопытно отметить, что призывы коммунистической партии и комсомола к аскетизму в одежде в определенной степени совпадали с исканиями российских конструктивистов, стремившихся достичь господства принципа целесообразности в конструировании одежды. Костюмом сегодняшнего дня они называли прозодежду. Ведь, по словам известной художницы-конструктивистки В. Степановой, *«нет костюма вообще, а есть костюм какой-нибудь производственной функции»*[16]. Степановой вторила и известный модельер Н. Ламанова. У нее, кстати сказать, одевались в 20-е годы жены многих партийных работников.

Советские идеологические структуры активно внедряли в сознание горожан, в особенности молодого поколения, идею о том, что внешний облик человека является прямым и непосредственным выражением его политических симпатий и антипатий. Поэтому неудивительно, что на ленинградских комсомольских конференциях представителей ЦК ВЛКСМ часто спрашивали: *«Что должен носить комсомолец и можно ли по одежде определить классового врага?»*

В начале 30-х годов гонениям подвергались атрибуты внешнего вида уже не нэпманов, а интеллигенции. Достаточно вспомнить выражение: *«А еще в шляпе!»* Его появление совпало с гонениями на техническую и гуманитарную интеллигенцию в Ленинграде в 1928—1930 годах, когда по обвинению в причастности к шахтинскому делу и «заговору академиков» были репрессированы многие педагоги, ученые, инженеры. Антисоветскими стали считаться мужские туфли (в противовес сапогам), пиджак, сорочки с крахмальными воротничками. Любопытную деталь выделил в своих воспоминаниях писатель Д. Гранин. Описывая ленинградскую улицу конца 20-х — начала 30-х, он отмечал, что до какого-то временного рубежа инженера можно было легко узнать в уличной толпе по фуражке со значком профессии — *«молотком с разводным ключом»*. Подобный головной убор напоминал *«что-то офи-*

церское, и это не нравилось, так что вскоре фуражки исчезли»[17].

О ШТАНАХ В ОБЛАКАХ

Однако гонения на гардероб интеллигенции продолжались недолго. Хорошая одежда в годы первой пятилетки стала вообще редкостью. Форсированное строительство социализма началось с того, что маленький человек большого города вновь катастрофически обносился. С середины 1929 года возникли перебои с промышленными товарами. Их, как и продовольствие, стали выдавать по карточкам. Московский учитель И. Шитц писал в своем дневнике, что в Москве даже по талонам невозможно приобрести мужскую обувь, белье, брюки. Летом 1930 года весьма популярным стал анекдот о разнице между Маяковским и воспетым им Моссельпромом — «*первый дал «Облако в штанах*», а второй — «*штаны в облаках*»[18]. В Ленинграде население также было одето не лучшим образом. Карточное распределение мало чем помогало горожанам. Д. Гранин вспоминал: «*Длинные очереди стояли за пальто... за сапогами, за чулками. На дефицитные вещи давали ордера, но и по ордерам были очереди. В очереди становились с ночи. В очередях стояли семьями, сменяя друг друга*»[19].

Возобновление распределительной системы в конце 20-х годов повлекло за собой возрождение привилегий по социальным признакам. Однако в эпоху первых пятилеток советская власть стала более осмотрительной, чем в годы гражданской войны: лишнюю пару белья, сорочку, кусок материи мог получить не просто рабочий, а ударник.

Конечно, в обстановке всеобщего «оборванства», царившего в стране, идеологический натиск на некоторые виды одежды был уже достаточно нелепым. И все же властные структуры попытались возродить традиции аскетизма эпохи гражданской войны. Выразилось это в создании юнгштурмовской формы. Эту идею выдвинул тогда секретарь одной из московских районных организаций комсомола, а впоследствии генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев. Печать развернула мощную идеологическую кампанию. Введение формы отчасти решало проблему материального обеспечения молодых людей, но акт этот имел и серьезный общественно-политический подтекст. ЦК ВЛКСМ решил ввести особую одежду именно для комсомольцев. «Комсомольская правда» писала в июне 1928 года: «*Образец формы предлагаем московский (гимнастерка с откладным широким воротником, с двумя карманами по бокам, с двумя карманами на груди, брюки полугалифе, чулки и ремень, можно портупея). Форма цвета темноватого хаки. Эта форма и ее фасон наиболее приемлемы, так как она прочна, дешева (7 р. 50 коп., не считая чулок — 1 р. 25 коп.), удобна — не стесняет движений, проста — не криклива, изящна*»[20]. На эти атрибуты возлагались большие надежды. Предполагали, что форма юнгштурма «*дисциплинирует комсомольцев*», будет способствовать «*объединению ребят*», позволит утвердить «*сугубо товарищеские отношения между юношами и девушками, воспитать чувство ответственности у комсомольца за свое пребывание в комсомоле, примерность поведения у станка, на улице, дома...*».

Действительно, какое-то время на улицах Ленинграда можно было увидеть юношей и девушек в юнгштурмовках. Носили их в основном рабфаковцы и комсомольские активисты среднего уровня. Как и в начале 20-х годов, в «революционность» играла часть интеллигенции. В красном платке и юнгштурмовке в редакциях ленинградских газет часто появлялась поэтесса О. Берггольц. По словам известного критика Н. Левина, эта «*девочка в красной косынке была уже дважды матерью, но твердо решила остаться комсомолкой из-за Невской заставы*»[21].

Продлить аскетизм в одежде пытались и представители художественного авангарда, занимавшиеся текстилем. Так, на всесоюзной выставке работ ОМАХРа в 1929 году были представлены эскизы рисунков ситца на тему «Комсомол за работой», «Участие красноармейцев в уборке хлопка», «Коллективизация», «Военно-морской флот» и т. д. Журнал «За пролетарское искусство» даже в 1931 году рьяно пропагандировал борьбу с рисунками тканей, «*враждебными классу пролетариев, вредными или нейтральными*»[22].

«МЫ ХОТИМ ОДЕВАТЬСЯ КРАСИВО»

В начале второй пятилетки политика в области одежды стала претерпевать серьезные изменения. Внешне может даже показаться, что вершители человеческих судеб стали лояльнее относиться к капризам моды. Старый член партии, активистка одного из ленинградских заводов З. Н. Земцова вспоминала, как в начале 30-х годов женщинам, собиравшимся на торжественный вечер в Кремле по случаю 8 марта, было дано указание явиться на банкет «*не нигилистками в строгих английских костюмах с кофточкой и галстуком, с короткой стрижкой, а выглядеть женщинами и чтобы наряд был соответствующим*»[23].

Кинозвезды советского кино Л. Орлова, Л. Смирнова, М. Ладынина, Т. Макарова вполне могли соперничать с Марикой Рокк, Марлен Дитрих, Диной Дурбин, Франческой Гааль. С середины 30-х годов в крупнейших городах советской страны стали издаваться журналы мод — «Модели сезона», «Модели платьев», «Модели для индивидуальных заказов» и т. п. В 1934 году в Москве был создан Центральный дом моделей. А. Жид, французский писатель, побывавший в СССР примерно в это время, отметил, что даже сам Сталин «*недавно одобрил женское кокетство, призвав к модной одежде и украшениям*»[24].

Партийные и советские работники Ленинграда уже не бичевали друг друга за пристрастие к хорошей одежде. Их жены спокойно пользовались и частными портными, и услугами закрытых распределителей. Одежда партийных активисток теперь вполне соответствовала требованиям западной моды. Характерным примером является метаморфоза, произошедшая с женой Ф. Д. Медведя, начальника управления НКВД по

Ленинградской области, — Р. М. Копыловской. Максималистка-революционерка, в 30-е годы превратилась в «*гранд-даму*», ходила «*располневшая, раскрашенная, вульгарная*»[25].

Стремление хорошо одеваться стало даже поощряться. «Комсомольская правда», еще пять лет назад громившая любительниц лакированных туфель, в 1933 году открыла рубрику «Мы хотим одеваться красиво», где печатались письма примерно такого содержания: «*Три года замечаю, что есть и у меня охота одеться получше. Не то жениться собираюсь, не то от товарищей в цехе отстать нельзя*». Автор письма жаловался на плохое качество тканей, критиковал пошив костюмов: «*Надоело это чучело — фасон — неизменная тройка, англезе с гаврилкой*»[26].

В 30-е годы руководство страны явно переориентировалось на создание социалистических элитных групп, внешний облик которых был бы достаточно презентабельным. Это прежде всего относилось к передовикам производства. С начала 30-х годов их стали организованно снабжать одеждой. Молодой магнитогорский рабочий В. Калмыков был премирован элегантным светлым заграничным пальто и ворсистой кепкой. Особенно заботились о внешнем виде стахановцев. Московский сталевар И. Гудов вспоминал, что на Всесоюзном совещании стахановцев в Москве в 1935 году собравшиеся с большим интересом слушали выступление комсомолки Н. Савниковой. Она рассказала не только о методах своей работы, но и о том, на что она собирается потратить премию за свой ударный труд. А купит она «*молочного цвета туфли за 180 руб., крепдешиновое платье за 200 руб., пальто за 700 руб.*». Серго Орджоникидзе бросил реплику: «*Одеть бы так всех наших девушек — красавицами бы выглядели*». А вот как описывала свой туалет комсомолка, попавшая на бал в Колонном зале Дома союзов в честь первых стахановцев: «*На мне было черное крепдешиновое платье. Когда покупала его в ателье на Таганке, мне показалось, что в нем и только в нем я буду выглядеть в древнегреческом стиле. Ну, не Даная, конечно, однако свободное платье-туника, да еще вокруг ворота складчатая пелеринка — это да!*»[27].

По данным обследования конца 1935 года, в гардеробе среднего молодого ленинградца, как правило, имелись пальто, костюм, две пары брюк, 3—4 рубашки, 3—4 смены белья, две пары обуви; у девушки — 2 пальто (зимнее и демисезонное), 4 платья, 4 смены белья, 2 юбки, 2 блузки, две пары обуви. Внешне эти данные могут показаться свидетельством относительно высокого уровня благосостояния народа в 30-е годы. Однако если сопоставить материальные возможности основной массы населения и цены на престижные предметы одежды — костюм покроя «чарльстон», крепдешиновое платье, демисезонное пальто, то становится ясным, что такую одежду могли носить лишь стахановцы, да и то не все. Ведь, по данным того же обследования, средняя заработная плата юношей и девушек, занятых в машиностроительном производстве, составляла 275 рублей. В других же отраслях заработки не превышали 249 рублей, а у стахановцев — 325 рублей. В Ленинграде в 1935 году средний заработок в промышленности в целом составлял около 200 рублей. Перед войной он повысился, в основном за счет нового стимулирования труда передовиков, которые стали получать от 800 до 1500 рублей в месяц. Но их в промышленности было не более 6 процентов. Кроме того, в городе жили учителя, медики, бухгалтеры, люди, работавшие в сфере обслуживания, культуры — те, кто по традиции советского обезличивания носил весьма расплывчатое имя «служащих», а также студенты, пенсионеры, иждивенцы. Их доходы были намного меньше, чем у представителей рабочего класса. И, конечно, стиль одежды, рекламируемый на совещаниях стахановцев, отнюдь не был распространен среди основной массы населения.

Крепдешиновые платья, бостоновые костюмы, кожаная обувь — это предметы, знаковое содержание которых свидетельствовало о принадлежности к элитарным группам советского общества. А распространенными в 30-е годы были дешевые вещи: толстовки, надраенные зубным порошком парусиновые туфли или полуботинки, гарусные береты — предел мечтаний любой фабричной девчонки, саржевые юбки-клеш, полосатые футболки. Эти вещи, несомненно, свидетельствуют о низком материальном уровне жизни основной массы ленинградцев. Посетивший в 1947 году СССР Л. Фейхтвангер писал о том, что одежда большинства горожан даже в Москве «*кажется довольно неприглядной*» и если кто-либо, мужчина или женщина, хочет быть хорошо и со вкусом одет, он должен, отмечал писатель, затратить на это много труда, и все же своей цели он никогда вполне не достигнет[28].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 13, 17.
2. Анненков Ю. П. Дневники моих встреч. Л., 1991. Т. 1. С. 31.
3. Вечтомова Е. А. Здесь печаталась «Правда». Л., 1969. С. 147.
4. ЦГА ИПД. Ф. К-601. Оп. 1. Д. 1127. Л. 3.
5. Новый мир. 1975. № 11. С. 55.
6. Мандельштам Н. Вторая книга. М.; 1990. С. 102, 103.
7. Рубинштейн М. М. Юность по дневникам и автобиографическим записям. М., 1928. С. 234.
8. Смена. 1926. № 7. С. 14; Комсомольская правда. 1927. 12 января.
9. Чуковский К. И. Дневники. 1900—1929. М., 1990. С. 335.
10. Шульгин В. В. Три столицы. М., 1990. С. 243, 270.
11. Минувшее. СПб., 1992. Т. II. С. 439.
12. Зудин И., Мальковский И., Таланов В. Мелочи быта. М.; Л., 1929. С. 39.
13. ЦГА ИПД. Ф. К-157. Оп. 1. Д. 4. Л. 10—11.
14. На штурм науки. Л., 1971. С. 213.
15. Смена. 1926. № 12. С. 12.
16. ЛЕФ. 1923. № 3. С. 8.
17. Гранин Д. Ленинградский каталог. Л., 1986. С. 77.
18. Шитц И. И. Дневник великого перелома. Париж, 1991. С. 97.
19. Гранин Д. Указ. соч. С. 91.
20. Комсомольская правда. 1928. 2 июня.
21. Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 56.
22. За пролетарское искусство. 1931. № 2. С. 21.
23. Огонек. 1988. № 27. С. 15.
24. Звезда. 1989. № 8. С. 162.
25. Росляков М. Н. Убийство Кирова. Л., 1991. С. 69.
26. Комсомольская правда. 1933. 28 августа.
27. Юность. 1985. № 8. С. 90.
28. Фейхтвангер Л. Москва, 1937. Л., 1937. С. 11.

АНДРЕЙ ТОПОРКОВ

ХЛЕБ ДА СОЛЬ...

Хлеб — символ достатка, изобилия и материального благополучия. Осмысляется как дар Божий и одновременно как самостоятельное живое существо или даже образ самого божества. Требует к себе особо почтительного и почти религиозного отношения. В быту и обрядах часто объединяется с солью.

Как один из наиболее позитивно окрашенных символов, хлеб устойчиво фигурирует в сочетании с Богом, землей, солнцем и практически лишен негативных оттенков. Хлеб символизирует отношения между людьми и Богом, между живыми и предками, взятые в аспекте положительных значений — богатства, полноты, целостности. В то же время он теснейшим образом связан с миром умерших, которые почти осязаемо участвуют в выпечке хлеба и получают от него свою долю в виде горячего пара или какой-либо специально выделенной для них части.

У восточных и западных славян было принято, чтобы буханка хлеба лежала постоянно на столе в переднем углу, что придавало столу особую сакральность и позволяло рассматривать его как место пребывания самого Бога. Хлеб на столе символизировал богатство дома, постоянную готовность к приему гостя, а также был знаком божественного покровительства и оберегом от враждебных сил. Люди кладут хлеб перед иконами, как бы свидетельствуя этим о своей верности Господу. Но и Бог, в свою очередь, кладет хлеб на стол перед людьми: по общеславянскому выражению, хлеб — «дар Божий», а по русскому — «стол — ладонь Божья».

Архаический характер имеет представление о том, что Бог наделяет хлебом человека, причем вместе с «долей» — куском хлеба — человек получает и свою «долю», вместе с «частью» хлеба и свое «счастье». В свадебных песнях Бог сам наделяет долей присутствующих, а изготовление каравая изображается как торжественное событие, в котором наряду с каравайницами принимают также участие Богородица и Иисус Христос. На белорусской свадьбе родители молодого, как бы принимая на себя функции Бога, давали ему хлеб с солью, говоря: «Дарую тебе счасцем и долею, хлебом и солею, волами и каровами, усим добрым, што маю, и табе тое даю».

Буханка хлеба и каждый его кусок, особенно первый, или крошка воплощали собой долю человека; считалось, что от обращения с ними зависят его сила, здоровье и удача. Не разрешалось, чтобы один человек доедал хлеб за другим — заберешь его счастье, силу. Нельзя есть за спиной другого человека — тоже съешь его силу. Дашь во время еды хлеб со стола собакам — постигнет бедность. Нельзя оставлять кусок хлеба на столе, иначе похудеешь — «он тебя есть будет» или станет гоняться за тобой на том свете. Если крошки валятся изо рта — нехорошая примета, к скорой смерти едока. Когда упадет хлебная крошка, нужно поднять ее, поцеловать и съесть или бросить в огонь.

Разрезание хлеба и распределение его между едоками были обязанностью мужчины, а заквашивание теста и выпечка хлеба — специфически женским занятием. Сами бытовые действия регламентировались множеством правил и запретов. Используемые при этом предметы (дежа, печь, хлебная лопата) относятся к наиболее значимым и символически нагруженным в крестьянском быту. Не разрешалось, чтобы хлеб пекла нечистая женщина (во время месячных, после полового общения с мужчиной, после родов); нельзя печь хлеб в календарные праздники, в воскресенье, иногда и в другие дни недели. Хлеб сажают в печь в молчании; пока он в печи, не разговаривают громко, не бранятся и вообще не шумят, не метут пол. На подобные настроения хлеб реагирует как живое существо: раздражается, пугается, начинает капризничать и поэтому не удается. Пока печь открыта, никто не должен выходить из дома. На протяжении всего процесса приготовления хлеба неоднократно крестятся сами и крестят муку, тесто в деже, буханку перед выпечкой и после нее.

Хлеб часто использовали в качестве оберега: клали его в колыбель к новорожденному; брали с собой, отправляясь в дорогу, чтобы он охранял в пути; оставляли на месте, где лежал покойник, чтобы хлеб победил смерть и умерший не взял с собой плодородия; выносили на улицу при приближении грозы или градовой тучи вместе с другими хлебными припасами (дежой и хлебной лопатой), чтобы защитить посевы; обходили с хлебом загоревшееся строение или бросали его в огонь, останавливая пламя.

Хлеб оставляли на ночь на месте будущего дома, чтобы определить, подходит ли оно для строительства; несли его при переходе в новый дом и катили от порога, гадая о будущей жизни. В Житомирской области на месте, где предполагали поставить хату, ставили крест, а около него — стол с хлебом; разрезали хлеб на четыре части, первую клали на крест, чтобы святые ели и просили счастья для тех, кто будет здесь жить, вторую — под стол для домовиков, чтобы съели и не вредили хозяйству, третью ели сами и просили Бога о достатке, четвертую давали скотине, для сытости и здоровья. Ритуальное кормление призвано было низвести на людей и домашних животных покровительство и христианских, и языческих сил.

Хлеб использовали в качестве ритуального дара: брали его с собой, отправляясь свататься; с хлебом и солью встречали гостя, молодых по возвращении из церкви после венчания; везли хлеб вместе с приданым невесты; угощали им друг друга в различных обрядовых ситуациях, оставляли как жертву в поле, в лесу, в других местах. Хлеб, наряду с медом и сыром, входил в состав древнерусских жертвоприношений роженицам.

Хлебом кормили не только живых, но и мертвых: клали его в гроб, сыпали крошки на могилу для птичек, воплощающих души покойных, оставляли на перекладине креста, предназначали мертвым первый из выпеченных хлебов, помеченный крестиком. В Полтавской губернии такой хлеб разламывали надвое и клали на покути или на покутное окно для предков. Преломление хлеба представляло собой ритуальный жест и встречалось главным образом в обрядах, связанных с культом мертвых. Вторичные объяснения жеста связали его с воспоминаниями о Тайной вечере; согласно пословице, «Христос ломал и нам давал». Хлеб, забытый в печи, наделялся особыми свойствами; его давали человеку, который тосковал по умершему или любимому, чтобы он забыл их, использовали как лечебное средство.

У русских молодых на свадьбе благословляли иконой и хлебом, на рукобитье обносили хлебом руки или клали их на хлеб при заключении договоренности о свадьбе. Обряд «венчанья бурлаков» на Екатеринославщине сводился в основном к тому, что молодые целовали хлеб и обещали «Богом и хлебом» жить дружно. У болгар известны клятвы и проклятия хлебом.

Соль — символ, используемый самостоятельно и в сочетании с хлебом главным образом в качестве оберега.

С солью, которая растворилась в пище, связана ее невидимая, но чрезвычайно значимая для вкусовых ощущений часть, как бы смысл, суть пищи — ее «соль» в переносном значении. Приписывание соли функций оберега основано на ее материальных свойствах: соль произведена человеком и принадлежит миру культуры, способствует консервации продуктов и может быть брошена в лицо вредителю (широко известны формулы-обереги типа: «Соль тебе в очи, головня тебе в зубы, горшок промеж щек»). В Вологодской губернии женщину после родов водили в баню, при этом баба-повитуха терла ей лоб солью и приговаривала: «Как эта соль не боится ни глазу, ни вару, ни опризорищей, ни оговорищей, так ты, раба Божия (имя), не боялась ни опризорищей, ни оговорищей» — и бросала соль наотмашь. В Белоруссии клали в уши новорожденного соль при крещении, чтобы охранить его от нечистой силы.

По украинскому поверью, злой дух боится соли. Во Владимирской губернии думали, что соли опасается леший и никогда не подойдет к огню, если в него бросили соль. Кашей без соли угощали и домового в Харьковской губернии; впрочем, в других местах его кормили хлебом с солью.

Пресную пищу готовили подчас в дни похорон и поминальных обрядов.

В Великий четверг заготавливали так называемую четверговую соль. В одних местах ее пережигали в печи, в других — освящали в церкви, оставляли на ночь на столе или выносили на улицу под звезды. Четверговую соль хранили в течение всего года и использовали от «сглаза» и при лечении самых разных болезней.

В обрядах, связанных с рождением ребенка, и на свадьбе соль, как правило, сочеталась с хлебом и выражала позитивные значения, охраняя хлеб и дом в целом от воздействия враждебных сил, а при угощении хлебом-солью, символизирующем установление дружеских отношений между людьми, придавала этим отношениям оттенок сердечной близости. По сообщению С. Герберштейна, русский государь во время обеда посылал гостям со своего стола хлеб и соль: «Таким хлебом государь выражает свою милость кому-нибудь, а солью — любовь. И он не может оказать кому-либо большей чести на своем пиру, как посылая ему соль со своего стола».

В приворотном заговоре привязанность человека к хлебу-соли выступает как образ любовного чувства: «Как раба (имя) хлеб-соль любит, так же бы она любила меня, раба (имя), отныне и до века». Наконец, соль, как и другие виды пищи, широко применяется в любовной магии, причем по признаку «солености» сближается с человеческим потом. Например, в Новгородской губернии невеста, придя в баню, раздевалась и ложилась на полок, чтобы хорошенько вспотеть; крестная мать вытирала ее узелком с солью так, чтобы соль намокла от пота; выжимала потную влагу из соли на принесенный в баню пирог, которым кормят молодого после венчания, чтобы он любил жену, а соль сама невеста клала в горшок со щами, которыми на свадебном обеде угощают родных жениха, чтобы ее полюбила вся его родня. Гадая о будущем муже, девушка ела перед сном пересоленный корж, чтобы во сне к ней явился суженый и попросил напиться, — соль, таким образом, связывалась с темой любовной жажды. С другой стороны, соленое, как и горькое, противопоставлялось сладкому (вспомним сохранившийся доныне свадебный обычай требовать криками «Горько!», чтобы молодые «подсластили» спиртное).

Повседневное обращение с солью таило в себе множество опасностей и регламентировалось рядом правил и запретов. Некоторые из них до сих пор соблюдаются не только в деревенском, но и в городском быту, хотя и низведены до полушуточных примет. Если просыпется соль — быть ссоре. В этом случае нужно перебросить соль или трижды сплюнуть через левое плечо, как бы отгоняя «нечистиков». Передавая солонку другому человеку за столом, требуется рассмеяться, чтобы с ним не поссориться. Не разрешалось обмакивать хлеб в солонку, ибо так поступил Иуда на Тайной вечере и в этот момент по руке в него вошел сатана.

Хлеб-соль — сочетание хлеба и соли, характерное для их хранения и использования в быту и в обрядах; обобщенное наименование пищи; приветствие к участникам трапезы.

Сочетание хлеба и соли играло роль емкого символа: хлеб выражает пожелание богатства и благополучия, а соль защищает от враждебных сил и влияний. У русских в начале и в конце обеда советовали съесть для счастья кусочек хлеба с солью. Угощение гостя хлебом-солью устанавливало между ним и хозяином отношения приязни и доверия; отказ же от них расценивался как оскорбительный жест. В Новгородской губернии в случае, если пришедший в избу отказывался от угощения, ему с обидой говорили: «Как же ты так из пустой избы пойдешь!» В «Домострое» рекомендовалось напоить недруга и накормить его хлебом да солью, «ино вместо вражды дружба». Самый большой упрек, который можно сделать неблагодарному, это сказать: «Ты забыл мой хлеб да соль». «Хлебосольством» доныне называют радушие и щедрость, проявляемые при угощении гостя.

Этой публикацией мы завершаем цикл статей о символике жилища и утвари.

ЮРИЙ БИРЮКОВ

«ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС...»

Летом 1864 года молодой офицер, 25-летний выпускник Второго петербургского кадетского корпуса Александр Навроцкий решил провести отпуск в путешествии по Волге. Волжский пароход высадил молодого путешественника на пристани за полверсты от села Богородского Казанской губернии.

Обратимся к воспоминаниям Навроцкого, заключающим книгу «Картины минувшего».

«Возвратившись с осмотра, — рассказывает Александр Александрович, — я, в ожидании парохода, который должен был прийти поздно вечером, пошел гулять по берегу Волги и встретил небольшую ватагу рыбаков, окончивших лов и варивших уху. Хозяин ватаги, почтенный крестьянин лет семидесяти, высокий, сутуловатый и весь седой, пригласил меня отведать ухи... Старик оказался знатоком Волги и... указал мне на многие легендарные места, в том числе и на утес или бугор Стеньки Разина, рассказав связанное с ним предание, которое я и воспроизвел в своем стихотворении».

Стихотворение «Утес Стеньки Разина» впервые было опубликовано в двенадцатом номере «Вестника Европы» за 1870 год.

Поэтическая легенда о думах волжского бунтаря неожиданно для ее автора, преуспевающего чиновника военно-судебного ведомства, дослужившегося до генерал-лейтенанта и занимавшего в общественной жизни консервативные позиции, широко распространилась в среде революционеров-разночинцев.

Сочинение напева, который с незначительными изменениями дошел до наших дней, некоторые исследователи приписывают Анне Григорьевне Рашевской — вольнослушательнице одного из провинциальных университетов, активной участнице русского революционного движения. Однако никаких документальных подтверждений и свидетельств авторства А. Г. Рашевской в музыке «Утеса» обнаружить никому еще не удалось.

В истории знаменитой песни — немало славных страниц. Но сегодня хотелось бы в первую очередь дать «слово» самой песне, полный текст которой известен очень узкому кругу любителей.

Напоминаем слова:

Есть на Волге утес,
диким мохом оброс
Он с вершины до самого края,
И стоит сотни лет, только
мохом одет,
Ни нужды, ни заботы
не зная...

На вершине его не растет
ничего,
Только ветер свободный
гуляет,
Да могучий орел свой притон
там завел
И на нем свои жертвы
терзает.

Из людей лишь один
на утесе том был,
Лишь один до вершины
добрался,
И утес человека того
не забыл
И с тех пор его именем
звался...

Раз ночною порой,
возвращаясь домой,
Он один на утес тот
взобрался
И в полуночной мгле
на высокой скале
Там всю ночь до зари
оставался.

Много дум в голове родилось
у него,
Много дум он в ту ночь
передумал,
И под говор волны,
средь ночной тишины
Он великое дело задумал.

И, задумчив, угрюм
от надуманных дум,
Он наутро с утеса спустился
И задумал идти по другому
пути —
И идти на Москву
он решился.

Но свершить не успел
он того, что хотел,
И не то ему пало на долю;
И расправой крутой
да кровавой рукой
Не помог он народному горю.

Не владыкою был он
в Москву привезен,
Не почетным пожаловал
гостем,
И не ратным вождем, на коне
и с мечом,
Он сложил свои буйные
кости...

И Степан, будто знал,
никому не сказал,
Никому своих дум
не поведал,
Лишь утесу тому, где он был,
одному
Он те думы хранить заповедал.

И поныне стоит тот утес
и хранит
Он заветные думы Степана;
И лишь с Волгой одной
вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Но зато, если есть на Руси
хоть один,
Кто с корыстью житейской
не знался,
Кто свободу, как мать
дорогую, любил
И во имя ее подвизался, —

Пусть тот смело идет,
на утес тот взойдет,
Чутким ухом к вершине
приляжет,
И утес-великан все, что думал
Степан,
Все тому смельчаку
перескажет.

Клавдия Шульженко.

«СИНИЙ ПЛАТОЧЕК»

«Синий платочек» прошел всю войну, с первого ее дня до Победы. Но кто и когда сочинил эту песню? Кто первый исполнитель «Синего платочка»?

Т. Удинцева, г. Вильнюс

Это лишь одно из множества писем, присланных в адрес нашей рубрики. И многие их авторы просят рассказать о «Синем платочке». А судьба у песни в самом деле необычная и удивительная: песня эта рождалась дважды. Чтобы разобраться, как это случилось, давайте перенесемся в довоенный 1939 год. Именно тогда, спасаясь от фашистской неволи, в нашу страну приехали участники популярного польского эстрадного коллектива «Голубой джаз». Они выступали с концертами в Белостоке, Львове, Минске, а весной 1940 года прибыли на гастроли в Москву. Концерты «Голубого джаза» проходили в саду «Эрмитаж».

На одном из представлений побывал поэт и драматург Яков Галицкий. Среди многочисленных импровизаций композитора и пианиста джаза Ежи Петерсбургского одна приглянулась ему, и тут же, во время концерта, он подтекстовал эту мелодию:

Синенький скромный платочек
Падал с опущенных плеч.
Ты говорила,
Что не забыла
Ласковых радостных встреч.

Порой ночной
Мы повстречались с тобой...
Нет прежних ночек.
Где ж ты, платочек
Милый, желанный, родной?

Таким было начало текста, с которым поэт познакомил композитора в тот же вечер в гостинице. А через несколько дней состоялась премьера песни «Синий платочек» в сопровождении «Голубого джаза». Спел ее солист Станислав Ляндау.

Вскоре песню запели популярные певцы и певицы, а Изабелла Юрьева и Екатерина Юровская даже успели записать «Синий платочек» в 1940 году на грамплатинку.

Великая Отечественная война вызвала к жизни новые песни. Был спрос на песню походную, строевую, лирическую. И они сочинялись. Но и со старыми произошли неожиданные метаморфозы: «мирные» довоенные песни стали первыми военными. Так произошло и с «Синим платочком». Мгновенно в окопах и землянках родились новые варианты песни. Начало было положено, пожалуй, той, что придумана безымянным автором буквально в первые дни вражеского нашествия:

Двадцать второго июня
Ровно в четыре часа
Киев бомбили,
Нам объявили,
Что началася война.
Дрогнут колеса вагона,
Поезд умчится стрелой.
Ты мне с перрона,
Я — с эшелона
Грустно помашем рукой...

Та же тема расставания и разлуки нашла отражение и в переделанной концовке «синего платочка», с которым выступала на фронте Лидия Русланова:

Ты уезжаешь далёко.
Вот беспощадный звонок.
И у вагона
Ночью бессонной
Ты уже странно далек.
Ночной порой
Мы распрощались с тобой.
Пиши, мой дружочек,
Хоть несколько строчек,
Милый, хороший, родной...

В августе 1942 года Лидия Андреевна записала этот вариант «Синего платочка» на грампластинку вместе с «Землянкой» К. Листова и А. Суркова. Однако пластинке не суждено было увидеть свет. Изготовили матрицы, сделали с них пробный оттиск, а когда понесли к цензору, выяснилось, что «Землянка» запрещена из-за строчек про смерть, до которой «четыре шага». Так что в тираж пластинка не пошла (уникальный экземпляр этого оттиска много лет спустя посчастливилось отыскать киевскому филофонисту Виталию Петровичу Донцову, и в 1982 году руслановская пластинка вышла).

Вот несколько строк из письма ко мне ветерана Великой Отечественной Федора Павловича Аверина из Курганской области: «Когда мы получали сухой паек, то нам выдавался пшенный концентрат. На обертке пакета напечатаны были стихи, которые я помню до сих пор:

Вкусная пшенная каша
Жарко кипит в котелке.
Пробуя кашу,
Вспомни Наташу,
Девушку в синем платке.
И вновь, и вновь
Фрицам погибель готовь.
Помни, дружочек,
Синий платочек,
Бейся за нашу любовь!

И все-таки самую широкую известность и распространение в годы войны получил, вне всякого сомнения, тот фронтовой вариант «Синего платочка», инициатором создания и первой исполнительницей которого стала замечательная певица Клавдия Ивановна Шульженко. Время рождения стихов этого фронтового варианта «Синего платочка» — 9 апреля 1942 года. Их автор — литсотрудник газеты «В решающий бой!» 54-й армии Волховского фронта лейтенант Михаил Максимов.

В 1976 году я побывал у него в Ленинграде.

— По заданию редакции, — рассказал мне Михаил Александрович, — приходилось бывать на различных участках фронта, писать репортажи о боевых событиях. Когда к нам приехала Клавдия Шульженко и джаз-ансамбль, которым руководил Владимир Коралли, мне поручили написать отчет об их концертах.

Познакомились. Разговорились. Узнав о том, что я пишу стихи, Клавдия Ивановна сразу же предложила написать новый текст на музыку довоенного «Синего платочка», чтоб в нем были слова, созвучные военному времени. И родились у меня строки про то, как «строчит пулеметчик про синий платочек, что был на плечах дорогих...».

Ленинградский писатель Александр Бартэн, работавший в ту пору вместе с Максимовым в редакции газеты «В решающий бой!», познакомил меня с записью в своем дневнике от 12 апреля 1942 года. Накануне Клавдия Шульженко выступила в депо железнодорожной станции Волхов.

«Благодарные зрители, — пишет Бартэн, — преподнесли ей кремовый торт. Кусок торта, десяток папирос и полстакана клюквы с сахаром получил Максимов, написавший для Шульженко новый текст «Синего платочка». Таким был необычный, но весьма дефицитный для блокадного времени «гонорар» и презент автору песни после ее премьеры».

— Я, конечно же, не мог тогда предположить, что «Синий платочек» с моим текстом приживется и ему будет уготована долгая жизнь, — вспоминал Михаил Александрович. — В ту пору считалось ведь, что на фронте нужны совсем другого рода стихи и песни — призывные, мобилизующие.

Помнится, редактор нашей газеты на мое предложение опубликовать эти стихи вместе с отчетом о концерте Шульженко категорически заявил:

— Вы что, лейтенант? О каких «синих платочках» может идти сейчас речь? Кругом война, смерть, разрушения...

Об этом разговоре узнал наш ответственный секретарь, получивший новое назначение — редактором дивизионной газеты «За Родину!», — Саша Плющ.

— Давай, — сказал он мне на прощание, — твое «творение». Я его в своей газете напечатаю и тем отметчу вступление в новую должность. Авось, не снимут...

Он первый эти стихи опубликовал. Больше я их никуда не посылал...

В ноябре 1942 года на экраны страны вышел фильм режиссера Юрия Слуцкого «Концерт — фронту». В нем впервые прозвучал максимовский вариант «Синего платочка» в исполнении Шульженко. Были выпущены две пластинки с этой песней и большим тиражом отпечатана открытка со словами «Синего платочка», которую и сегодня хранят в семьях фронтовиков как самую дорогую память.

Рубрику ведет кандидат исторических наук
ВЛАДИМИР НИКИТИН

КОМБАЙНЕР В ГАЛСТУКЕ

«Уборка в Ленинской комнате». Требовалось немало усилий, чтобы найти всем участникам этой сцены соответствующее занятие. Дети успешно справились с нелегкой задачей, а вот у пионервожатой явно не получилось — откровенно позирует.

Это еще далеко не самая неудобная поза, которую приходилось принимать фотокору, чтобы запечатлеть «пафос свершений».

Фотокорреспонденты, особенно 30—50-х годов, были теми людьми, чьи вкусы, представления о жизни, талант и человеческие качества так или иначе формировали пропагандистский «образ современности». Советские фотографы тех лет, увы, не были бесстрастными бытописателями. Они являлись, если хотите, создателями «второй действительности», той, которая устраивала «рулевых» пропагандистской машины.

Помню, как в начале шестидесятых я пришел в фотохронику ЛенТАСС. В те годы каждый фотолюбитель мечтал увидеть свой снимок на журнальной обложке или на полосе газеты. Поразило меня тогда то, что в тассовской «продукции», с которой я впервые столкнулся, не было ничего из того, что меня так привлекало в фотографии — возможности рассказывать о жизни, передавать сиюминутные состояния, ситуации. Тассовские «фотоинформации» были более или менее удачно срежиссированными сюжетами-схемами, обозначающими ту или иную сферу человеческой деятельности: труд (прежде всего), отдых, учебу и т. д.

Когда я с юношеской бесхитростностью принес альбом с фотографиями Картье-Брессона, чтобы показать старшим коллегам, что я считаю хорошей фотографией, один из ветеранов фотохроники отрезал: «Да у меня таких карточек полный стол валяется! Только их никто печатать не будет!» Подобных снимков, как оказалось позднее, у него просто не было, но в чем он был абсолютно прав, так это в том, что Брессона бы в ТАССе не потерпели. И вот почему: знаменитый французский фотограф снимал саму жизнь, а тассовские и другие фоторепортеры тех лет — какой она должна быть. Недаром в середине 70-х, когда Брессон показал свою книгу «Кое-что о Советском Союзе», именно профессиональные репортеры выступили его оппонентами...

Надо сказать, что лучшие из фоторепортеров всегда были профессионалами: они великолепно владели примитивной техникой, были отменными организаторами и высококлассными операторами. Выезжали они на съемку с арсеналом осветительной техники — грандиозные замыслы и слабая чувствительность фотоматериалов требовали много света. Иногда возили с собой и некоторые принадлежности гардероба. Один из репортеров, трудившийся в послевоенные годы в Ставрополье, рассказывал мне, что возил с собой целый чемодан, в котором кроме фотопринадлежностей были зеркало, бритвенный прибор, пиджак, сорочка и дежурный галстук-«гаврилка».

— Приедешь, бывало, в поле, дождешься, когда подойдет комбайн с рекомендованным «героем», вытащишь его на свет божий и ахнешь: бандит, да и только! Морда грязная, щетина с палец — они ведь неделями во время уборки не мылись, синяки под глазами...

Объяснишь ему что к чему. Он вымоется, я его побрею, сорочку, галстук надену, поставлю на фоне комбайна, гляну на него через видоискатель — все равно бандит! Но зато в таком виде хоть печатать можно...

Самодеятельность — та сфера, где советский человек мог беспрепятственно выражать свою индивидуальность. Но лучше все-таки, чтобы все были похожи друг на друга. Нижняя точка — излюбленный ракурс фоторепортеров 30—40-х годов.

Фоторепортеру и в голову не приходило, что можно, да и нужно было снимать людей такими, какие они есть. Он четко знал, что такие снимки не напечатают, знал, какого «передовика» ждет от него редактор!

Под нелепые порой требования редакторов подводилась соответствующая не только идеологическая, но и теоретическая база.

В журнале «Советское фото» один из таких теоретиков писал: «Создать большие произведения фотоискусства можно лишь при условии полного осуществления замысла фотографа, полного подчинения объектов съемки воле снимающего. Композиция должна не выбираться, а строиться в твердом согласии с замыслом автора. Путей, позволяющих фотографу управлять материалом съемки, мы видим два.

Первый из них — это инсценировка... Вторым путем мы считаем комбинированную фотосъемку...»*

Сегодня мы имеем возможность познакомить читателей «Родины» с некоторыми аспектами фоторепортерской кузни того времени. Случайно мне в руки попались тассовские довоенные негативы, найденные коллекционером. Ценность находки в том, что среди негативов были не только те, которые увидели свет (с этими материалами мы можем познакомиться по архивным хранениям), но и отсев, возврат — словом, то, что было снято, но по каким-то причинам не пошло на страницы изданий.

На некоторых негативах запечатлены рабочие моменты съемок (один из репортеров снял своих коллег за работой).

Весь отснятый материал датируется весной—летом 1940 года, когда в стране наступило короткое предгрозовое затишье: позади репрессии 37—38 годов, до начала войны еще год. В стране, по выражению вождя всех народов, «жить стало веселее».

Съемки эти весьма традиционны по тематике — полностью отсутствует то, что мы называем бытом, нет ни одного жанрового снимка. Каждая фотография — четко продуманный «сюжет», через который должна проводиться определенная, пусть и не очень глубокая, но «идея». Тут практически не встретишь конкретных фамилий — важно было показать массовость любого

* Волков В. Право на выдумку //«Советское фото». 1936. № 11. С. 6.

С этим снимком фотографу пришлось повозиться: удачно выставлен свет, нашлось дело для всех участников съемки, но редактор местного радиовещания оказался плохим актером. Масса дублей, но так и не удалось найти живого выражения лица.

мероприятия. Этим пронизаны все работы: «Выпускают стенную газету», «Колхозники отправляются на высадку рассады», «Учащиеся ремесленного училища на занятиях по строевой подготовке». И только изредка появляются «маяки» — те, на которых следовало равняться.

Глядя на снимки, отчетливо представляешь «технологию» их изготовления. Например, один из «сюжетов»: «Выдача зарплаты в колхозе». Само событие требует некоторого комментария. Долгие годы в колхозах практиковалась натуральная оплата за выработанные трудодни: выдавалось зерно, картофель, другие сельхозпродукты. Деньги были редкостью — ими изредка оплачивалась мизерная часть трудодней. И вот перед войной в отдельных, наиболее богатых хозяйствах иногда стали платить колхозникам деньги.

Это событие и стало темой очередного «сюжета»: нужно было показать и сам факт выплаты денег, и их количество, и радость колхозников по этому поводу. Задача, согласитесь, не из легких. Представьте себе окошко кассы и очередь у нее — не особенно тут разгуляешься. Тогда-то и приходит на помощь «репортерская смекалка» и недюжинные режиссерские способности. Все действие переносится в лучшее помещение колхоза — правление, украшенное, как водится, плакатами, графиками и неизменным портретом в красном углу. Отбираются главные действующие лица и статисты, распределяются роли: председатель выдает деньги, колхозница — она должна быть не особенно молодой, но достаточно привлекательной — пересчитывает деньги. «Статисты» — двое мужчин — должны активно наблюдать за происходящим; еще двум женщинам поручено изображать радостных хозяек, обсуждающих предстоящие покупки.

Словом, система Станиславского в действии. Сколько сил, энергии и, несомненно, умения необходимо, чтобы все это изобразить в одном снимке! Но, увы, тут уж техника протестует. Отсутствие широкоугольного объектива и низкая светочувствительность фотопленки не позволяют изобразить все в одном кадре. Приходится делать панораму (испытанный прием, хорошо освоенный советской фотографией) из нескольких кадров, а потом монтировать. На этот раз — из двух кадров: на одном будет председатель и «статисты», на другом — колхозница и ее товарки. Точно выверяется точка съемки, камера устанавливается на штатив, и делается несколько дублей. Из отснятого материала отбираются два самых «живых» снимка, оба печатаются в близкой тональности, вырезаются и склеиваются. Теперь дело за ретушером.

Стремление к плакатности поощрялось даже материально. За «снимок-плакат» платили повышенный гонорар. Фотограф изрядно постарался. Но юноша в момент съемки дернулся и оказался «смазанным». А «герой» должен быть «резким»!

Кстати, ретушер в газете в те годы был весьма ответственной фигурой, пусть и не очень заметной, но хорошо оплачиваемой: у него всегда был самый высокий гонорар. Ведь это он делал «отснятую действительность» достоверной — убирал то, что называли «ушами фотографа». А за это следовало хорошо платить!

Редакция благодарит Владимира Платонова и музей фотографии при Художественном училище им. Н. Рериха (СПб.) за предоставленные материалы.

На конверте с этим снимком редакторской рукой было начертано: «Нет стройности!!! Беспорядочно болтаются руки и так далее...» Сам факт фотографирования марширующих у памятника ремесленников у редактора не вызывал сомнения. Подпись под снимком: «Занятия по строевой подготовке учащихся 1-го Ленинградского железнодорожного ремесленного училища на площади у Кировского райсовета».

Отделы редакции:

древней истории	**(202-47-98)** — Ю. А. Борисёнок,	публицистики	**(202-09-98)** — П. И. Спивак,
военной истории	**(202-74-45)** — Д. И. Олейников,	иллюстраций	**(202-01-25)** — Л. С. Ковалев,
истории культуры	**(202-74-45)** — И. Е. Мазилкина,	распространение	**(202-34-39)**,
новейшей истории	**(202-24-36)** — Т. О. Максимова,	реклама	**(202-17-45)**.

Сдано в набор 19.06.94. Подписано к печати 19.08.94. Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.
Усл. кр.-отт. 75,8. Уч.-изд. л. 25,21. Тираж 90000 экз. Заказ № 1711 Цена в розницу — договорная, по подписке 500 руб.
Адрес редакции: 103009, Москва, ул. Воздвиженка, д. 4/7.
Типография издательства «Пресса». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ. Регистрационный № 291.